К. И. Тура.

Голос жизни о крестьянском неустройстве.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ
О
КРЕСТЬЯНСКОМЪ НЕУСТРОЙСТВѢ.

(По поводу работъ, учрежденной при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ коммисіи по пересмотру крестьянскаго законодательства).

К. И. Тура.

С.-Петербургъ.
Типографія Д. В. Чичинадзе. Невскій просп., № 88.
1898.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ
О
КРЕСТЬЯНСКОМЪ НЕУСТРОЙСТВѢ.

(По поводу работъ, учрежденной при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ коммисіи по пересмотру крестьянскаго законодательства).

К. И. Тура.

С.-Петербургъ.
Типографія Д. В. Чичинадзе. Невскій просп., № 88.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Бѣглый взглядъ на современное крестьянское законодательство.

Еще положеніемъ 19 февраля было обѣщано, что «вслѣдъ за симъ» будетъ изданъ особый сельскій уставъ, подробно нормирующій всѣ стороны крестьянской жизни.

Этому обѣщанію, какъ извѣстно, не суждено было исполниться. Вмѣсто того, не подвергаясь ни разу коренному пересмотру и вызывая тѣмъ по необходимости массу различныхъ дополнительныхъ постановленій и разъясненій, «общее положеніе о крестьянахъ» разрослось постепенно въ огромный сводъ всевозможныхъ правилъ, отчасти противорѣчивыхъ и исключающихъ другъ друга, отчасти утратившихъ всякое значеніе. Уже одно разнообразіе всѣхъ этихъ постановленій, соотвѣтственно различнымъ группамъ крестьянъ— государственныхъ, помѣщичьихъ и другихъ, потеряло свое первоначальное значеніе, вмѣстѣ съ переводомъ всѣхъ этихъ различныхъ категорій на однообразныя правила выкупной операціи. Между тѣмъ, вся эта внушительная совокупность разнородныхъ правилъ на столько затрудняетъ обращеніе съ крестьянскими законами, что вполнѣ правильное примѣненіе ихъ на практикѣ становится почти недостижимымъ.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, предположено, наконецъ, пересмотрѣть крестьянскіе законы. Какъ ни обширна программа, намѣченная уже съ этой цѣлью земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но и она, далеко не охватываетъ всѣхъ сторонъ крестьянскаго неустроенія. Поэтому то весьма своевременно указать на тѣ неудобства, ко-

торыя проистекали изъ отрывочнаго характера, усвоеннаго крестьянскимъ законодательствомъ.

Для примѣра можно взять хотя бы законъ 13 іюля 1889 года, имѣвшій цѣлью упорядочить переселеніе. Между многочисленными постановленіями этого новаго закона имѣется между прочимъ и слѣдующее: «невыкупленные окончательно крестьянскіе надѣлы, освобождающіеся вслѣдствіе переселенія крестьянъ, остаются въ составѣ земель тѣхъ сельскихъ обществъ, къ которымъ эти переселенцы принадлежатъ».

Не трудно видѣть, что новый законъ, не дѣлаетъ никакого различія между подворно-наслѣдственнымъ и общиннымъ пользованіемъ. Нарушая, такимъ образомъ, принятый «Общимъ положеніемъ» порядокъ изложенія, эта неудобная слитность, въ связи съ крайне неопредѣленнымъ оглавленіемъ ко всѣмъ позднѣйшимъ законамъ, создаетъ значительныя, почти непреодолимыя препятствія къ ихъ правильному примѣненію на практикѣ.

Можно смѣло сказать, что явно непосильно не только для неграмотнаго населенія, но даже и для должностныхъ лицъ, при спѣшномъ иногда разрѣшеніи практическихъ вопросовъ, каждый разъ точно и безошибочно сообразоваться съ тѣмъ, въ измѣненіе и дополненіе какихъ, именно, подлежащихъ узаконеній, постановленъ новый законъ.

Насколько затруднительно обращеніе съ крестьянскими законами можно видѣть, разсмотрѣвъ условія примѣненія этого новаго закона о переселеніяхъ къ каждой изъ формъ крестьянскаго землевладѣнія отдѣльно.

Гдѣ же тѣ «подлежащія» узаконенія въ ряду статей, опредѣляющихъ порядокъ общиннаго пользованія, которыя бы измѣнялись и дополнялись вышеприведеннымъ постановленіемъ о переселеніяхъ?

Извѣстно, что въ силу 1 п. 130 ст. «общ. полож. о крест.», послѣдніе для увольненія изъ сельскихъ обществъ, всегда предполагаемомъ при переселеніи, обязывались къ отказу отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ, причемъ порядокъ и

срокъ для сдачи таковаго обществу опредѣлялись мѣстными обычаями.

Если теперь принять во вниманіе, что мѣстные обычаи устанавливаются тѣмъ же сельскимъ обществомъ и что ни одинъ членъ общества при этой формѣ землепользованія «право на участіе въ общемъ владѣніи не можетъ уступить кому либо безъ согласія міра», то приходится признать, что требованіе стараго закона вполнѣ равнозначно требованію новаго. То есть послѣдній не внесъ ничего новаго въ порядокъ общиннаго пользованія.

Остается, такимъ образомъ, предположить, что вышеприведенное постановленіе о переселеніяхъ относится исключительно къ подворно-наслѣдственному владѣнію. Нетрудно, однако, видѣть, что не только исключительно, но даже и сколько нибудь оно несовмѣстимо, съ этимъ владѣніемъ, допускающимъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, добровольное отчужденіе подворныхъ участковъ.

Очевидно, что, обладая правомъ отчужденія, ни одинъ подворный владѣлецъ не можетъ имѣть резона уступить кому-либо безвозмездно свой надѣлъ и всегда предпочтетъ его продать, хотя бы за самую ничтожную цѣну, чѣмъ подарить.

Итакъ, въ первомъ случаѣ, отказъ отъ надѣла вытекаетъ изъ самаго существа общиннаго пользованія и потому былъ предусмотрѣнъ и раньше, а, во второмъ случаѣ, подобный отказъ вовсе не соотвѣтствуетъ основнымъ принципамъ подворно-наслѣдственнаго владѣнія и явно противорѣчитъ другимъ рядомъ дѣйствующимъ узаконеніямъ.

Являясь, такимъ образомъ, какъ бы совершенно излишнимъ, это новое дополненіе къ крестьянскимъ законамъ, на практикѣ плодитъ всевозможныя и крайне тягостныя недоразумѣнія.

На самомъ дѣлѣ, не воспрещая переселеніе всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые отчуждали уже свои подворные участки, этотъ законъ всей тяжестью своей обрушивается на недогадливыхъ владѣльцевъ. Стоитъ только свое желаніе о переселеніи заявить по *отчужденіи* подворнаго участка, чтобы

отклонить отъ себя разъ на всегда всякое требованіе о безвозмездной уступкѣ своего надѣла въ пользу общества. И обратно, подворный владѣлецъ, не догадавшійся воспользоваться дарованнымъ ему правомъ до заявленія о переселеніи, *теряетъ это право, осуществленное его догадливымъ сосѣдомъ*. Мнѣ лично извѣстно, что въ двухъ рядомъ расположенныхъ селахъ,—въ одномъ—переселенцы распродали заблаговременно свои надворные участки, а въ другомъ это отчужденіе было пріостановлено на основаніи закона 13 іюля 1889 года.

Есть ли надобность говорить о томъ, что подобныя недоразумѣнія не могутъ способствовать укрѣпленію того чувства законности, въ недостаточности котораго такъ принято упрекать крестьянъ.

Другимъ не менѣе поучительнымъ примѣромъ того, какъ неудобно *вставлять* узаконенія въ столь цѣльный институтъ, какъ общинное пользованіе, можетъ служить законъ 8 іюня 1893 года о передѣлахъ общинной земли. Избравъ главной своей цѣлью ограниченіе правъ общины по распоряженію общинной землей, законъ о передѣлахъ, какъ бы мимоходомъ внесъ новое ограничительное условіе въ дѣло взысканія повинностей. Но понятно, что законъ о передѣлахъ общинной земли можетъ относиться только къ общинному пользованію, между тѣмъ какъ порядокъ взысканія повинностей, за исключеніемъ выкупнаго платежа, опредѣляется независимо отъ той или другой формы землепользованія и никогда не былъ ограниченъ требованіемъ $^{2}/_{3}$ голосовъ изъ всѣхъ домохозяевъ.

Отсюда получился весьма опасный дуализмъ въ дѣлѣ взысканія повинностей, который можетъ быть формулированъ такъ: *чѣмъ меньше сельское общество имѣетъ правъ на землю своихъ односельцевъ, тѣмъ съ большей свободой оно получаетъ возможность ею распоряжаться.*

Само собою разумѣется, что законодатель не могъ желать установленія этой ничѣмъ необъяснимой двойственности, тѣмъ болѣе опасной, что при существующей задолженности сельскихъ обывателей, въ любомъ обществѣ можетъ оказаться

болѣе одной трети неисправныхъ въ платежѣ домохозяевъ и тогда, при круговой порукѣ, положеніе остальнаго большинства, парализованнаго въ своихъ распоряженіяхъ, должно стать положительно невыносимымъ.

Несомнѣнно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ упущеній, которыя неизбѣжны при частичной передѣлкѣ такихъ цѣльныхъ узаконеній, какъ «общее положеніе о крестьянахъ» въ первоначальной его редакціи.

Уже по этимъ двумъ примѣрамъ, а привести ихъ можно было бы гораздо больше, можно судить о послѣдствіяхъ, вытекавшихъ изъ отрывочнаго характера крестьянскаго законодательства.

Въ такомъ-то крайне неудовлетворительномъ состояніи оказалось «Общее Положеніе» передъ реформой земскихъ начальниковъ, но въ такомъ же состояніи оно продолжаетъ оставаться и по сіе время, съ той разницей, что изложенное *особнякомъ* Новое Положеніе прибавило еще и новыя затрудненія къ обращенію съ крестьянскими законами. Затрудненія значительно увеличиваются еще и вслѣдствіе того принципіальнаго различія, которое существуетъ между этими двумя законодательными актами.

Въ то время, какъ Положеніе 19 февраля преисполнено горячей, чисто-идеальной вѣрой во внутреннія качества сельскаго самоуправленія: «Положеніе о земскихъ начальникахъ» напротивъ того представляетъ собою результатъ значительно охлажденнаго практическаго опыта.

«Многолѣтній опытъ, однако, показалъ, говоритъ Государственный совѣтъ, что такое строгое приведеніе начала полной самостоятельности сельскаго общества въ его внутреннихъ дѣлахъ нерѣдко сопровождалось крайне неблагопріятными послѣдствіями» и т. д. (Мотивы Госуд. Совѣта къ ст. 31 Полож. о Земск. нач.).

Сосредоточивъ все свое вниманіе на усиленіи надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ новое «Положеніе» специализировалось въ одномъ и довольно узкомъ направленіи. Несогласованное вмѣстѣ съ тѣмъ съ крестьянскими зако-

нами и чуждое имъ по духу, оно представило собою какъ бы антитезу «общему Положенію о крест.». Нельзя признать нормальнымъ происшедшее отсюда совмѣстное существованіе двухъ діаметрально противуположныхъ законовъ.

Нѣсколько примѣровъ будетъ совершенно достаточно для поясненія этой мысли.

«Крестьяне не могутъ быть лишены правъ состоянія или ограничены въ сихъ правахъ иначе, какъ по суду, или по приговору общества, утвержденному порядкомъ, установленнымъ въ семъ Положеніи», говоритъ ст. 31 общ. Полож. о крест.

Всякій приговоръ можетъ быть пересмотрѣнъ по существу и отмѣненъ административнымъ порядкомъ гласитъ Положеніе о Земскихъ нач., а слѣдовательно тѣмъ же путемъ можетъ быть удаленъ, напримѣръ, и выборный на волостной сходъ, какъ избираемый по общественному приговору. То есть, удаленіе изъ выборныхъ, составляя несомнѣнное ограниченіе въ правахъ состоянія, становится осуществимымъ внѣ правилъ, изложенныхъ въ общемъ Положеніи о крестьянахъ, и не по суду, а чисто административнымъ распоряженіемъ. Явно отрицательный характеръ ст. 31 къ цѣлому ряду статей Общ. Положенія о крестьянахъ легко понять изъ слѣдующихъ соображеній. Какъ извѣстно, въ огражденіе самостоятельности сельскаго общества въ его внутреннихъ дѣлахъ, было установлено, за нѣкоторыми исключеніями, начало окончательности за всякимъ приговоромъ сельскаго схода, постановленнымъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. Самыя серьезныя дѣла обусловливались записью въ книгѣ и согласіемъ ²/₃ голосовъ изъ всѣхъ домохозяевъ (54 и 57 ст. Общ. Полож. о крест.). Соблюденіе этихъ двухъ формальностей гарантировало приговоры сельскихъ сходовъ отъ всякаго пересмотра по существу и напротивъ того для приговоровъ, подлежавшихъ обжалованію, никакихъ формальностей не полагалось.

Не трудно теперь понять, что ст 31, распространивъ правило о пересмотрѣ по существу на всѣ приговоры сель-

скихъ сходовъ, тѣмъ самымъ превратила когда то цѣнныя формальности въ пустую и тягостную для общества обрядность «ничтожнаго практическаго значенія». Но та же судьба постигла и цѣлый рядъ основныхъ, такъ сказать, центральныхъ статей Общаго Положенія о крестьянахъ.

Такъ напримѣръ, «въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями» (ст. 21 общ. Полож.). По «земскому начальнику принадлежитъ также надзоръ за опекунствами, учреждаемыми надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскаго состоянія и разрѣшеніе жалобъ, приносимыхъ на дѣйствія опекуновъ» (ст. 38 Полож. о земск. нач.), причемъ ни словомъ не упоминается о мѣстныхъ обычаяхъ и даже нѣтъ ссылки на цитированное выше примѣчаніе.

Не ясно ли, что, руководясь прямымъ и для него спеціально изданнымъ закономъ, земскій начальникъ можетъ свободно игнорировать мѣстные обычаи крестьянъ.

Какъ примирить между собою всѣ эти коренныя противорѣчія, проистекающія изъ обособленнаго изложенія этихъ двухъ столь тѣсно связанныхъ и служащихъ одной и той же цѣли законодательныхъ актовъ.

Какой широкій просторъ открывается для личнаго усмотрѣнія всѣхъ должностныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ крестьянскаго самоуправленія!

И не облегчена ли, наконецъ, до крайности возможность по совершенно однороднымъ дѣламъ опираться на противорѣчивыя и взаимно исключающія другъ друга постановленія закона? Лучшимъ отвѣтомъ могутъ служить многочисленныя нареканія на новый институтъ. Нельзя, конечно, отрицать необходимости нѣсколько большаго надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ чѣмъ тотъ, который былъ созданъ непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ. Но далеко не въ одномъ этомъ упущеніи причины упадка крестьянскаго самоуправленія. Многолѣтній опытъ, конечно, не могъ быть на сторонѣ составителей 19 февраля, но тѣмъ болѣе надо

удивляться ихъ по истинѣ глубочайшей прозорливости въ выборѣ формъ жизни, наиболѣе пригодныхъ для только что освобожденнаго народа. Дополняемое указаніями практическаго опыта «Общее Положеніе» и впредь должно остаться основнымъ матеріаломъ при пересмотрѣ крестьянскаго законодательства. Порукою тому — тотъ глубоко жизненный принципъ, который положенъ въ основу крестьянской реформы, а именно: прочнѣйшимъ залогомъ преуспѣянія сельскаго самоуправленія должны быть его внутреннія качества, его самоусовершенствованіе и саморазвитіе.

Понятно, что помимо другихъ причинъ, однимъ изъ существеннѣйшихъ тормазовъ надлежащаго развитія крестьянскаго самоуправленія является неудовлетворительное состояніе крестьянскихъ законовъ.

Можно судить поэтому о томъ живомъ интересѣ, съ которымъ встрѣтила деревня первыя извѣстія о пересмотрѣ крестьянскаго законодательства.

Но не лежитъ ли въ такомъ случаѣ на нравственной обязанности каждаго, кому только вѣдомы народныя нужды, тѣсноты, разоренья и всякіе недостатки высказаться о томъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Подъ живымъ сознаніемъ этой обязанности и предпринятъ настоящій рядъ очерковъ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ — «Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ».

Продолжительное знакомство съ деревней и служебный опытъ по должности мирового судьи и земскаго начальника даютъ автору хотя до нѣкоторой степени право на столь смѣлое заглавіе, а любезное приглашеніе министерства внутреннихъ дѣлъ позволяетъ надѣяться, что этотъ голосъ будетъ выслушанъ со стороны властъ имущихъ довольно благосклонно, если не по заслугамъ автора, то по его намѣренію.

Крестьянская совѣсть и правовая норма.

Въ виду предстоящаго пересмотра крестьянскихъ законовъ, будетъ вполнѣ своевременно коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ существенное значеніе для судебъ этого законодательства. Прежде всего, очень важно остановиться на жалобахъ о деревенскомъ беззаконіи, о повальной испорченности народныхъ нравовъ. Подобнаго рода жалобы, какъ извѣстно, не только не умолкали втеченіи послѣдняго двадцатилѣтія, но нерѣдко возвышались даже до размѣра настоящихъ воплей.

Такъ напримѣръ, на Проскуровскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, нѣкто г. Щеглятьевъ во всеуслышаніе провозглашалъ, что крестьяне потеряли совѣсть, лгутъ, цѣлуя Крестъ и Евангеліе, не питаютъ уваженія къ чужой собственности, лѣнивы, праздны, какъ голодные волки ... и т. п.

Но тѣ же сѣтованія и упреки по адресу деревни нерѣдко становились также достояніемъ и профессіональной журналистики. Не разъ печатно и съ большимъ апломбомъ утверждали, что «законъ молчитъ» и уступаетъ свое мѣсто случайной волѣ пьянаго схода, склоняющагося будто бы всегда на ту сторону, которая выставитъ наибольшее количество водки.

Убѣжденіе нѣкоторыхъ публицистовъ въ повальной безнравственности сельскихъ сходовъ такъ сильно, что они не считаютъ даже нужнымъ хоть чѣмъ нибудь подкрѣпить справедливость своихъ обвиненій. Но мы отказываемся принять ихъ на вѣру: Отказываемся тѣмъ болѣе, что излишекъ пре-

дубѣжденія къ народной нравственности уже успѣлъ принести свои печальные плоды въ цѣломъ рядѣ придуманныхъ для крестьянъ законовъ (законъ 12-го іюня 1886 года о наймѣ сельскихъ рабочихъ, законъ 8-го іюня 1893 года о передѣлахъ и другіе).

Законы эти, какъ извѣстно, не удовлетворили никого и менѣе всего нашихъ печальниковъ о народной нравственности.

Начать съ того, что законъ вовсе не молчитъ, а напротивъ довольно опредѣленно требуетъ, чтобы рѣшенія сельскаго схода «всегда» являли собою сознательно выраженную волю большинства его членовъ, не посягали на права отдѣльныхъ лицъ и не служили къ прямому ущербу для самого сельскаго общества.

Только при соблюденіи этихъ трехъ условій рѣшеніе сельскаго схода пріобрѣтаетъ законную силу; несоблюденіе же каждаго изъ нихъ влечетъ за собою обязательную отмѣну общественнаго приговора (31 ст. полож. о зем. нач.). Поэтому случайная воля пьянаго схода, заключая въ себѣ прямое противозаконіе, никогда не можетъ послужить къ окончательному разрѣшенію какого бы то ни было вопроса. Представляя собою лишь одно изъ всегда возможныхъ злоупотребленій, она никогда и не регулировала правовыхъ отношеній крестьянъ. Если при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ эта пьяная воля и была даже довольно распространеннымъ зломъ крестьянскаго самоуправленія, то тѣмъ не менѣе она никогда и ни кѣмъ не почиталась и не возводилась въ правило. Это подтверждается какъ высокимъ авторитетомъ мірского рѣшенія въ глазахъ крестьянъ, такъ и прямыми наблюденіями надъ дѣятельностью сельскихъ сходовъ. Если бы мірскія рѣшенія были всегда дѣломъ случайной пьяной воли сельскихъ сходовъ, то не могли бы имѣть мѣста такія пословицы, какъ «міръ великъ человѣкъ» и т. п. Съ другой стороны, прямыя наблюденія надъ рѣшеніями сельскихъ сходовъ показываютъ, что во многихъ случаяхъ они являются выраженіемъ высшей справедливости.

Лучшимъ примѣромъ могутъ служить коренные предѣлы общинной земли. Земельные надѣлы всегда равны по качеству, потому что міръ при отводѣ земли строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ надѣлы были равны по величинѣ, по возможности, равно плодородны и въ одинаковомъ разстояніи отъ усадебъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто описывать тѣ остроумные пріемы, которые практикуются при дѣлежѣ земли, но едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что они не могли явиться результатомъ «пьяной воли сельскаго схода». Тѣмъ болѣе знаменательно, что передѣлы общинной земли рѣдко возбуждаютъ жалобы, и, вообще, жалобы крестьянъ на рѣшенія сельскихъ сходовъ—явленіе довольно рѣдкое, можно сказать, почти исключительное. Между тѣмъ, съ учрежденіемъ института земскихъ начальниковъ, доступъ къ обжалованію мірскихъ рѣшеній облегченъ до крайности и въ такомъ случаѣ отсутствіе жалобъ нагляднѣе всего доказываетъ, что въ общемъ крестьяне удовлетворяются рѣшеніями своихъ сельскихъ сходовъ. Происходитъ же это потому, что «мировая», вотъ единственный, нормальный, по понятіямъ нашего народа, исходъ всякаго судебнаго процесса. Рѣшенія сельскихъ сходовъ всегда примирительнаго характера. Самая обстановка, при которой производится разборъ крестьянскихъ дѣлъ— «на людяхъ», на глазахъ сосѣдей, до тонкости знающихъ всю подноготную каждаго спора, въ высшей степени способствуетъ воздѣйствію на совѣсть спорящихъ сторонъ. Вотъ почему подавляющая часть всѣхъ крестьянскихъ споровъ по наслѣдованію, семейнымъ раздѣламъ и т. п. оканчивается примиреніемъ на сельскомъ сходѣ и не доходитъ вовсе до суда.

Наклонность крестьянъ къ мировому соглашенію отмѣтили еще и редакціонныя коммиссіи: «жалобы на неправильные раздѣлы и, вообще, споры по наслѣдству въ крестьянскомъ имуществѣ рѣдко возникаютъ, или, по крайней мѣрѣ, не выходятъ изъ предѣловъ мірской расправы». Редакціонныя коммиссіи, конечно, знали въ совершенствѣ тотъ предметъ о которомъ разсуждали.

Въ настоящее время сознается, по общему мнѣнію, необходимость въ болѣе точныхъ нормахъ для всѣхъ правовыхъ отношеній крестьянъ. Къ сожалѣнію только слишкомъ мало придаютъ при этомъ значенія нѣкоторымъ особенностямъ крестьянскаго быта. Напрасно также думаютъ, что составили «Положенія» 19-го февраля «представляли себѣ народный бытъ чрезвычайно простымъ и однообразнымъ». Наоборотъ, вопросъ о подчиненіи всего гражданскаго быта крестьянъ болѣе точнымъ нормамъ писаннаго права не былъ чуждъ и составителямъ «Положенія 19-го февраля». Важнѣйшимъ сторонамъ крестьянскаго быта, какъ-то: общинному пользованію, раздѣламъ, праву наслѣдованія и т. п. предполагалось дать точную санкцію въ законахъ о крестьянахъ. Предположенію этому, однако, не суждено было осуществиться. Составители Положенія 1861 года признали, что всякая регламентація была бы слишкомъ стѣснительной для крестьянъ и могла бы впослѣдствіи оказаться не соотвѣтствующей крестьянскимъ обычаямъ. Нигдѣ мудрость законодателя не проявилась съ такимъ поразительнымъ величіемъ. Признавъ, за недостаткомъ опыта, свое безсиліе, составители общаго положенія предоставили рѣшеніе этого вопроса будущему, при помощи обычаевъ, добраго разума и совѣсти освобожденнаго народа.

Безпристрастное отношеніе общаго Положенія о крестьянахъ допустило свободную конкуренцію между различными формами народной жизни. Не покровительствуемыя, но и не гонимыя «эти формы, развиваясь вполнѣ естественно, дали возможность судить о присущей каждой изъ нихъ жизнеспособности.

Самый блистательный экзаменъ, какъ извѣстно, выдержало начало общиннаго пользованія, хотя переходъ къ подворно наслѣдственному владѣнію былъ стѣсненъ не болѣе, чѣмъ и обыкновенный передѣлъ земли.

Въ то время, какъ подъ вліяніемъ фабричной промышленности и желѣзныхъ дорогъ рушились главныя основы патріархальнаго быта; въ то время, какъ явно распадалась

родовая семья, умалялась власть «большаковъ» и семейное начало уступало началу личному и индивидуальному, только одна эта могучая форма народной жизни оставалась еще сильной. Мало того изъ допускаемой и только терпимой общинное пользованіе заставило признать себя формой желанной и покровительствуемой. Нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что общинное пользованіе и впредь останется предметомъ особой заботливости законодательства о крестьянахъ.

Согласно одному изъ рѣшеній общаго собранія сената, каждый членъ общины имѣетъ лишь идеальную, неопредѣленную долю участія въ общинной землѣ, собственникомъ которой является вся община, какъ юридическое лицо, обнимая собою права не только членовъ общины въ данномъ составѣ, но и права и интересы будущихъ поколѣній. Слѣдовательно, община—единственный хозяинъ и распорядитель общинной земли, поэтому *ея воля* и впредь должна быть главнымъ регуляторомъ тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя возникаютъ въ предѣлахъ общиннаго землепользованія. Не та «пьяная воля», о которой говорятъ, а ***та сознательно выраженная воля, которая обусловливается извѣстными требованіями закона и обычно правовыми воззрѣніями крестьянъ.***

Отрицая разумную волю сельскаго схода, какъ факторъ, право производящій, въ то-же время, обыкновенно, не возстаютъ ни противъ обычнаго права, ни даже противъ общиннаго пользованія землею, совершенно не замѣчая кроющагося тутъ противорѣчія. Равно какъ, утверждая, что крестьяне — просто люди, какъ всѣ остальные, въ то-же время признаютъ, что въ крестьянскомъ быту есть особая черта, рѣзко отличающая его отъ прочихъ классовъ населенія, а именно: семья, какъ органическое цѣлое, является у крестьянъ чѣмъ то значительно болѣе нераздѣльнымъ, сомкнутымъ и живымъ, чѣмъ у прочихъ сословій. — Наличность этой черты, на самомъ дѣлѣ, давнимъ давно доказана многочисленными и серьезными изслѣдованіями народной жизни; именно, она-то эта, крестьянская семья и не под-

дается той регламентаціи, той точной и ясной, писанной нормѣ, о которой говорятъ нѣкоторые публицисты. Никакія предписанія самыхъ предусмотрительныхъ законовъ не могутъ замѣнить *добровольнаго подчиненія авторитету старшаго домохозяина.*

Крестьяне, конечно, тѣ-же люди, но особенности ихъ быта вызываютъ и соотвѣтственныя особенности примѣняемаго къ нимъ права. Это весьма естественно; право нормируетъ вѣдь не желательныя, а дѣйствительно существующія юридическія отношенія. Въ этомъ смыслѣ, право есть до нѣкоторой степени зеркало дѣйствительной жизни. Но оно не только зеркало, оно вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть и душой народной жизни. Право не должно рѣзко расходиться съ господствующими въ данной средѣ понятіями о справедливости. Если правовой геній русскаго народа считаетъ болѣе справедливой нѣкоторую неопредѣленность имущественныхъ отношеній, неразрывно связанную съ общинной организаціей, то насильственное навязываніе этому народу болѣе точныхъ и ясныхъ писанныхъ нормъ индивидуальной собственности было бы крупной и непоправимой ошибкой.

«Въ основѣ всѣхъ жизненныхъ явленій лежитъ, какъ извѣстно, начало закономѣрности. Жизнь не допускаетъ скачковъ, ничѣмъ не обусловливаемыхъ переходовъ отъ однихъ явленій къ другимъ. Вотъ почему въ основѣ разумной законодательной дѣятельности лежитъ всегда глубокое уваженіе къ историческому прошлому своей страны» *).

Вотъ почему, добавимъ мы, необходимо дорожить нѣкоторыми особенностями крестьянскаго быта.

Этимъ особенностямъ, какъ доказано многократными изслѣдованіями, соотвѣтствуютъ слѣдующіе главнѣйшіе принципы обычнаго права: а) трудовое начало въ наслѣдованіи; в) общая семейная собственность; в) общинное начало и с) мировая, какъ нормальнѣйшій исходъ всякаго судебнаго спора.

---

*) Лыкошинъ. «Журналъ Минист. Юстиціи» № 2, 1896 г.

Не трудно также доказать, что этими же принципами объясняется субъективизмъ нашего обычнаго права и нѣкоторая неопредѣленность всей обычно-правовой системы. Вслѣдствіе этихъ особенностей стремленіе къ справедливости не удовлетворяется общей правовой нормой, она получаетъ наклонность индивидуализироваться согласно особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая, причемъ главнымъ критеріумомъ служитъ совѣсть судьи. Институтъ присяжныхъ засѣдателей представляетъ собою одинъ изъ примѣровъ такой индивидуализаціи уголовнаго права. Объективизмъ права, съ присущей ему точной и ясной нормой, вовсе не высшая ступень правового сознанія. Кто знаетъ, можетъ быть именно русскому народу суждено повѣдать новое слово въ области правового творчества.

Всѣ высказанныя соображенія нисколько не исключаютъ возможности и даже необходимости нѣкоторой регламентаціи крестьянскаго правового быта. Законъ не только можетъ, но и долженъ дать, напримѣръ, охрану всѣмъ трудовымъ сбереженіямъ, вносимымъ въ общую нераздѣльную семью. Народная совѣсть давно возмущена безправнымъ положеніемъ младшихъ членовъ крестьянской семьи передъ безконтрольными распоряженіями старшихъ домохозяевъ. Обычное право обильно постановленіями, ограничивающими власть „большаковъ". Оно можетъ въ этомъ случаѣ служить совершенно достаточнымъ матеріаломъ для будущаго крестьянскаго законодательства. Столь же необходимо урегулировать и всѣ вновь возникшія юридическія отношенія, не получающія, какъ извѣстно, теперь никакой охраны со стороны закона. Въ той же мѣрѣ должны быть удовлетворены и тѣ нужды крупныхъ самодѣльныхъ центровъ, которые давно уже выросли изъ существующихъ формъ нашего сельскаго устройства».

Все это должно быть и вѣроятно будетъ сдѣлано, не нарушая въ то же время общинной организаціи крестьянъ, въ лицѣ существующей поземельной общины. Ея существованію нисколько не могутъ мѣшать рядомъ дѣйствующія

всесословныя, земскія единицы, призванныя удовлетворять нужды каждой отдѣльной мѣстности, а въ томъ числѣ и нужды крестьянина, какъ *человѣка*, подобнаго всѣмъ людямъ. Ясно, что вопросъ о реформѣ сельскаго устройства долженъ быть раздѣленъ на два самостоятельныхъ вопроса— чисто крестьянскаго и общаго мѣстнаго устройства. Будущее крестьянское законодательство должно быть выдержано на строго принципіальной почвѣ какъ этого различія, такъ и уваженія къ особенностямъ крестьянскаго правового быта.

Кто же не знаетъ, что господство закона необходимо для обезпеченія человѣческой личности отъ произвола. Кто же не знаетъ, что всякій порядокъ зиждится на твердомъ сознаніи каждымъ членомъ общества своихъ правъ и обязанностей, нормированныхъ точнымъ закономъ. Но мы и не споримъ противъ этихъ азбучныхъ истинъ. Мы только противъ «безплотныхъ и безкровныхъ» призывовъ къ закону и къ его вмѣшательству въ запутанныя условія народной жизни и притомъ все равно изъ какого бы лагеря они не исходили. Мы противъ этихъ призывовъ, когда они вылетаютъ изъ подъ пера безъ малѣйшей попытки опредѣлить это участіе закона, очертить кругъ его дѣйствій, хотя бы гадательно, хотя бы съ примѣсью извѣстной доли практической фантазіи». Мы противъ закона не согласованнаго съ правовымъ міросозерцаніемъ народа и со всѣмъ укладомъ его жизни; чѣмъ точнѣе и яснѣе будетъ подобный законъ, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ тотъ ударъ, который онъ нанесетъ не только матеріальному, но и нравственному благосостоянію нашего крестьянства.

На самомъ дѣлѣ, что можетъ быть точнѣе и яснѣе указной или четырнадцатой доли, но какое же стремленіе къ справедливости воплощаетъ въ себѣ эта правовая норма въ приложеніи къ чуждому ей народному быту.

Извѣстный афоризмъ, что худой законъ лучше беззаконія, худая правовая норма лучше ея отсутствія, вовсе не приложимъ къ гражданскому быту того народа, который, благодаря своеобразнымъ условіямъ своей жизни, нѣсколько

десятковъ лѣтъ обходился уже безъ этого специально для него предназначеннаго закона. Если хотите знать, критическое положенiе деревни и сейчасъ не въ отсутствiи, а скорѣй всего, именно, въ присутствiи закона, не приспособленнаго къ ея бытовымъ условiямъ.

Въ своей обширной практикѣ Г. Боровиковскiй припоминаетъ только одинъ случай, когда Окружный судъ, въ крестьянскомъ спорѣ о наслѣдованiи, счелъ ссылку на обычай вполнѣ доказанный. Что тамъ думаютъ объ насъ, восклицаетъ этотъ почтенный цивилистъ, когда являются туда наши исполнительные листы, напримѣръ, объ указныхъ доляхъ бабамъ и дѣвкамъ; думаютъ, надо полагать, не очень одобрительно...

«Крестьянинъ лжетъ, цѣлуя Крестъ и Евангелiе... Ну, а если онъ не лжетъ, а только не понимаетъ смысла задаваемыхъ ему судомъ вопросовъ? Или хотя и понимаетъ, но отрицаетъ ихъ всѣмъ своимъ мiросозерцанiемъ. Такъ напримѣръ, какое значенiе можетъ имѣть для крестьянина-свидѣтеля вопросъ о шестимѣсячномъ задавнившемся владѣнiи? Какими глазами онъ долженъ смотрѣть на судъ, отказывающiй въ искѣ о возстановленiи владѣнiя за пропускомъ шестимѣсячнаго срока, когда въ дѣйствующемъ рядомъ волостномъ судѣ и земская давность не принимается въ расчетъ. Можно ли требовать отъ человѣка исповѣдыванiя двухъ дiаметрально противуположныхъ правовыхъ религiй? А между тѣмъ, нѣчто подобное, на самомъ дѣлѣ, у насъ происходитъ, когда споръ крестьянъ рѣшается двояко въ зависимости лишь отъ рода суда.

Резюмируя все сказанное, приходимъ къ заключенiю, что потребностью въ точной и ясной нормѣ далеко не ограничивается существо деревенской неурядицы. Самая потребность эта въ значительной мѣрѣ обусловливается лежащимъ въ основѣ нашего обычнаго права субъективизмомъ. И, наконецъ, какъ ни печальны многiя явленiя народной жизни, они все таки не даютъ права къ обобщенiю крестьянства, какъ «сброда» и «пьяницъ». Такое обобщенiе тѣмъ болѣе

нежелательно теперь, накануне важнаго законодательнаго акта, что въ основѣ каждаго законодательства должно лежать довѣріе къ народной совѣсти.

Пессимизмъ по своей природѣ всегда безплоденъ. И наоборотъ, гуманные и просвѣщенные составители Положенія 19-го февраля, съ ихъ горячей вѣрой въ добрыя качества народа, съумѣли на глазахъ изумленнаго міра освободить милліоны рабовъ безъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній!

Важна, нужна крестьянская реформа, но еще нужнѣе, еще важнѣе вѣра въ народную совѣсть!..

Къ вопросу о составѣ сельскихъ обществъ.

Какъ извѣстно въ первоначальной редакціи «Общаго Положенія о крестьянахъ» составъ сельскаго общества опредѣлялся водвореніемъ на землѣ одного помѣщика, пользованіемъ всѣми или нѣкоторыми угодьями сообща и вообще хозяйственными выгодами. Самое незначительное исключеніе было допущено слѣдующей статьей того же Положенія для самыхъ мелкихъ общинъ, съ числомъ менѣе 20-ти ревизскихъ душъ, которыя могли быть соединяемы между собою или присоединяемы къ другимъ болѣе крупнымъ общинамъ и то при условіи согласія сихъ послѣднихъ.

Первоначально въ основу образованія сельскихъ обществъ положенъ былъ соединяющій ихъ сельско-хозяйственный интересъ и потому сельское общество и община почти всегда совпадали между собою.

Такъ обстояло дѣло въ началѣ крестьянской реформы. Но впослѣдствіи было допущено значительное отступленіе отъ этихъ правилъ, вызвавшее образованіе многихъ обществъ, состоящихъ не изъ одной, а изъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, причемъ достаточными мотивами соединенія различныхъ общинъ въ одну административную и сельско-хозяйственную единицу стали признаваться такія незначительныя хозяйственныя выгоды, какъ наемъ общаго пастуха, пользованіе общимъ водопоемъ и т. п.

По словамъ «Витебскаго губернскаго совѣщанія», по освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, каждое сельское общество этой губерніи состояло изъ *однопомѣ-*

стныхъ сельскихъ обывателей. «Впослѣдствіи же въ видахъ чисто экономическихъ общества эти были сгруппированы, округлены, причемъ не стѣснялись даже соединеніемъ воедино сельскихъ обывателей, принадлежащихъ къ различнымъ исповѣдываніямъ».

Весьма естественно, что эта искусственная группировка населенія явилась тормазомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ какъ церковно-приходскія школы въ смѣшанныхъ по вѣроисповѣданію обществахъ (католика и раскольника)—являются не вполнѣ обезпеченными.

Недостатки существующаго распредѣленія сельскихъ обывателей отъ образованія обществъ изъ крестьянъ, не связанныхъ общими хозяйственными интересами» отмѣчаетъ и Тульское губернское совѣщаніе, причемъ прекраснымъ комментаріемъ къ этому заключенію могутъ служить слѣдующія слова Харьковскаго совѣщанія: «экономическій бытъ крестьянъ сложился, существуетъ и *можетъ развиваться* при условіи общности хозяйственныхъ и другихъ интересовъ населенія всего села или деревни».

А, между тѣмъ, насколько значительно число искусственно образованныхъ сельскихъ обществъ можно видѣть изъ цифровыхъ данныхъ, представленныхъ Тверскимъ губернскимъ совѣщаніемъ. Оказывается, что такихъ обществъ въ губерніи - 1551, что составляетъ болѣе трети всѣхъ сельскихъ обществъ этой губерніи.

Но допустивъ такое отступленіе отъ понятія о сельскомъ обществѣ, какъ союзѣ сельско-хозяйственномъ, въ пользу административнаго значенія этой единицы крестьянскаго самоуправленія Общее положеніе упустило вмѣстѣ съ тѣмъ изъ вида необходимость точно разграничить сельско-хозяйственные интересы отдѣльныхъ частей общества отъ общихъ имъ интересовъ управленія. Какъ тѣ, такъ и другія и нынѣ совмѣстно перечисляются въ ст. 51-й Общаго положенія, внѣ всякой зависимости отъ того или другого состава сельскихъ обществъ.

Пріемъ новыхъ членовъ подлежитъ вѣдѣнію сельскаго

схода (3 п. 51 ст. общ. полож.); сельскій же сходъ составляется изъ *всѣхъ* крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ (ст. 47 того же полож.).

Каждое сельское общество отвѣчаетъ круговой порукой за *каждаго* изъ своихъ членовъ въ исправномъ отбываніи казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей (ст. 187 общ. положенія).

На почвѣ этихъ неопредѣленныхъ отношеній, дѣйствительно, многія общества начали составлять приговоры о пріемѣ новыхъ членовъ съ надѣленіемъ ихъ землей и въ такую общину, которая спрошенная отдѣльно и не изъявила бы на то согласія; сельскіе старосты, подгоняемые полиціей, вносили въ казначейство страховые и земскіе сборы одной общины въ казенные платежи за другую и т. п.

Я знаю общину на дарственномъ надѣлѣ, и, слѣдовательно, избавленную отъ выкупного платежа, страховой сборъ которой въ теченіи многихъ лѣтъ вносился въ выкупной платежъ другой присоединенной къ ней общинѣ. Всѣ платежи въ концѣ концевъ такъ перепутались между собой, что страховую недоимку, какъ безъизвѣстную, общество принуждено было по требованію земства разложить на всѣ дворы, причемъ на каждый упало по десяти рублей!

Такое произвольное нарушеніе правъ отдѣльныхъ общинъ займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ многолѣтней исторіи крестьянской неурядицы и въ свое время было засвидѣтельствовано самимъ Правительствующимъ Сенатомъ, который вынужденъ былъ, наконецъ, разъяснить, что распоряженіе мірской землей зависитъ отъ схода, составленнаго только изъ тѣхъ крестьянъ, коимъ таковая земля предоставлена по акту земельнаго устройства и т. д.

Тѣмъ болѣе однако непонятными представляются заключенія совѣщаній Екатеринославскаго и Калужскаго, не замѣтившихъ вовсе какихъ либо недостатковъ въ существующемъ распредѣленіи сельскихъ обывателей по сельскимъ обществамъ, причемъ оптимизмъ послѣдняго распространяется и на будущее.

Если бы такого рода, говоритъ Калужское совѣщаніе, недостатки могли обнаружиться, они легко устранимы при существованіи съ одной стороны, закона (п. 2 ст. 32 полож. о зем. нач.), допускающаго возможность соединенія и т. д. На самомъ дѣлѣ, этотъ оптимизмъ далеко не основателенъ, какъ это и будетъ установлено нами дальше.

Наибольшій лаконизмъ обнаружило однако Костромское губернское совѣщаніе, посвятившее этому важнѣйшему вопросу крестьянскаго устройства всего на всего *четыре* строчки. Какъ бы упуская совершенно изъ вида, что сельское общество представляетъ собою весьма сложный центръ всевозможныхъ хозяйственныхъ и административныхъ интересовъ, Костромское совѣщаніе ограничилось тѣмъ, что отмѣтило обременительность расходовъ и затруднительность въ замѣщеніи выборныхъ должностныхъ лицъ достойными людьми, при условіи очень мелкихъ сельскихъ обществъ.

А, между тѣмъ, то двоякое значеніе, которое присуще каждому сельскому обществу, какъ единицѣ хозяйственной и административной, ни коимъ образомъ, какъ мы уже это видѣли, не должно быть упускаемо изъ вида при обсужденіи вопроса о нормальномъ составѣ сельскихъ обществъ.

Нетрудно видѣть, что это двойное значеніе сельскаго общества невольно заставляетъ предъявлять къ нему совершенно различныя требованія въ отношеніи его состава. Въ возможно лучшемъ примиреніи этихъ двухъ требованій и должна заключаться цѣль законодательства по предмету распредѣленія сельскихъ обывателей по сельскимъ обществамъ.

Если сельско-хозяйственные интересы требуютъ возможно болѣе однороднаго состава сельскихъ обществъ, желательнымъ предѣломъ чему является самостоятельность каждой отдѣльной общины, то съ другой стороны интересы управленія препятствуютъ допущенію слишкомъ мелкихъ обществъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Личный составъ сельскихъ должностныхъ лицъ въ слишкомъ мелкихъ обществахъ всегда бываетъ сравнительно

неудовлетворителенъ и не только по ограниченности того круга лицъ, изъ котораго они подлежатъ избранію, но и по несостоятельности такихъ обществъ къ достаточному ихъ вознагражденію; 2) ко всѣмъ вопросамъ общаго характера, какъ то благоустройства, обученія грамотѣ и т. п. слишкомъ мелкія общества всегда относятся крайне апатично, по недостаточности своихъ средствъ.

Не даромъ, говорится: «съ міру по ниткѣ — голому рубашка». И обратно, «куда ужъ намъ двумъ калѣкамъ перехожимъ дѣтей своихъ учить», услышите вы отъ соннаго и апатичнаго схода изъ нѣсколькихъ стариковъ. И наконецъ, слишкомъ мелкое общество легко подпадаетъ подъ вліяніе отдѣльныхъ членовъ, тогда какъ въ большомъ обществѣ пульсъ жизни и протеста всегда бьется гораздо энергичнѣе и сходъ всегда бываетъ самостоятельнѣе не только отъ внушенія извнѣ, но и отъ внутреннихъ вліяній.

Понятно, что примиреніе этихъ двухъ только что приведенныхъ противуположныхъ требованій можетъ быть достигнуто лишь на почвѣ строгаго разграниченія тѣхъ разнородныхъ функцій, которыя отправляются каждымъ сельскимъ обществомъ. Соотвѣтственно съ чѣмъ 51 ст. общаго полож. должна быть раздѣлена на двѣ совершенно самостоятельныя части, а въ общее положеніе, гдѣ это понадобится, должна быть внесена поправка, согласно тому различію, которое существуетъ между общиной и обществомъ.

Только при этомъ условіи всѣ общины, сохраняя всецѣло свою хозяйственную самостоятельность и избирая даже особыхъ хозяйственныхъ старостъ, безъ всякаго ущерба для своихъ правъ могли бы входить въ болѣе обширные союзы, именуемые сельскими обществами.

Задача этихъ союзовъ, очевидно, сводилась бы къ преслѣдованію тѣхъ цѣлей, которыя оказались бы непосильны для каждой общины въ отдѣльности, какъ то: интересы, вызываемые благоустройствомъ, народнымъ образованіемъ и т. п.

Но здѣсь, какъ это будетъ подробно развито въ статьѣ о мірскихъ повинностяхъ, законодатель поневолѣ долженъ

выйдти изъ тѣсныхъ рамокъ чисто сословнаго крестьянскаго устройства. Что касается послѣдняго, то оно несомнѣнно должно быть включено вновь въ тѣ рамки, которыя были намѣчены еще составителями Общаго Положенія о крестьянахъ. Другаго выхода быть не можетъ. Поэтому то и не можетъ быть отвѣта на вопросъ, поставленный Земскимъ Отдѣломъ: при какомъ наименьшемъ составѣ (число домохозяевъ или наличныхъ душъ) можно было бы допустить такое образованіе»?

Извѣстно, что составители Общаго Положенія, въ виду того принципа, который они избрали для образованія сельскихъ обществъ, не придали никакого значенія числу душъ или количеству дворовъ. - Если и оказались, какъ это видно и изъ отзывовъ нѣкоторыхъ совѣщаній, столь малочисленныя общества, что невозможно даже составить приговоръ, касающійся земельнаго устройства, то эти неудобства легко могутъ быть устранены предоставленіемъ подобнымъ мелкимъ общинамъ, ну хотя бы до двадцати дворовъ, права обращаться въ волостной судъ для разрѣшенія своихъ недоразумѣній. Установленія же какой-либо нормы для сельскихъ обществъ надо особо опасаться изъ весьма понятнаго опасенія вызвать вовсе нежелательное неудовольствіе крестьянъ.

Весьма характерно въ этомъ отношеніи завѣреніе Казанскаго Губерскаго Совѣщанія, что имѣющія у него данныя указываютъ на стремленіе населенія къ образованію *болѣе мелкихъ* сельскихъ обществъ и въ настоящее время почти всѣ сельскія общества, состоящія изъ частей, не связанныхъ общностью землевладѣнія, *уже раздѣлились*. Комментаріи здѣсь, кажется, излишни.

Вообще, произвольный взглядъ на сельскую общину не можетъ быть оправданъ никакими посторонними ея действительному существу соображенію. Поэтому то положительно невозможно согласиться, ну хотя бы, напримѣръ, съ заключеніемъ Курскаго Губернскаго Совѣщанія, что образованіе цѣлаго общества изъ однихъ раскольниковъ нежелательно,

такъ какъ послѣдніе со свойственной имъ особенностью неминуемо сплотятся въ особый мірокъ и т. д.

Не смотря на всю свою солидность эти соображенія все таки не могутъ служить оправданіемъ для принудительнаго образованія искусственныхъ сельскихъ обществъ. Не надо забывать, что всякое принужденіе въ этой сферѣ прежде всего должно повлечь за собою ту апатію къ общественнымъ дѣламъ, на которую уже и такъ жалуются въ своихъ заключеніяхъ почти всѣ губернскія совѣщанія.

И наконецъ, установленія какой либо обязательной нормы для образованія сельскихъ обществъ надо опасаться еще и потому, что предусмотрѣть въ законѣ всѣхъ мѣстныхъ условій нельзя, а стѣснивъ жизнь, излишняя регламентація принесетъ несомнѣнный вредъ.

Такъ напримѣръ, большое, но скученное село, гораздо удобнѣе образуетъ одно сельское общество, чѣмъ село хотя и меньшее по числу душъ, или домохозяевъ, но растянувшееся на много верстъ.

Для примѣра можно указать на Козловскій уѣздъ, гдѣ есть селеніе пространствомъ на 9 верстъ, составляющее одно общество *).

Вообще, регламентировать какими либо нормами образованіе сельскихъ обществъ было бы совершенно равносильно установленію такихъ же обязательныхъ признаковъ для образованія уѣздовъ по числу жителей, или пространства, или торговымъ оборотамъ и т. п., игнорируя при этомъ массу возможныхъ здѣсь особенностей.

Нельзя иначе, какъ отрицательно, отвѣтить и на другой тѣсно связанный, съ только что разсмотрѣннымъ, вопросъ о возможности обязательнаго раздѣленія нѣкоторыхъ уже существующихъ сельскихъ обществъ.

Дѣло въ томъ, что обязательное раздѣленіе сельскихъ обществъ, какъ бы они не были велики, несомнѣнно повлечетъ за собою нескончаемые споры по владѣнію угодьями, кото-

*) Стр. 53. Т. I, Св. Зак. Губ. Сов.

рыми это селеніе привыкло всегда владѣть сообща. О наблюдавшихся уже неудобствахъ раздѣленія на два общества одпопомѣстныхъ крестьянъ говорится, между прочимъ, въ заключеніи Самарскаго Губернскаго Совѣщанія. «Первоначально это была одна деревня Петропавловка помѣщика Дурасова. На одной части ея теперь недоимки, на другой совсѣмъ нѣтъ, и вообще, раздѣленіе этого селенія оказало вредное вліяніе и на экономическую и на административную жизнь деревни *).

Но еще рѣшительнѣе высказывается по этому поводу Харьковское Губ. Совѣщаніе.

По его словамъ, сельское общество есть единица прежде всего хозяйственная, административное значеніе ея—второстепенное. Не отрицая тѣхъ недостатковъ слишкомъ большихъ и слишкомъ мелкихъ обществъ, на которые указываютъ уѣздные съѣзды, совѣщаніе тѣмъ не менѣе признало слѣдующее: тридцати трехъ лѣтнее существованіе сельскихъ обществъ, образованныхъ на основаніи Положенія 19 февраля 1861 года, не могло не связать крестьянъ, принадлежащихъ къ одному и тому же обществу, общими имущественными интересами и не создать изъ сельскаго общества вполнѣ опредѣленной и тѣсно сплоченной хозяйственной единицы. При такомъ условіи принудительное перераспредѣленіе сельскихъ обывателей по сельскимъ обществамъ не могло бы быть осуществлено безъ существеннаго нарушенія ихъ имущественныхъ интересовъ и значительной хозяйственной неурядицы **).

Въ томъ же смыслѣ высказывается и С.-Петербургское Губ. Совѣщаніе, признавая невозможнымъ установить общую норму наибольшаго или наименьшаго состава общества, такъ какъ опредѣленіе такой нормы зависитъ отъ многихъ мѣстныхъ условій, которыя не могутъ быть сведены къ одному началу ***).

---

*) Стр. 45. Тамъ же.

**) Т. I. Св. Зак., стр. 70.

***) Тамъ же, стр. 47.

И наконецъ, неудобства, вытекающія изъ существованія слишкомъ крупныхъ обществъ, на практикѣ устраняется тѣмъ, что подобныя общества дѣлятся на части, которыя называются сотнями или концами. Между этими сотнями отъ времени до времени на общемъ сходѣ распредѣляется земельный надѣлъ и затѣмъ каждая сотня выдаетъ всѣ свои земельныя дѣла, для чего собираются на сотенные сходы, которые закономъ не предусмотрѣны *).

О существованіи подобныхъ сотенъ въ очень крупныхъ обществахъ извѣстно и лично автору настоящей книги. Какъ, напримѣръ, можно указать на село Средніе Опочки Знаменской волости, Курской губерніи. Село это включаетъ въ себя болѣе трехсотъ дворовъ и разбивается на три сотни для болѣе удобнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ. Несомнѣнно, что подобныя указанія жизни должны получить свою санкцію въ законѣ. Остается сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ крупныхъ самодѣланныхъ центрахъ, которые дѣйствительно давно уже выросли изъ первобытныхъ формъ сельскаго устройства. Таково, напримѣръ, Бутурлиновское сельское общество, состоящее по отзыву Воронежскаго Совѣщ. болѣе чѣмъ изъ 30.000 жителей обоего пола. Само собою разумѣется, что общественная жизнь подобнаго села, во много разъ превосходящаго многіе уѣздные города, уже не можетъ умѣщаться въ патріархальныхъ формахъ сельскаго устройства. Преобразованіе такихъ селъ въ города представляетъ собою лишь вопросъ времени. О подобномъ ходатайствѣ, вчатомъ еще въ 1887 году жителями села Кимры, сообщаетъ между прочимъ Тверское Губернское Совѣщаніе. Надо надѣяться, что совмѣстно съ пересмотромъ крестьянскихъ узаконеній будетъ ускорена и судьба этихъ вполнѣ законныхъ ходатайствъ.

Переходя къ общему вопросу о необходимыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ образованія новыхъ сельскихъ обществъ изъ состава уже существующихъ, необходимо прежде всего

---

*) Т. I. Тамб. Губ. Совѣщ., стр. 53.

остановиться на существующихъ по этому предмету узаконеніяхъ.

Извѣстно, что на основаніи примѣчанія къ ст. 41 об. пол. мелкія части разнопомѣстныхъ селеній могутъ быть при извѣстныхъ условіяхъ соединяемы въ одно общество, если составятъ о томъ мірскіе приговоры.

Этотъ порядокъ съ введеніемъ земскихъ начальниковъ въ существѣ своемъ, какъ это видно изъ 32 ст. полож. о таковыхъ, нисколько не измѣнился:

«Земскій начальникъ представляетъ на утвержденіе уѣзднаго съѣзда приговоры сельскаго схода о соединеніи мелкихъ сельскихъ обществъ съ своимъ заключеніемъ по содержанію сихъ приговоровъ».

Такимъ образомъ, мѣстнымъ учрежденіямъ законъ и понынѣ предоставляетъ право только согласиться или отклонить ходатайство сельскихъ общинъ о соединеніи ихъ въ одну административную единицу. Первоначальная же инціатива въ этихъ случаяхъ предоставлена самимъ сельскимъ общинамъ; если таковыя молчатъ, то никто изъ мѣстныхъ властей не уполномоченъ возбуждать этого вопроса.

Этотъ порядокъ вполнѣ цѣлесообразный при существовавшемъ въ общемъ полож. о крест. смѣшеніи совершенно разнородныхъ функцій, не долженъ имѣть мѣста въ томъ случаѣ, если сельское общество будетъ представлять собою исключительно административную единицу. Совмѣстно съ опредѣленіемъ сельскаго общества, образованнаго изъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, какъ единицы земско-административной, мѣстному земству и мѣстной власти должна быть предоставлена и большая инціатива въ дѣлѣ образованія болѣе сложныхъ сельскихъ обществъ. Участіе мѣстнаго земства въ подобнаго рода дѣлахъ, кстати сказать, и не представитъ собою чего либо новаго и исключительнаго, какъ это можно видѣть изъ ст. 119 полож. о земск. нач., разрѣшающей мѣстному земскому собранію ходатайствовать объ измѣненіи границъ земскихъ участковъ. Въ данномъ же случаѣ голосъ земства тѣмъ болѣе необходимъ, что его цѣли

вполнѣ сливаются съ задачами, возложенными на каждое сельское общество. Въ существующей оторванности земства отъ сельскаго общества и заключаются главные недостатки мѣстнаго управленія. Подробное развитіе этихъ положеній завело бы насъ очень далеко отъ вопроса о чисто крестьянскомъ неустройствѣ, тѣмъ не менѣе положительно непостижимо какъ ни одно изъ губернскихъ совѣщаній, не смотря на полученное разрѣшеніе не стѣсняться данной программой, не заикнулось вовсе о главной причинѣ худосочія, нашихъ земствъ.

Къ вопросу о законномъ составѣ и упорядоченіи сельскихъ сходовъ.

Въ числѣ вопросовъ «земскаго отдѣла» однимъ изъ самыхъ серьезныхъ долженъ быть признанъ вопросъ о законномъ составѣ и упорядоченіи сельскихъ сходовъ. О серьезности его можно судить уже изъ того, что ему посвящено цѣлыхъ 14 вопросн. пунктовъ, изъ которыхъ каждый распадается на нѣсколько самостоятельныхъ частей.

Какъ извѣстно, составители положенія 1861 г. и въ этомъ случаѣ выразили явное нерасположеніе къ излишней регламентаціи, предоставивъ времени и усмотрѣнію самихъ крестьянъ болѣе точное опредѣленіе всѣхъ условій для состава сельскихъ сходовъ. Иначе невозможно объяснить себѣ того на первый взглядъ страннаго обстоятельства, что этому важнѣйшему отдѣлу крестьянскаго самоуправленія они посвятили всего на всего *одну* 47 статью, согласно которой сельскій сходъ составляется изъ крестьянъ домохозяевъ, которымъ не воспрещается присылать вмѣсто себя *кого либо* изъ членовъ своего семейства, съ дворовъ же многотягольныхъ дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ».

И хотя, если судить по конструкціи послѣдней фразы мѣстному обычаю предоставляется какъ бы лишь одно разрѣшеніе вопроса о представительствѣ многотягольныхъ дворовъ, тѣмъ не менѣе изъ общаго весьма широкаго смысла этой статьи, положительно явствуетъ, что законодатель окончательно отказался отъ всякой попытки къ болѣе под-

робнымъ опредѣленіямъ всѣхъ условій для законнаго состава сельскихъ сходовъ. Здѣсь все неопредѣленно, начиная съ крайне растяжимаго понятія о домохозяинѣ и членѣ его семейства и, кончая вопросомъ о томъ, кому, именно, въ случаѣ спора, должно принадлежать рѣшающее слово въ дѣлѣ констатированія того или другого мѣстнаго обычая. Понятно, что, не имѣя на этотъ предметъ никакого руководящаго въ законахъ указанія, составители вышеозначенныхъ вопросовъ принуждены были прибѣгнуть къ опыту мѣстныхъ учрежденій и слѣдующимъ образомъ формулировали возникшія у нихъ на этотъ счетъ сомнѣнія: «какъ опредѣляется на практикѣ составъ сельскихъ сходовъ и не замѣчается ли какихъ либо отступленій отъ постановленій въ этомъ отношеніи закона объ образованіи сходовъ исключительно изъ домохозяевъ или членовъ ихъ семействъ (дворы многотягольные): допускаются ли, наприм., къ участію на сходахъ: а) женщины и б) безземельные крестьяне?»

Нельзя назвать особо удачной редакцію этихъ вопросовъ уже на томъ простомъ соображеніи, что отступленія отъ закона могли бы имѣть мѣсто, лишь въ случаѣ существованія такихъ ограничительныхъ постановленій, направленныхъ противъ участія на сходахъ женщинъ и безземельныхъ. Ничего подобнаго, какъ мы видѣли, въ крестьянскихъ узаконеніяхъ не существуетъ.

Прежде всего, употребленное въ статьѣ 47 выраженіе «крестьянъ-домохозяевъ», нисколько еще недоказываетъ безусловнаго исключенія женщинъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право присутствовать на сельскихъ сходахъ. Такъ напримѣръ, статья 22 того же положенія не менѣе глухо говоритъ, что «крестьяне могутъ входить во всякія дозволенные закономъ договоры и подряды и однако статья эта очевидно относится въ равной мѣрѣ и къ крестьянкамъ, ведущимъ свое самостоятельное хозяйство. Еще яснѣе слѣдуетъ тотъ же выводъ изъ 3 п. 24 ст. того же положенія, допускающаго крестьянъ быть свидѣтелями. поручителями и т. п.

Никому однако не приходитъ въ голову въ виду неопредѣленности употребленнаго здѣсь выраженія, лишать крестьянокъ права свидѣтельствованія на судѣ, или же считать таковое за отступленіе отъ закона. И, наконецъ, нѣкоторое, хотя и несовсѣмъ ясное, указаніе на права крестьянскихъ женщинъ можно почерпнуть изъ той же 17 статьи, разрѣшающей домохозяину въ случаѣ его болѣзни, отлучки или по другой какой причинѣ присылать на сходъ *кого либо* изъ членовъ своего семейства, причемъ никакихъ ограниченій въ смыслѣ пола и возраста, кромѣ условія фактической принадлежности къ крестьянской семьѣ, вышеприведенная статья закона не содержитъ. По общему же смыслу положенія 1861 г. домохозяинъ, какъ представитель своего двора, является особымъ юридическимъ лицомъ и какъ таковое передаетъ свои полномочія другимъ членамъ того же крестьянскаго двора не только для присутствованія на сельскихъ сходахъ, но и для веденія, напримѣръ, судебныхъ дѣлъ. Волостные же судьи всегда безпрекословно допускаютъ къ судоговоренію крестьянокъ, если только мужъ по болѣзни, отлучкѣ или другимъ какимъ причинамъ, не въ состояніи лично явиться въ судъ. Случается также, что бойкая и понотарѣвшая въ разговорахъ съ начальствомъ баба и въ присутствіи мужа смѣло вступаетъ въ судоговореніе, устраняя своего неповоротливаго супруга. «Довѣряемъ своей супружницѣ» говоритъ съ поклономъ вахлакъ мужъ и скромно уступаетъ первое мѣсто своей женѣ.

Впрочемъ, право женщинѣ, справляющейся съ надѣломъ на правахъ домохозяина и отбывающей «всякій отвѣтъ» по обществу, признано уже и Правит. Сенатомъ, въ рѣшеніи по дѣлу Тифановой.

По мнѣнію большинства губернскихъ совѣщаній никакого дурнаго вліянія участіе женщинъ на дѣла крестьянскаго управленія не оказываетъ. Въ этомъ смыслѣ высказываются Архангельское, Владимірское и другія совѣщанія. Вологодское же идетъ даже гораздо дальше и отмѣчаетъ, что присутствіе на сходахъ женщинъ-домохозяекъ, какъ

элемента, до нѣкоторой степени сдерживающаго пьянство, въ большинствѣ случаевъ имѣетъ хорошее нравственное вліяніе на рѣшеніе дѣлъ сходами т. I стр. 247.

Съ нѣсколько иной точки зрѣнія, но къ тому же выводу приходятъ Калужское и Костромское совѣщанія. По ихъ словамъ, допущеніе на сходъ женщинъ и безземельныхъ крестьянъ вызывается *насущной необходимостью*, такъ какъ даетъ возможность всегда своевременно и съ участіемъ представителей отъ всѣхъ дворовъ рѣшать на сходѣ мірскія дѣла, часто нетерпящія отлагательства. Наибольшее распространеніе обычай допущенія женщинъ, замужнихъ и незамужнихъ, имѣетъ въ тѣхъ обществахъ, «гдѣ въ широкихъ размѣрахъ практикуются уходъ большинства крестьянъ на отхожіе промыслы на продолжительное время» *).

Вообще, единомысліе, обнаруженное губернскими совѣщаніями, по вопросу о правахъ крестьянской женщины просто поразительно. Но тѣмъ большимъ диссонансомъ звучитъ предложеніе Астраханскаго губерн. совѣщ. о допущеніи на сходы крестьянскихъ женщинъ только въ качествѣ опекуншъ, но и то при участіи соопекуна.

Не трудно, однако, видѣть, что осуществленіе этого предложенія потребовало бы искусственнаго созданія цѣлаго института соопекуновъ, вовсе не вызываемаго потребностями крестьянскихъ опекъ. Поэтому, исключивъ это, кстати, ничѣмъ не мотивированное, заключеніе, приходится признать, что участіе крестьянскихъ женщинъ на сходахъ, «если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ» не только закономѣрно само по себѣ, но и нерѣдко является положительно необходимымъ.

Но еще менѣе основаній считать, вообще, за отступленіе отъ закона - допущеніе на сходъ безземельныхъ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что отказъ отъ своего надѣла, какъ извѣстно, допускается «Общимъ положеніемъ о крестьянахъ», но не влечетъ за собою никакихъ ограниченій въ правахъ, отказав-

*) Т. I стр. 252.

шихся отъ земли крестьянъ. А между тѣмъ, несомнѣнно, что если бы редакціонныя коммиссіи сочли нужнымъ лишить безземельнаго крестьянина право участія на сходѣ, то это ограниченіе и было бы прямо выражено въ какой-либо статьѣ составленнаго ими проэкта положенія. А разъ такой статьи не существуетъ вовсе, то значитъ и безземельный крестьянинъ не можетъ быть устраненъ иначе, какъ самостоятельнымъ распоряженіемъ сельскаго общества, въ силу того мѣстнаго обычнаго воззрѣнія на полноправнаго домохозяина, которое установилось въ этомъ обществѣ внѣ всякаго давленія со стороны писанныхъ законовъ.

По отзывамъ же многихъ губернскихъ совѣщаній (Владимірскаго, Вологодскаго и друг.), безземельные—весьма часто допускаются на сходы, а по заключенію Бессарабскаго губернскаго совѣщанія, «отсутствіе на сходѣ безземельныхъ домохозяевъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ существуетъ общинное землепользованіе, вызываетъ часто злоупотребленія, такъ какъ сходъ совершенно игнорируетъ права на землю безземельныхъ членовъ общины и упорно сопротивляется мысли о передѣлѣ земли и т. д. *).

Стоитъ только представить себѣ главную сущность общиннаго пользованія, чтобы понять къ какимъ серьезнымъ правонарушеніямъ можетъ привести безусловное лишеніе всѣхъ безземельныхъ правапредставительства на сельскомъ сходѣ. На самомъ дѣлѣ, отказъ отъ надѣла со стороны старшаго домохозяина, по основному смыслу общиннаго пользованія, не можетъ распространяться и на его потомство.

Поэтому то, положительно невозможно согласиться съ категорическимъ выводомъ курскаго губернск. совѣщанія, что «участіе безземельныхъ крестьянъ на частныхъ сходахъ общинъ не имѣетъ цѣли» **).

Но высказываясь столь рѣшительно противъ участія безземельныхъ на общинныхъ сходахъ, то же совѣщаніе при-

---

*) Т. I стр. 247.

**) Тамъ же стр. 253.

знаетъ необходимымъ допущеніе этихъ крестьянъ на соединенные сходы изъ нѣсколькихъ селеній. Въ томъ же смыслѣ высказываются и Витебское и нѣкоторыя другія совѣщанія, предлагая допускать безземельныхъ на сельскіе сходы по дѣламъ, касающимся обложенія ихъ мірскими сборами, избранія сельскихъ должностныхъ лицъ и вообще по вопросамъ, одинаково затрагивающимъ интересы всѣхъ членовъ сельскаго общества.

Я позволилъ себѣ такъ долго остановиться на этихъ двухъ примѣрахъ земскаго отдѣла, такъ какъ есть основаніе опасаться, что въ самой постановкѣ ихъ мѣстныя учрежденія могутъ усмотрѣть авторитетное указаніе на устраненіе женщинъ и безземельныхъ отъ участія въ сельскихъ сходахъ. По крайней мѣрѣ, изъ дѣлъ, восходившихъ до Сената можно видѣть, что подобнаго рода произвольныя распоряженія уже практиковались крестьянскими присутствіями, находившими себѣ не болѣе солидную опору въ примѣч. 3 къ ст. 17 общ. полож. о крест. Будучи позднѣйшей вставкой въ «Положеніе 19-го февраля», оно было вызвано, какъ извѣстно, затрудненіями по составленію сельскихъ сходовъ въ должномъ составѣ *).

И, вотъ, изъ того, что «примѣчаніе» подразумѣваетъ домохозяевъ семейныхъ и неимѣющихъ въ то же время въ своей семьѣ лицъ, способныхъ ихъ замѣнить, совершенно произвольно стали выводить, что не всѣ члены семьи правоспособны къ участію на сходахъ. То есть, законъ, предусматривающій самый тѣсный кругъ явленій, когда у домохозяина не окажется въ семьѣ вовсе лица способнаго его замѣнить на сходѣ, при сильномъ въ то же время развитіи отхожихъ промысловъ, получилъ почему то извѣстное руко-

*) «Отлучающимся на полгода и болѣе домохозяевамъ, не имѣющимъ въ своей семьѣ лицъ, могущихъ замѣнить ихъ на сельскомъ сходѣ, предоставляется передавать свой голосъ кому-либо изъ общественниковъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій».

водящее значеніе для сужденія о правоспособности вообще тѣхъ или другихъ лицъ по участію на сходахъ.

Весьма характерны въ этомъ отношеніи также и сообщенія нѣкоторыхъ губернскихъ совѣщаній. Такъ, наприм., по отзыву Бессарабскаго совѣщан. «Возрастъ, при которомъ членъ общества *считается* имѣющимъ право участвовать на сходахъ, въ однихъ *уѣздахъ* опредѣляется 21 годомъ, а въ другихъ—25 годами» *). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ «*считается*» крестьяне ровно не при чемъ. Прежде всего, уѣздъ слишкомъ искусственная территоріальная единица, чтобы играть какую-нибудь роль въ дѣлѣ распредѣленія обычаевъ и кромѣ того, слишкомъ общеизвѣстно, что нашему обычному праву совершенно чуждо понятіе объ оффиціальномъ совершеннолѣтіи. По обычнымъ взглядамъ крестьянъ совершеннолѣтіе опредѣляется обыкновенно способностью къ труду и самостоятельному отвѣту по общественнымъ дѣламъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ вмѣшательствомъ уѣздныхъ съѣздовъ въ крестьянскія дѣла. Еще яснѣе это вмѣшательство усматривается изъ сообщенія Костромскаго совѣщанія о полномъ устраненіи женщинъ въ 5 земскихъ участкахъ губерніи. Подобнаго рода совершенно произвольное толкованіе крестьянскихъ законовъ, положительно неизбѣжное при ихъ современномъ состояніи, еще опаснѣе теперь, когда отмѣна приговора, можетъ послѣдовать и помимо жалобъ заинтересованныхъ въ томъ лицъ, а по самостоятельному почину земскаго начальника.

Если невозможно отрицать необходимости нѣкотораго надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ, то несомнѣнно также, что и сельское общество въ свою очередь должно быть ограждено отъ произвольныхъ и на ошибочномъ пониманіи законовъ, основанныхъ распоряженіи со стороны мѣстныхъ учрежденій.

Очевидно, что сознаніемъ этой необходимости руководи-

---

*) Т. I. стр. 244.

лись и составители вышеозначенныхъ вопросовъ, включивъ въ число послѣднихъ, цѣлый рядъ предположеній, направленныхъ къ болѣе точному опредѣленію условій законнаго состава сельскихъ сходовъ, сообразуясь съ практикой самихъ сельскихъ обществъ.

Что же можетъ, на самомъ дѣлѣ, дать въ этомъ случаѣ коммиссіи по пересмотру крестьянскихъ узаконеній опытъ и практика мѣстныхъ учрежденій? Есть основанія къ предположенію, что результаты этого опыта должны быть очень и очень ограничены.—Спросите любой сельскій сходъ, считаетъ ли онъ, напримѣръ, возможнымъ допускать женщинъ къ рѣшенію общественныхъ дѣлъ и онъ вамъ навѣрное уклончиво отвѣтитъ, что это—глядя по дѣлу, по нуждѣ или человѣку и т. п.

Не значитъ ли это, что у самого схода на этотъ предметъ опредѣленнаго міросозерцанія еще не выработалось и потому всѣ такого рода казусы разрѣшаются имъ на почвѣ индивидуальной и субъективной.

Только что высказанное предположеніе, какъ бы всецѣло подтверждается и заключеніями губернскихъ совѣщаній, которыя положительно подавляющимъ большинствомъ свидѣтельствуютъ о крайне разношерстномъ составѣ сельскихъ сходовъ.

Оказывается, что на практикѣ составъ сельскихъ сходовъ опредѣляется весьма различно. Очень часто, на сходы допускаются наравнѣ съ домохозяевами и неотдѣленные члены ихъ семействъ, не исключая и несовершеннолѣтнихъ; нерѣдко допускаются и женщины вдовы, имѣющія надѣлы; въ иныхъ же селеніяхъ женщины на сходъ не допускаются вовсе, тогда какъ въ другихъ безпрепятственно присутствуютъ съ правомъ голоса не только замужнія, но и дѣвицы, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ своихъ родственниковъ *) и т. д. и т. д.

---

*) Свод., зак. губ. совѣщ. т. I стр. 242—274.

По сообщенію же Казанскаго губер. совѣщанія *«кромѣ того»* въ большинствѣ случаевъ принимаютъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи вопросовъ на сходахъ и всѣ желающіе безъ различія, имѣютъ ли они право голоса на сходѣ или не имѣютъ таковаго, такъ какъ обыкновенно никакой провѣрки правъ явившихся на сходъ не дѣлается.

Если прибавить это характерное «кромѣ того», то получается уже дѣйствительно такое пестрое разнообразіе условій составленія сельскихъ сходовъ, въ которомъ на первый взглядъ легко потерять всякую руководящую нить для будущаго крестьянскаго законодательства.

Не трудно однако видѣть, что разноголосица эта только кажущаяся и легко можетъ быть сведена къ довольно опредѣленнымъ и общимъ началамъ обычно-правоваго воззрѣнія крестьянъ. Существенную помощь въ этомъ случаѣ могутъ оказать слѣдующія поистинѣ золотыя слова Смоленскаго Губернскаго Совѣщанія. «Вообще надо замѣтить, что у крестьянъ прочно сложилось убѣжденіе, по которому представитель каждаго земельнаго домохозяйства, независимо отъ *возраста пола* и *податной исправности и нравственныхъ своихъ качествъ*, имѣетъ *неотъемлемое* право на непосредственное обсужденіе всѣхъ дѣлъ, касающихся всего общества, а потому и каждаго отдѣльнаго члена. Убѣжденіе это настолько *глубоко-жизненно, да и настолько соотвѣтствуетъ насущнымъ интересамъ крестьянской жизни*, по крайней мѣрѣ, по отношенію всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ, что поколебать его даже законодательными мѣропріятіями не представляется достаточнаго вѣроятія».

Спрашивается однако, зачѣмъ и колебать этотъ выросшій на почвѣ естественной справедливости и вѣками сложившійся порядокъ?

Не ясно ли, что надо особенно опасаться разрушить патріархальный, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи строй сельскихъ общинъ, изъ опасенія могущихъ возникнуть жалобъ на почвѣ различныхъ толкованій закона. Насколько ничтожно въ настоящее время количество жалобъ на формальныя

условія составленія приговоровъ можно видѣть уже изъ того, что изъ 43-хъ Губерн. совѣщаній только *три* Архангельское, Гродненское и Нижегородское сочли необходимымъ упомянуть о возникающихъ по этому предмету жалобахъ. Но этотъ ничтожный самъ по себѣ процентъ долженъ умалиться еще и тѣмъ соображеніемъ, что жалобы очень часто возникаютъ на почвѣ непрошеннаго вовсе вмѣшательства властей.

Въ дѣйствительности же сами крестьяне формальнымъ условіямъ составленія приговоровъ не придаютъ ровно никакого значенія; первенствующее и подавляющее значеніе въ ихъ глазахъ имѣетъ любовное и даже почти всегда единогласное рѣшеніе общественныхъ дѣлъ. Что за бѣда, что на сходѣ безъ всякаго права на то участвовала какая нибудь Матрена, если приговоръ въ тоже время состоялся единогласно и полюбовно. И напротивъ того, самое подавляющее большинство членовъ схода, при самомъ законномъ его составѣ, не гарантируетъ вовсе рѣшенія какого либо вопроса, если только хотя одинъ голосъ рѣзко и энергично протестуетъ противъ этого рѣшенія. На характерномъ деревенскомъ языкѣ, это называется—«разбить сходъ». Насколько справедливо только что сказанное, насколько крестьяне тяготятся даже существующими формальностями, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Самарскаго Губернскаго Совѣщанія.

Вообще требованія ст. 54 Общ. Полож. весьма *затрудняютъ* крестьянъ и *тормозятъ* разрѣшеніе важныхъ вопросовъ. Всѣ приговоры по ст. 54 провѣряются и обнаруженіе ошибки влечетъ къ ихъ отмѣнѣ, слѣдствіемъ чего является *охлажденіе* крестьянъ къ своимъ наиболѣе существеннымъ интересамъ. Крестьяне склонны постановлять приговоры съ согласія *всѣхъ* явившихся на сходъ, при разногласіи чаще всего не бываетъ *никакого* постановленія и т. д. *).

Слѣдовательно, центръ тяжести лежитъ здѣсь вовсе не въ установленіи тѣхъ или другихъ формальныхъ условій

*) Т. I, стр. 262.

для непогрѣшимости общественныхъ приговоровъ, а въ томъ, чтобы создать возможно полнѣе такія условія, при которыхъ обезпечивалось бы полюбовное и единогласное рѣшеніе общественныхъ дѣлъ.

Послѣднее достижимо не подробной регламентаціей, а напротивъ того, установленіемъ возможно широкихъ предѣловъ для законнаго состава сельскихъ сходовъ.

Цѣль законодательства, какъ показываетъ опытъ, должна заключаться въ возможно меньшемъ стѣсненіи крестьянъ и въ возможно большемъ обезпеченіи ихъ отъ произвольныхъ распоряженій мѣстной власти. Согласно съ чѣмъ, будущая форма относящихся къ этому предмету узаконеній должна быть характера *не воспрещающаго*, а, напротивъ того, всецѣло *разрѣшающаго*.

Лучшимъ коррективомъ къ болѣе правильному составу сельскихъ сходовъ, какъ показалъ опытъ, можетъ служить сознаніе общности интересовъ у всѣхъ членовъ схода и важности обсуждаемыхъ дѣлъ. Такъ наприм., по весьма мѣткому наблюденію Виленскаго и Вятскаго Губернскаго Совѣщанія, «неправильности въ посылкѣ на сходъ несовершеннолѣтнихъ, женъ и т. п. *не* происходятъ при рѣшеніи дѣлъ, которыя затрагиваютъ личныя, имущественныя и экономическія интересы крестьянъ» и когда общество принимаетъ на себя какое либо обязательство *).

Отсюда уже не трудно заключить, *что въ упорядоченіи нуждается не составъ сельскихъ сходовъ, а составъ сельскихъ обществъ, которыя въ настоящее время нерѣдко представляютъ собою столь искусственные союзы, что сознаніе солидарности у членовъ этихъ союзовъ существовать не можетъ.* Съ упорядоченіемъ же сельскихъ обществъ сельскіе сходы упорядочатся сами собой.

Можно считать большимъ счастьемъ, что эту важную для будущаго крестьянскаго законодательства мысль, оказалось

---

*) Св. Губ. Совѣщ., т. I, стр. 244—249.

возможнымъ извлечь изъ свода заключеній Губернскихъ Совѣщаній.

Вопросъ о составѣ сходовъ можно было бы считать исчерпаннымъ, если бы не громадное его значеніе, требующее развитія и всѣхъ побочныхъ соображеній. Такъ напримѣръ, предлагая тѣ или другія мѣры къ упорядоченію сельскихъ сходовъ, положительно невозможно не считаться съ повальной неграмотностью сельскихъ должностныхъ лицъ и полуграмотностію сельскихъ писарей, которымъ будетъ совершенно непосильно справляться съ новыми предписаніями законовъ. Неблагопріятствуютъ также соблюденію многочисленныхъ формальностей и самыя условія составленія общественныхъ приговоровъ, гдѣ нибудь на солнцепекѣ или въ душной, биткомъ набитой, сборной избѣ, при дружномъ «галдѣніи» крестьянъ.

Извольте-ка, при этихъ условіяхъ для *письменныхъ* занятій точно и безошибочно опредѣлять и притомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія права каждаго изъ явившихся на сходъ. А что всѣ эти намѣченныя земскимъ отдѣломъ ограниченія склонны принять форму многоразличныхъ предписаній, это можно видѣть изъ слѣдующихъ поставленныхъ имъ вопросовъ: «не слѣдуетъ ли установить въ самомъ законѣ извѣстныя ограниченія права участія на сходахъ, напримѣръ, въ отношеніи возраста, податной исправности, безпорочности поведенія (отсутствіе судимости) или еще какія либо иныя?

Попробуйте ввести всѣ эти ограниченія и вы увидите, что повѣрка всѣхъ этихъ обстоятельствъ, при вѣчно измѣнчивомъ составѣ сельскихъ сходовъ, явится обузой совершенно непосильной для существующаго комплекта сельскихъ должностныхъ лицъ. Тѣмъ болѣе непосильной, что крестьяне, если только нѣтъ налицо пріѣзжаго начальства, привыкли на сходахъ держать себя свободно и чувствовать себя какъ дома.

— Дѣло небольшое, — говоритъ, не обращаясь ни къ кому, одинъ изъ стариковъ и уходитъ себѣ со схода, а вза-

мѣнъ того, присылаетъ на сходъ своего парнишку. Только что наладились писать приговоръ и, вотъ, опять придется начинать провѣрку правъ всѣхъ вновь прибывшихъ. Не придавая никакого значенія этимъ формальностямъ, крестьяне будутъ страшно тяготиться всѣми провѣрками и сопряженными съ ними проволочками.

Кончится же это тѣмъ, что никакой провѣрки правъ, на самомъ дѣлѣ, производиться не будетъ, а таковая будетъ значиться лишь въ заголовкѣ приговора, въ формѣ заученной разъ на всегда стереотипной фразы и это въ лучшемъ случаѣ. На самомъ дѣлѣ, гораздо хуже, если эта томительная и безплодная провѣрка, по настоянію начальства, будетъ производиться неукоснительно, такъ какъ тогда она повлечетъ за собою такую массу всевозможныхъ жалобъ, разобраться въ которыхъ существующее начальство будетъ положительно не въ состояніи.

Надо ли говорить, какъ печально отразится это на ходѣ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, которыя неизбѣжно захватятъ въ свои руки небольшая кучка законниковъ и грамотѣевъ. И это очень понятно: чѣмъ подробнѣе будутъ регламентированы права домохозяевъ на участіе въ сельскомъ сходѣ, тѣмъ легче будетъ съ формальной стороны опорочить любой изъ приговоровъ. А между тѣмъ, какъ бы ни было справедливо по существу своему, то или другое рѣшеніе сельскаго схода, какъ бы полно ни согласовалось оно съ общественными интересами, всегда найдется потерпѣвшее отъ этого рѣшенія лицо. При существующемъ порядкѣ всѣ эти эгоистическія стремленія отдѣльныхъ членовъ сельскихъ обществъ поневолѣ должны покоряться справедливому рѣшенію большинства, а съ этимъ едва ли возможно не считаться.

Вообще, лучшимъ оправданіемъ существующему можетъ служить почти полное отсутствіе жалобъ на формальныя условія составленія приговоровъ. А между тѣмъ, какъ ни льготны вообще въ этомъ отношеніи постановленія дѣйствующаго законодательства, мы убѣждены вполнѣ, что и

сейчасъ любой изъ общественныхъ приговоровъ легко можетъ быть опороченъ съ формальной стороны. На самомъ дѣлѣ, въ своемъ равнодушіи къ законности участія того или другаго члена, крестьяне самымъ благодушнымъ образомъ допускаютъ на сходы всѣхъ самовольныхъ раздѣленцевъ.

И если подобныя прямыя нарушенія законовъ не вызываютъ жалобъ со стороны крестьянъ, жалобъ вполнѣ возможныхъ при земскихъ начальникахъ, то это нагляднѣе всего доказываетъ, что въ общественныхъ своихъ дѣлахъ крестьяне руководятся внушеніями своей совѣсти, а не различными формальными соображеніями.

Если міръ рѣшилъ «по Божьему», то несомнѣнно грѣшно и жаловаться.

Будучи принципіально противъ всякаго рода ограниченій, мы тѣмъ болѣе противъ тѣхъ изъ нихъ, которыя предложены вопросными пунктами земскаго отдѣла.

Возьмемъ хотя бы податную неисправность. Кто не знаетъ, что податная неисправность бываетъ иногда слѣдствіемъ случайнаго стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, какъ то: градобитіе, пожаръ, болѣзнь работника, конокрадство и т. п. Можетъ ли быть при этихъ условіяхъ податная неисправность приравнена, напримѣръ, къ судимости и другимъ позорящимъ человѣка обстоятельствамъ. Есть ли въ этомъ, наконецъ, и надобность при условіи существованія 3 п. 188 ст. Полож. о крест., предоставляющей каждому сельскому сходу право замѣнять неисправнаго домохозяина другимъ членомъ той же семьи?

И не рискованно ли само по себѣ это предположеніе, при условіи громадной задолженности крестьянъ,—не грозитъ ли оно распространиться на значительное большинство сельскихъ обывателей?

Еще менѣе желательно расширенія понятія о судимости, какъ препятствія къ участію на сходѣ, по крайней мѣрѣ свыше того, которое содержится уже въ примѣч. 2-мъ къ ст. 47-й общ. положен.

Нежелательно по двумъ слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, не справедливо и въ высшей степени отъ неразвитаго крестьянина требовать болѣе строгаго нравственнаго ценза на правоучастія въ общественныхъ дѣлахъ, чѣмъ отъ другихъ сословій, а во-вторыхъ, личный интересъ крестьянина въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ сельскимъ сходомъ гораздо интенсивнѣе, чѣмъ, напримѣръ, у участвующаго въ земскихъ или дворянскихъ собраніяхъ.

Возмемъ хотя бы передѣлъ общественной земли, или раскладку податей, гдѣ личный интересъ каждаго члена сельскаго общества тѣмъ или другимъ постановленіемъ сельскаго схода можетъ быть, какъ извѣстно, задѣтъ весьма чувствительно.

Отсюда, расширивъ понятіе о судимости, препятствующей участію на сходѣ, по неволѣ пришлось бы поступиться въ пользу нѣкоторыхъ дѣлъ, все бы это ничего, если бы, къ сожалѣнію, всѣ эти уступки и исключенія изъ правилъ не усложняли крестьянскихъ законовъ, затрудняя тѣмъ ихъ правильное примѣненіе на практикѣ.

Радикальная мѣра.

Въ «сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній» какъ за, такъ и противъ схода выборныхъ приведено не мало самыхъ внушительныхъ соображеній.

Противники существующаго порядка образованія сельскихъ сходовъ изъ всѣхъ домохозяевъ упрекаютъ послѣдніе въ безучастномъ отношеніи къ общественнымъ дѣламъ, вслѣдствіе непониманія таковыхъ большинствомъ неразвитой толпы». По ихъ словамъ, существующіе сельскіе сходы изъ всѣхъ домохозяевъ—ничто иное, какъ «безобразно шумная толпа», со свойственной ей «излишней воспріимчивостью», легковѣрностью и способностью поддаваться вліянію энергичныхъ и неразборчивыхъ на средства вожаковъ».

Точно желая лишить всякой надежды на улучшеніе сельскихъ сходовъ и на будущее время, Нижегородское губернское совѣщаніе говоритъ, что «какъ бы ни была *очищена* толпа, она все-таки останется толпой съ присущими ей свойствами и недостатками, которые тѣмъ рѣзче проявляются, чѣмъ менѣе развита толпа» *).

А если повѣрить Архангельскому губ. совѣщ., что крестьяне собираются на сходы «полусонные», не вѣдаютъ, что творятъ на нихъ и съ этимъ же невѣдѣніемъ возвращаются домой, то нельзя будетъ не согласиться и съ заключеніемъ Витебскаго совѣщанія, что «увлекаетъ большинство присутствующихъ на сходахъ крестьянъ неразумное слово лишь

*) Т. I стр. 383.

пользующихся въ обществѣ нѣкоторымъ уваженіемъ, а крикуны» *).

На это защитники полныхъ сельскихъ сходовъ въ свою очередь говорятъ, что выборные сравнительно менѣе заинтересованы матеріально въ томъ или иномъ рѣшеніи, потому легче могутъ подпасть подъ вліяніе тѣхъ лицъ, коихъ это рѣшеніе можетъ касаться. По мнѣнію же Калужскаго совѣщанія, «даже трудно поручиться, чтобы въ число выборныхъ не попали личности съ цѣлью извлеченія личныхъ выгодъ и эксплоатаціи остальнаго сельскаго населенія **).

Какъ бы возражая Архангельскому заключенію по вопросу о компетентности сельскихъ сходовъ, Олонецкое совѣщ. говоритъ, что дѣла, подлежащія рѣшенію схода, просты, хорошо извѣстны домохозяевамъ и близко касаются ихъ интересовъ; правильное разрѣшеніе болѣе обезпечено сходомъ всѣхъ домохозяевъ, нежели выборныхъ» ***) Поэтому то, по мнѣнію Могилевскаго совѣщанія, такая замѣна нисколько не улучшитъ положеніе дѣлъ въ обществахъ и будетъ прямо противорѣчить взглядамъ на дѣло крестьянъ, которые *непремѣнно* хотятъ принять *сами* участіе въ обсужденіи вопросовъ, близко касающихся ихъ хозяйственнаго быта.

Еще опредѣленнѣе въ томъ же смыслѣ выражается Симбирское совѣщаніе, которое «полагаетъ, что введеніе его (сходы выборныхъ) было бы пагубно для сельскаго управленія и дальнѣйшаго развитія сельской жизни ****).

Итакъ, опираясь на *свой* опытъ, на массу фактовъ и наблюденій различныя совѣщанія пришли къ совершенно различнымъ и діаметрально противоположнымъ заключеніямъ.

Совѣщанія разнорѣчатъ въ своихъ сообщеніяхъ даже о такой чисто фактической сторонѣ дѣла, какъ внѣшній порядокъ на сельскихъ сходахъ. Въ то время, какъ противники

---

*) Стр. 370.

**) Стр. 374.

***) Стр. 383.

****) Т. I стр. 396.

полныхъ сельскихъ сходовъ усматриваютъ въ нихъ многочисленное сборище, служащее поводомъ къ безобразнымъ крикамъ, шуму и драки, видятъ толпу, въ которой всѣ разомъ кричатъ, ругаются и т. д. *), защитники, не отрицая многолюдія существующихъ сходовъ, говорятъ, что это нисколько *не мѣшаетъ отчетливо* отобрать голоса за то или другое рѣшеніе и *нисколько* не мѣшаетъ *правильно* рѣшить дѣло. **).

Само собою разумѣется, что отчетливое отобраніе голосовъ и правильное рѣшеніе дѣлъ совершенно несовмѣстимо съ понятіемъ о безобразно шумящемъ и ругающемся сборищѣ. Кто правъ, кто виноватъ рѣшить не представляется никакой возможности, такъ какъ судьей въ данномъ случаѣ можетъ быть лишь непосредственное впечатлѣніе.

Это разнорѣчіе въ выводахъ, это обиліе фактовъ и за и противъ невольно напоминаетъ собою ту давно сказанную истину, что «никогда не было достаточно фактовъ, чтобы *все* доказать, но за то ихъ всегда было больше чѣмъ нужно, чтобы все *предчувствовать*, еще со временъ Моисея и Геродота».

Вотъ это то предчуствіе истины и становится доступнымъ законодателю, если онъ *прежде всего* поставитъ себѣ задачей опредѣлить истинную природу и нравственное содержаніе подлежащаго его обсужденію явленія жизни. Иначе, онъ всегда рискуетъ запутаться въ обиліи всевозможныхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ фактическихъ подробностей.

Нравственное содержаніе сельскаго схода его, такъ сказать, raison d'être въ глазахъ крестьянъ прекрасно выражено въ заключеніи Вятскаго губ. совѣщанія: сельскій сходъ есть такое *основное, сроднившееся* съ крестьяниномъ учрежденіе, въ которомъ выслушиваются и разносторонне обсуждаются

---

*) Это характерное «и т. д.» принадлежитъ тамбовскому губ. совѣщанію стр. 392.

**) Стр. 387.

нужды, просьбы и требованія *каждаго* крестьянина, ожидавшаго сходъ и на него явившагося» *).

Слѣдовательно, сходъ изъ всѣхъ домохозяевъ предоставляетъ *каждому* крестьянскому двору возможность защищать свои *жизненные* интересы *лично* и этимъ удовлетворяетъ чувству естественной справедливости многомилліоннаго народа; сходъ выборныхъ отрицаетъ это право за каждымъ домохозяиномъ, передавая его особымъ выборнымъ. Съ этой точки зрѣнія сходъ выборныхъ прямо противуположенъ сходу изъ всѣхъ домохозяевъ, а потому онъ и не можетъ служить къ упорядоченію сельскихъ сходовъ, какъ мѣра имъ совершенно чуждая по своей природѣ. А это значитъ, что вопросъ земскаго отдѣла долженъ быть поставленъ, совершенно иначе, не объ упорядоченіи сельскихъ сходовъ надо было говорить, а о полномъ *упраздненіи*, съ замѣной ихъ совершенно *новымъ* и чуждымъ народному духу институтомъ.

Только въ этой единственно правильной постановкѣ можетъ быть получено настоящее рѣшеніе вопроса. Сходъ выборныхъ тотчасъ же лишается того могучаго авторитета, которымъ онъ совершенно незаслуженно пользовался въ *искусственномъ* сближеніи его со сходомъ изъ всѣхъ домохозяевъ. Становится до поразительности ясно, что одни имѣютъ въ своемъ распоряженіи гадательныя и безпочвенныя соображенія, тогда какъ другіе опираются на многовѣковое сознаніе народа. Одни имѣютъ *свой* тридцатилѣтній опытъ, другіе *сверхъ того* ищутъ опоры во многовѣковой чисто народной формѣ жизни, воплотившей въ себѣ стремленіе къ справедливости многомилліоннаго народа. Составители Положенія 19-го февраля» вовсе не создавали сельскихъ сходовъ, какъ это принято многими почему то думать: *они ихъ приняли изъ рукъ самого народа.* Они прекрасно понимали, что многомилліонный народъ, имѣющій тысячелѣтнюю исторію не можетъ быть уподобляемъ той бѣлой бумагѣ, на которой можно было бы писать все, что угодно. Вотъ почему сторон-

---

*) Т. I стр. 372.

никамъ существующихъ сельскихъ сходовъ прежде всего слѣдовало указать на неправильную поставку вопроса о сходѣ выборныхъ. Не сдѣлавъ этого, они только усилили поднятую имъ противниками по истинѣ ослѣпляющую и оглушающую фактическую пыль. Тогда какъ, поставивъ вопросъ принципіально, имъ легко было бы вывести и всѣ практическія послѣдствія предполагаемаго нововведенія.

На самомъ дѣлѣ, если «сходъ выборныхъ противорѣчитъ воззрѣнію народа на міръ, громаду, какъ на высшій авторитетъ, обьемлющій всѣ частные интересы», то понятно само собою, что рѣшенія схода выборныхъ, даже при всей ихъ справедливости, никогда не достигнутъ такой авторитетности, какъ рѣшенія полныхъ сельскихъ сходовъ: отсюда легко предположить возникновеніе массы жалобъ и недоразумѣній.

Въ той же мѣрѣ, если полный сходъ удовлетворяетъ чувству справедливости, если крестьяне непремѣнно хотятъ сами принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ, то отсюда можно впередъ предсказать, что на ряду со сходомъ выборныхъ по закоулкамъ и тайно отъ начальства будутъ составляться еще и *свои* сходы изъ всѣхъ недовольныхъ рѣшеніями выборныхъ.

И, наконецъ, изъ того, что существующій сходъ предоставляетъ каждому крестьянину высказать свое мнѣніе, желаніе и жалобу весьма естественно, что этотъ же сходъ открываетъ внимательному начальству господствующее настроеніе крестьянъ и даетъ возможность своевременно предупредить возникающіе въ обществѣ безпорядокъ и злоупотребленія» *).

Какъ ни цѣнны всѣ эти практическія соображенія, они не должны были заслонять собою главнаго и основнаго факта несоотвѣтствія предложенной мѣры со взглядами крестьянъ на справедливость. Недостатокъ аргументаціи защитниковъ существующаго порядка въ томъ и заключается, что они

*) Курск. губ. совѣщ. Т. I стр. 376.

этому основному соображенію отвели второстепенное мѣсто, какъ это видно изъ употребляемыхъ ими выраженій: «не говоря» или «помимо того» и т. п.

Тогда какъ объ этомъ не только нельзя было не говорить, но надо было съ этого начать, да на этомъ, пожалуй, можно было и кончить.

Тѣмъ не менѣе, избѣгая упрека въ легкомысленномъ или тенденціозномъ игнорированіи тридцатилѣтняго опыта противниковъ настоящихъ сельскихъ сходовъ, я позволю себѣ указать на слѣдующее весьма характерное заключеніе Бессарабскаго губ. совѣщ.: «здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что въ несравненно лучшемъ положеніи находятся волостные сходы, какъ образованные не изъ сплошной толпы, подобно сельскому сходу, а изъ лицъ выборныхъ, независимыхъ не только отъ сельскихъ общинъ, но и отъ волостнаго схода и *находящихся подъ большимъ вліяніемъ на нихъ мѣстъ и лицъ высшихъ учрежденій*».

Если бы почтенное совѣщаніе дѣйствительно пожелало бы воспользоваться своимъ тридцатилѣтнимъ опытомъ, то ему навѣрное пришлось бы признать, что волостные сходы, внѣ вліянія «лицъ и мѣстъ высшихъ учрежденій», не только не *находились* въ лучшемъ положеніи, но, напротивъ того, всегда были сосредоточіемъ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій со стороны крестьянскаго самоуправленія. Неужели тридцатилѣтній опытъ не показалъ почтенному совѣщанію, что оставленныя внѣ всякаго вліянія сельскія общины хотя и не всегда, но все же не теряли способности постановлять разумныя и справедливыя рѣшенія, тогда какъ волостные сходы всегда и поголовно отличались крайней распущенностью нравовъ. Нѣтъ, и тридцатилѣтній опытъ не служитъ въ пользу новаторовъ крестьянскаго самоуправленія, а ихъ желаніе построить его на вліяніи высшихъ мѣстъ, по меньшей мѣрѣ представляетъ собою непрочную постройку.

Сельская община—какъ хозяинъ.

Извѣстно, что каждая сельская община (не общество) представляетъ собою не только административную, но и хозяйственную единицу. Таковы дѣла: по найму пастуховъ, выпасу скота, пользованію разными угодьями сообща и т. п.

Независимо отъ этого, каждая община владѣетъ по одному для всѣхъ ея членовъ акту земельнаго устройства, сообразно съ чѣмъ получаетъ на свое имя окладные листы, производитъ раскладку мірскихъ расходовъ, между которыми есть и чисто хозяйственнаго характера, и, наконецъ, при всякой формѣ землепользованія отвѣчаетъ круговой порукой въ исправномъ платежѣ мірскихъ, земскихъ и казенныхъ повинностей. Легко понять, что соблюденіе всѣхъ вышеизложенныхъ хозяйственныхъ интересовъ, при мелкой черезполосности владѣній, невольно вынуждаетъ эту хозяйственную единицу къ одной общей всѣмъ ея членамъ системѣ хозяйства. Установленіе же послѣдней, какъ и всѣ хозяйственныя дѣла, несомнѣнно должны разрѣшаться на почвѣ взаимнаго соглашенія всѣхъ членовъ данной общины.

Это хозяйственное значеніе сельской общины не находитъ себѣ, однако, достаточной опоры въ «Общемъ Положеніи о крестьянахъ», вовсе не нормирующемъ взаимныя права отдѣльныхъ членовъ и цѣлой общины въ общихъ имъ сельскохозяйственныхъ дѣлахъ.

На самомъ дѣлѣ, все что даетъ по этому предмету «Общее Положеніе» исчерпывается двумя короткими постанов-

4*

леніями, содержащимися въ 7 и 8-мъ пунктѣ 51-й статьи этого Положенія.

Что постановленія эти явно недостаточны, что они далеко не охватываютъ всей совокупности ежегодно возникающихъ въ любомъ сельскомъ обществѣ хозяйственныхъ вопросовъ легко видѣть изъ слѣдующаго примѣра.

Представте себѣ общину — на правѣ подворно-наслѣдственнаго пользованія, съ такъ называемымъ «запольнымъ хозяйствомъ, то есть производящую на своихъ поляхъ ежегодные посѣвы хлѣба по хлѣбу, безъ отдыха земли. Явленіе, какъ извѣстно, весьма распространенное: представте себѣ далѣе, что такая община, сознавъ, наконецъ, весь вредъ заполья, угрожающаго въ недалекомъ будущемъ полнымъ истощеніемъ земли, рѣшилась завести у себя правильное трехполье и рѣшеніе это облекла въ форму общественнаго приговора. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, равно какъ и въ томъ, что одинъ изъ членовъ этой общины можетъ не согласиться съ такимъ общимъ желаніемъ. Мало того, фактически будетъ продолжать свое заполье, препятствующее общей пастьбѣ скота, а слѣдовательно и введенію новой улучшенной культуры.

Какъ это ни странно, но въ крестьянскихъ законахъ вовсе не содержится указанія на тотъ путь, которымъ бы разрѣшались всѣ возникающія изъ такихъ разногласій недоразумѣнія.

На самомъ дѣлѣ, вѣдь въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о такомъ частномъ случаѣ, какъ мірская земля, почему либо остающаяся праздной, о чемъ говорится въ 7-мъ п. 51 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ, а напротивъ того объ установленіи такого распорядка хозяйничанія на отдѣльныхъ подворныхъ участкахъ, который, вызываясь извѣстными нуждами, былъ бы сопряженъ съ общими выгодами для всѣхъ членовъ данной общины.

Не можетъ быть разрѣшенъ также этотъ споръ и въ формѣ того совѣщанія, о которомъ говорится въ 8 п. 51 ст. Общ. Полож. о крест., такъ какъ совѣщаніе всегда предпо-

лагаетъ миролюбивое соглашеніе по вопросамъ, не задѣвающимъ такъ рѣзко чьихъ либо личныхъ или имущественныхъ правъ, какъ въ данномъ случаѣ.

Если теперь обратиться къ общимъ гражданскимъ законамъ, то нетрудно видѣть, что къ этому казусу непримѣнимы и начала о правѣ собственности общемъ, предусмотрѣнномъ 543 ст. X т. 1 ч. Каждый членъ общины, какъ личный и полноправный собственникъ своего подворнаго участка, на тѣ или другія хозяйственныя распоряженія таковымъ испрашивать чьего либо согласія вовсе не обязанъ.

Участки, пріобрѣтенные не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, составляютъ *личную* собственность каждаго — поясняетъ весьма не двухсмысленно 166 ст. Полож. о выкупѣ, уничтожая тѣмъ всякое сомнѣніе въ правомѣрномъ съ чьей либо стороны вмѣшательствѣ въ хозяйственныя распоряженія подворнаго владѣльца.

Словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ тѣмъ институтомъ гражданскаго права, который именуется «общимъ владѣніемъ», а съ чѣмъ то другимъ, что ближе всего можетъ быть приравнено къ особому и весьма своеобразному союзу отдѣльныхъ личныхъ собственниковъ, связанныхъ между собой цѣлою совокупностью общихъ имъ всѣмъ хозяйственныхъ нуждъ и выгодъ.

Получая въ этомъ союзѣ извѣстнаго рода выгоды, отдѣльные личные собственники въ свою очередь должны поступаться своими частными интересами и правами въ пользу цѣлой общины. Уступки эти должны выразиться не иначе, какъ въ извѣстныхъ ограниченіяхъ права личной собственности каждаго подворнаго владѣльца. Другаго исхода быть не можетъ.

Эти ограниченія, такъ называемыя законные сервитуты, на самомъ дѣлѣ, давно извѣстны нашему обычному праву, причемъ есть даже весьма близко подходящіе къ разсматриваему случаю. Объ этомъ покрайней мѣрѣ свидѣтельствуютъ неоднократныя рѣшенія волостныхъ судовъ, обязывающія, напримѣръ, собственниковъ къ огражденію своихъ посѣвовъ,

во избѣжаніе могущихъ быть потравъ. Любопытно мотивируются эти рѣшенія волостнымъ судомъ: «на скотину нечего просить, огородись, тогда и проси и т. п.

Точно также обязываются этими обычными рѣшеніями собственники къ зарытію ямъ на принадлежащихъ имъ участкахъ, если только ямы эти угрожаютъ опасностью чужому скоту.

Всѣ эти сервитуты, извѣстные еще Римскому праву, вызываются крайней житейской необходимостью и должны быть санкціонированы закономъ.

Пока не будетъ заполненъ указанный пробѣлъ въ крестьянскихъ законахъ, до тѣхъ поръ неизбѣжно безправіе цѣлаго ряда экономическихъ явленій и обширной группы заинтересованныхъ въ нихъ лицъ.

Такое положеніе вещей не можетъ не отражаться самымъ гибельнымъ образомъ на благосостояніи крестьянъ.

Слѣдствіемъ этого безправія многія сельскія общины десятки лѣтъ не въ состояніи выбиться изъ заколдованнаго круга столь хищническаго и разорительнаго для нихъ хозяйства, какъ заполье.

Нормально ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ общинѣ, отвѣчающей круговой порукой за каждаго изъ своихъ членовъ, упрямствомъ лишь одного, можетъ тормозиться достиженіе столь скромнаго сельско-хозяйственнаго прогресса, какъ трехполье? Но Общее Положеніе о крестьянахъ, не опредѣляя вовсе того порядка, которымъ бы регулировалось разрѣшеніе хозяйственныхъ вопросовъ, еще бѣднѣе постановленіями, опредѣляющими общій порядокъ приведенія въ исполненіе приговоровъ сельскихъ обществъ. Извѣстно, что крестьянскіе законы въ этомъ случаѣ исчерпываются однимъ короткимъ постановленіемъ, относящимъ исполненіе приговоровъ къ обязанности мѣстнаго сельскаго старосты (3 п. 58 ст. Об. пол. о кр.).

Неполноту и недостаточность этого постановленія легко видѣть на слѣдующихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ той же области хозяйственныхъ распоряженій сельскихъ обществъ

Допустимъ, что общество постановляетъ: «землю находящуюся у насъ подъ паромъ во всѣхъ урочищахъ, не пахать до 15 іюня сего года, въ виду того, что если таковая вспашется, то скотина должна погибнуть съ голоду, ибо кромѣ парины нашей скотинѣ кормиться негдѣ» *).

Мотивы приговора, какъ не трудно видѣть, весьма солидны. Если скотина погибнетъ съ голоду, то это бѣдствіе далеко нешуточное. Въ формѣ такихъ же приговоровъ, въ интересахъ своихъ хозяйственныхъ нуждъ, сельскія общества нерѣдко заказываютъ свои луга отъ настьбища, воспрещаютъ до извѣстнаго срока порубки въ общественныхъ лѣсахъ и т. п.

Прекрасно, но какимъ порядкомъ, спрашивается, приведутся въ исполненіе эти приговоры запретительнаго характера. Сельскому старостѣ, правда, представляется право за маловажные проступки подвергать виновныхъ изъ подвѣдомственныхъ ему лицъ извѣстнымъ незначительнымъ взысканіямъ; къ числу этихъ проступковъ примѣчаніемъ къ ст. 11, между прочимъ, сопричисляется и пьянство. Но не будетъ ли однако явной натяжкой, если староста наложитъ взысканіе на ослушника, вспахавшаго, положимъ, свою парину вопреки общественному приговору до 15 іюня сего года? Не обязано ли будетъ должностное лицо, получившее жалобу на сельскаго старосту отмѣнить это наложенное послѣднимъ взысканіе, основываясь на буквальномъ смыслѣ 64 ст. Общ. Полож. о крест.?

Отсюда легко понять все безвыходное положеніе сельскаго старосты, обязаннаго по закону привести въ исполненіе всякій приговоръ сельскаго общества и въ тоже время не имѣющаго къ тому никакихъ средствъ.

Если еще можно оспаривать у общества право воспрещать своимъ членамъ пахату парины до извѣстнаго срока, то право воспрещенія досрочной порубки въ общественномъ

*) Выписка изъ книги приговоровъ Нетребовскаго сельск. общества Курской губерніи.

лѣсу оспариваемо никакимъ образомъ быть не можетъ, какъ всецѣло предусмотрѣнное 7 п. 51 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ. А между тѣмъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ сельскій староста лишенъ всякой возможности исполнить этотъ приговоръ, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ законныхъ мѣръ, которыя онъ могъ бы принять противъ ослушниковъ.

Сельское общество, конечно, не могло оставаться равнодушнымъ къ явно безпомощному положенію своихъ избранниковъ.

Въ виду серьезности затрагиваемыхъ здѣсь интересовъ, оно само обыкновенно приходитъ на помощь своимъ агентамъ власти, опредѣляя и размѣръ того взысканія, которому подвергался бы нарушитель его запретительнаго постановленія. Чтобы не быть голословнымъ, - вотъ съ сохраненіемъ орфографіи одинъ изъ множества подобныхъ приговоровъ: «Такого то года, мѣсяца, числа, мы нижеподписавшіеся крестьяне такого то общества, бывъ собраны на полный сельскій сходъ нашимъ старостой такимъ то, для общественной надобности, имѣющій право по 17-й ст. Общ. Полож. о крест., наономъ участвовать. Гдѣ имѣли сужденіе и разговоръ о томъ, что постановленіе полнаго общественнаго приговора о недозволеніи пущать лошадей и прочую скотину въ нашъ общественный лѣсъ Кругликъ и въ случаѣ кто изъ насъ крестьянъ пастисъ въ означенный лѣсъ, то за каждую лошадь подвергаемся безъ судовъ и кляузъ по три рубля серебромъ штрафу и крестьянъ нашего общества упастилъ своихъ трехъ лошадей и надѣлалъ убытку на 9 рублей серебромъ, почему постановили всѣ единогласно настоящій приговоръ въ о томъ, что долженъ онъ уплатить въ пользу общества 9 рублей сер. Почему онъ и до сихъ поръ не уплачиваетъ, мы сходъ, полное общество находимъ возможнымъ отдать у его 2 надѣла озимой земли и т. д. *).

*) Выписка изъ книги приговоровъ Богословскаго общества Курской губерніи.

Такимъ образомъ, сельскій сходъ въ данномъ случаѣ не только опредѣлилъ размѣръ взысканія, но указалъ и самый способъ, которымъ оно могло бы быть приведено въ исполненіе. Подобнымъ же путемъ многія общества самостоятельно расправляются съ нарушителями своихъ хозяйственныхъ распоряженій.

Эти распоряженія сельскихъ обществъ, будучи явно противузаконными съ точки зрѣнія существующихъ крестьянскихъ узаконеній, даютъ понятіе о томъ, какъ сама жизнь находитъ пути къ удовлетворенію тѣхъ потребностей, которыя случайно оказались внѣ закона. Несомнѣнно, что для будущаго законодательства это самые поучительные примѣры, наглядно доказывающіе, что такая самоуправляющаяся и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственная единица, какъ сельская община, не можетъ быть лишена всякой возможности настоять на своихъ распоряженіяхъ.

Если освобожденная отъ старыхъ путъ и постепенно развивающаяся личность разрушила старую, патріархальную семью, если положить этому развитію предѣлы въ формѣ воспрещенія семейныхъ раздѣловъ и водворенія искусственной семьи было бы попыткой вполнѣ безплодной, то нельзя сказать того же о попыткѣ, направленной къ ограниченію того же индивидуальнаго начала въ его явно эгоистическихъ стремленіяхъ, черезъ поднятіе авторитета и значенія сельской общины.

Въ этомъ случаѣ законодательство, совпадая съ желаніемъ большинства крестьянъ, почерпнуло бы несомнѣнно ту жизненную силу, которую никогда не можетъ имѣть кабинетная теорія, какъ бы она ни была хорошо придумана. Обращаясь къ вышеприведеннымъ примѣрамъ, нетрудно видѣть тѣ предѣлы, въ которыхъ должно заключиться будущее крестьянское законодательство. Сельской общинѣ должно быть закономъ предоставлено право на тѣ хозяйственныя распоряженія, которыя въ силу непреложной необходимости вытекаютъ изъ ея поземельнаго устройства. Само собою разумѣется, что излишняго порабощенія личныхъ интересовъ никомъ

образомъ не должно быть допущено по той простой причинѣ, что крайности всегда вредны. Единственно надежнымъ матеріаломъ для будущаго крестьянскаго законодательства должны быть признаны существующія на сей предметъ обычно-правовыя воззрѣнія крестьянъ, поскольку они успѣли выясниться въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ и сельскихъ приговорахъ.

Кстати замѣтить, что, говоря о безправіи цѣлаго ряда экономическихъ отношеній, мы подразумѣвали только сельскую общину, владѣющую по одному акту земельнаго устройства. Въ дѣйствительности же положеніе многихъ общинъ гораздо затруднительнѣе, въ виду той слитности, которое допустило «Общее Положеніе» по отношенію къ совершенно различнымъ задачамъ, возложеннымъ на каждую единицу крестьянскаго самоуправленія. Поэтому будущее крестьянское законодательство должно установить не только норму для всѣхъ хозяйственныхъ распоряженій, но и возможно точнѣе разграничить различныя задачи, лежащія на каждомъ сельскомъ обществѣ.

Хозяйственныя права домохозяевъ.

Согласно рѣшеніямъ Правительствующаго Сената имущество крестьянскаго двора находится во владѣніи не одного домохозяина, а всего крестьянскаго семейства, проживающаго въ одномъ дворѣ».

Слѣдовательно, имущество крестьянскаго двора представляетъ собою особый видъ права собственности, именуемый «семейной собственностью», вовсе неизвѣстный нашимъ гражданскимъ законамъ.

Происхожденіе этой формы собственности теряется въ самой глубокой древности. «По мнѣнію Г. Цитовича, въ періодъ «Русской правды» господствующей формой отношеній къ имуществу, составляла принадлежность онаго не отдѣльному лицу, а цѣлой семьѣ». Условія возникновенія этого въ высшей степени любопытнаго института обычнаго права заключаются главнымъ образомъ въ простотѣ первобытнаго хозяйства, съ присущими этому хозяйству незначительностью имущественнаго оборота и отсутствіемъ кредита. Сохраненію же этой формы собственности не мало способствуетъ самый составъ семьи изъ лицъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ общаго всѣмъ родоначальника, стоящаго во главѣ хозяйства, что невольно предполагаетъ за каждымъ членомъ семьи право на участіе въ семейномъ имуществѣ.

Обращаясь къ позднѣйшимъ временамъ, нетрудно видѣть, что обычно-правовая жизнь и современнаго намъ крестьянства накопила массу фактовъ, подтверждающихъ, что семейная собственность и до сихъ поръ продолжаетъ сохра-

нять свое значеніе, какъ самостоятельный юридическій институтъ обычнаго права: покрайней мѣрѣ цѣлый рядъ рѣшеній волостныхъ судовъ вполнѣ подтверждаетъ это обстоятельство.

Вотъ, напримѣръ, сынъ жалуется на отца, что послѣдній хочетъ продать землю, пріобрѣтенную на деньги, заработанныя личнымъ трудомъ его просителя и *которыя подавались имъ въ семью.*

Волостной судъ, признавая землю, купленной на *общія семейныя* деньги, воспрещаетъ отцу продажу таковой. Но еще характернѣе тѣ дѣла, когда самъ отецъ подаетъ жалобу на сына, не выдѣляющаго ему *части* изъ *общаго семейнаго* имущества. Этого рода иски еще нагляднѣе доказываютъ, что по народнымъ юридическимъ воззрѣніямъ имущество семьи не составляетъ индивидуальной собственности отцевъ.

Изъ приведенныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ видно также, что, помимо другихъ уже перечисленныхъ условій, этотъ институтъ обычнаго права находитъ себѣ опору и въ трудовомъ началѣ, которымъ проникнуто все юридическое міросозерцаніе крестьянъ.

На самомъ дѣлѣ, все заработанное отдѣльнымъ членомъ крестьянской семьи поступаетъ въ ея общую собственность. Отсюда: - каждый отдѣльный членъ семьи не можетъ быть лишенъ, вообще, участія во владѣніи семейнымъ имуществомъ, какъ накопленнаго отчасти и его трудомъ. Отсюда, домохозяинъ, какъ глава семьи, скорѣе временный или пожизненный распорядитель этого общаго имущества, чѣмъ личный его собственникъ. Поэтому, если онъ начинаетъ плохо вести хозяйство, по старости, болѣзни или другой какой причинѣ, то на его мѣсто, по общему молчаливому соглашенію, становится другой, хотя и младшій членъ семьи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта замѣна домохозяина санкціонируется сельскимъ сходомъ, или даже является результатомъ его почина (188 ст. общ. полож.), но въ значительномъ большинствѣ случаевъ — это чисто семейное дѣло: «боль-

шакъ», сознавая свое безсиліе, передаетъ большину кому нибудь изъ младшихъ членовъ семьи.—«Постарался для васъ и будетъ, говоритъ старикъ, пусть поворочаетъ хозяйствомъ кто помоложе, а мое дѣло стариковское, въ пору на печкѣ лежать» и т. п.

Вышеприведенное разъясненіе Сената, такимъ образомъ, всецѣло согласуется не только съ обычно-правовыми взглядами крестьянъ, но и со всѣмъ строемъ крестьянской семьи, въ которой началу индивидуальной собственности по необходимости отводится самое скромное мѣсто.

Къ сожалѣнію въ самомъ непримѣримомъ противорѣчіи съ высказанными началами права домохозяина, какъ они опредѣляются 33-ей статьей полож. о крест. и 116 ст. полож. о выкупѣ, а именно: согласно первой изъ нихъ, каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать въ залогъ и т. п. Согласно второй—«подворные участки составляютъ *личную* собственность каждаго домохозяина и т. д. Здѣсь положительно нигдѣ не содержится ограниченія въ пользу начала общности семейной собственности, а напротивъ того власть домохозяина какъ бы всецѣло отождествляется съ властью индивидуальнаго собственника, въ пользу этого взгляда служитъ даже употребленный здѣсь терминъ «личной собственности».

Само собой разумѣется, что въ результатъ этихъ серьезныхъ противорѣчій получается весьма неудобный дуализмъ въ крестьянскомъ правѣ.

Дуализмъ, заключающійся въ томъ, что съ одной стороны домохозяинъ является временнымъ распорядителемъ надъ общимъ семейнымъ имуществомъ, съ другой онъ, оказывается, можетъ отчуждать, закладывать и вообще полноправно и неограниченно распоряжаться этимъ общимъ имуществомъ, не спрашивая вовсе согласія на то другихъ взрослыхъ членовъ семьи.

Любопытнѣе всего то, что каждое изъ этихъ непримиримыхъ между собой понятій о правахъ домохозяевъ, прак-

тика эксплуатировала въ отдѣльности до самыхъ крайнихъ его послѣдствій. Такъ напримѣръ, изъ того, что имущество крестьянскаго двора не составляетъ личной собственности одного старшаго домохозяина, а принадлежитъ всему крестьянскому семейству, Правительствующій Сенатъ неоднократно проводилъ въ своихъ рѣшеніяхъ тотъ взглядъ, что за долги и обязательства каждаго изъ членовъ крестьянской семьи отвѣчаетъ все имущество крестьянскаго двора въ полномъ его составѣ.

Отсюда: пьяница, бездѣльникъ получалъ возможность пустить по міру цѣлую крестьянскую семью, имѣвшую несчастіе считать его въ составѣ своихъ членовъ. Хроника каждаго селенія изобилуетъ возмутительными случаями такого рода.

Между тѣмъ, вышеприведенное разъясненіе Сената, приведшее къ столь печальнымъ послѣдствіямъ, основано на явномъ недоразумѣніи. На самомъ дѣлѣ, если самъ старшій домохозяинъ не можетъ претендовать на все имущество крестьянскаго двора, то тѣмъ менѣе, казалось бы, оно въ полномъ объемѣ своемъ можетъ быть признано собственностью одного изъ членовъ семьи, а потому и не можетъ неограниченно отвѣчать за его долги.

Но это мало, вникая глубже въ этотъ характерный институтъ обычнаго права не трудно замѣтить, что семейная собственность не всегда предполагаетъ даже и опредѣленной доли участія за каждымъ изъ членовъ семьи и особенно до тѣхъ поръ, пока живъ глава этой семьи. Дѣло въ томъ, что семейная собственность, какъ и многіе институты обычнаго права, отличается значительной гибкостью и способностью индивидуализироваться, согласно обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая.

Общей и присущей всѣмъ правовымъ явленіямъ разсматриваемаго рода, кажется, можетъ быть признана та черта, что право на участіе въ общемъ семейномъ имуществѣ сохраняется лишь при условіи не номинальной, а *фактической* принадлежности къ семьѣ. По крайней мѣрѣ, изъ практики волостныхъ судовъ можно усмотрѣть, что ушедшіе самовольно

отъ семьи лишаются иногда по распоряженію старшихъ домохозяевъ права на наслѣдованіе въ общемъ семейномъ имуществѣ. Согласно съ этимъ, не только самый выдѣлъ, но и размѣръ выдѣляемой части изъ семейнаго имущества во многихъ случаяхъ зависитъ отъ усмотрѣнія главы семейства; въ случаѣ же спора разрѣшается волостнымъ судомъ, принимающимъ во вниманіе всѣ индивидуальныя особенности, именно, даннаго случая. Въ томъ же порядкѣ разрѣшается и споръ объ уплатѣ долга, сдѣланнаго однимъ изъ членовъ семьи, причемъ волостной судъ всегда предварительно производитъ выдѣлъ изъ общаго имущества той части, которая подлежитъ отвѣту за долги, причемъ этой части въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ и вовсе не оказаться.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что вышеприведенное разъясненіе Сената игнорируетъ многія особенности этого юридическаго института.

Что касается того, какъ поняла судебная и нотаріальная практика права домохозяевъ по отчужденію общаго семейнаго имущества, то объ этомъ едвали стоитъ и говорить. Кому неизвѣстно, сколько крестьянскихъ семействъ пущено по міру пьянствовавшими домохозяевами, благодаря своеобразному пониманію крестьянскихъ законовъ, приравнивавшему имущественныя права домохозяевъ къ началамъ индивидуальной собственности. Даже самъ Правительствующій Сенатъ, какъ бы упустивъ изъ вида свое же опредѣленіе семейной собственности, безусловно недопускающее безконтрольнаго со стороны большака распоряженія, въ ущербъ всему семейству, въ извѣстно Циркулярномъ Указѣ своемъ отъ 20 іюня 1888 г., отказалъ сельскимъ сходамъ въ правѣ учрежденія опеки надъ расточителями изъ крестьянъ, добавивъ въ поясненіе, что и общіе законы, опредѣляющіе порядокъ назначенія опеки въ этихъ случаяхъ тоже не относятся къ крестьянамъ. Отсюда получилось уже вполнѣ безправное положеніе крестьянской семьи передъ расточителями домохозяевами. Какъ совмѣстить это полное безправіе съ началами общей семейной собственности?

Насколько необходимость ограниченія произвольныхъ и разорительныхъ для всей семьи дѣйствій со стороны старшихъ домохозяевъ, глубоко коренится въ нашемъ обычномъ правѣ можно видѣть изъ тѣхъ же рѣшеній волостныхъ судовъ, приведенныхъ, между прочимъ. въ трудахъ коммиссіи по преобразованіи послѣднихъ.

Весьма часто волостной судъ, а иногда даже и сельское общество, также значительно заинтересованное благосостояніемъ каждаго изъ своихъ членовъ, воспрещаютъ домохозяину продажу имущества, по причинѣ несовершеннолѣтія дѣтей, или ихъ отсутствія, препятствующаго имъ принять мѣры противъ растраты этого имущества и т. д.

Правда, что заботливость эта объ отсутствующихъ является немного странной при томъ условіи, что, согласно существующимъ законамъ, никакихъ мѣръ они и не могли бы принять противъ расточительности домохозяина, хотя бы и присутствовали. Во всякомъ скучаѣ, эти рѣшенія волостныхъ судовъ и сельскихъ сходовъ какъ нельзя нагляднѣе доказываютъ, что свободное примѣненіе обычно-правовыхъ взглядовъ, хотя до извѣстной степени могло бы служить поправкой къ несовершенству спеціальныхъ крестьянскихъ узаконеній. Къ сожалѣнію, при современной постановкѣ народнаго правосудія весьма мало простора свободному примѣненію обычнаго права въ волостномъ судѣ и потому и съ этой стороны не можетъ крестьянская семья разсчитывать на охрану своихъ правъ отъ расточительныхъ и произвольныхъ распоряженій большаковъ. А, слѣдовательно, тѣмъ настоятельнѣе необходимость согласованія крестьянскихъ законовъ съ дѣйствительнымъ народнымъ бытомъ, во избѣжаніе окончательнаго подрыва народнаго благосостоянія.

Между тѣмъ, этому наиболѣе жгучему деревенскому вопросу въ томъ перечнѣ «Земскаго Отдѣла», на который намъ приходилось уже ссылаться, посвященъ всего только одинъ вопросный пунктъ. Вопросъ о хозяйственныхъ правахъ домохозяевъ формулированъ такъ:

«Желательно ли ввести въ законъ, установленное уже

толкованіями его, правило о принадлежности подворнаго участка цѣлому двору? Если желательно, то возможно-ли предоставить какое-либо участіе членамъ двора въ распоряженіи подворно-наслѣдственными участками, безъ нарушенія авторитета главы семейства»?

Въ чемъ могло-бы выразиться это участіе и кому именно въ составѣ двора слѣдовало-бы его предоставить? Не представлялось ли болѣе цѣлесообразнымъ и послѣ установленія въ законѣ упомянутаго правила оставить неприкосновеннымъ право домохозяина на свободное распоряженіе семейнымъ участкомъ съ тѣмъ, однако, чтобы членамъ того же двора предоставлено было право выкупа отчуждаемаго домохозяиномъ участка»?

Кому именно надлежало-бы въ такомъ случаѣ предоставить это право, и какъ опредѣлить срокъ, условія и порядокъ примѣненія права выкупа»?

Неполнота и недостаточность намѣченныхъ земскимъ отдѣломъ постановленій слишкомъ очевидны даже изъ самого бѣглаго очерка крестьянской семейной неурядицы.

Будущее крестьянское законодательство не должно повторять ошибки составителей положенія 1861 года, признавшихъ семейную собственность и въ то же время не опредѣлившихъ ни ея юридической природы, ни ея отношенія къ индивидуальной собственности. Эта ошибка повлекла за собою, смѣшеніе совершенно разнородныхъ юридическихъ понятій, такъ вредно отразившееся на матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи крестьянства. Смѣшенію понятій соотвѣтствуетъ и крайняя путаница употребляемой крестьянскими законами терминологіи.

Такъ, напримѣръ, 110 ст. мѣстн. Велик. Полож., начавъ съ того, что усадебная земля находится въ потомственномъ *пользованіи*, проживающаго на ней крестьянскаго двора, кончаетъ тѣмъ, что передаетъ ее наслѣдникамъ. Тогда какъ, нетрудно видѣть, что, будучи общей семейной собственностью, крестьянская усадьба въ сущности не наслѣдуется, а пере-

ходитъ въ распоряженіе отъ одного главы семьи къ другому. Результатомъ этой путаницы,—семейная собственность, этотъ, по выраженію Оршанскаго, «основной догматъ крестьянскаго правового сознанія» лишился всякой юридической охраны со стороны судебной власти. Явное нерасположеніе общихъ судовъ къ примѣненію обычнаго права легко объясняется тѣмъ хаотическимъ состояніемъ крестьянскихъ законовъ, при которомъ мотивировка рѣшенія, основаннаго на обычаѣ не только крайне затруднительна, но, можетъ быть, даже и прямо невозможна для суда, незнакомаго съ крестьянскимъ бытомъ.

А между тѣмъ, начало семейной собственности такъ глубоко проникаетъ собою обычно-правовое сознаніе крестьянъ, такъ согласуется со всѣми ихъ хозяйственными нуждами, что игнорированіе этого начала вносило положительную смуту во всѣ правовыя отношенія крестьянства.

Возвращаясь къ вопросамъ земскаго отдѣла трудно предположить, чтобы первый изъ нихъ могъ вызвать какія либо разнорѣчія въ отвѣтахъ. Извѣстно, что владѣнныя записи выдавались до того небрежно, что сплошь и рядомъ оказались пропущенными неотдѣленные члены крестьянскаго двора, не смотря на ихъ несомнѣнное участіе въ подворно-наслѣдственномъ участкѣ, наравнѣ со старшими домохозяевами. Подобная же судьба постигла всѣхъ отсутствующихъ и малолѣтнихъ.

Начавшееся вслѣдствіе этого недосмотра массовое обезземеленіе этихъ забытыхъ владѣльцевъ, естественно вызвало значительное число совершенно справедливыхъ жалобъ и на эту сторону земельной неурядицы было, наконецъ, обращено вниманіе правительства.

Что четвертной участокъ не можетъ быть личной собственностью одного изъ членовъ семьи, *не есть только толкованіе закона.*

Это фактъ, вытекающій изъ юридической природы четвертнаго права на землю. Четвертной участокъ,—участокъ

родовой, и тутъ не можетъ быть различныхъ точекъ зрѣнія.

Возможныя же здѣсь колебанія и сомнѣнія должны быть устранены прямымъ закономъ. Старшій домохозяинъ не можетъ имѣть безконтрольнаго права на отчужденіе семейнаго участка и къ этому заключенію склонились почти всѣ Губернскія совѣщанія.

Но насколько необходимо оградить интересъ младшихъ членовъ крестьянскаго двора, настолько же невозможно предоставить имъ въ томъ же строго опредѣленномъ порядкѣ какое либо участіе въ распоряженіи земельными участками, «безъ нарушенія въ то же время авторитета главы семейства». «Семейный совѣтъ» не можетъ быть замѣненъ никакими предписаніями законовъ, какъ бы они ни были предусмотрительны. Такой законъ окончательно уничтожитъ и безъ того подорванную патріархальную власть домохозяина, превративъ крестьянскую семью въ какую то коммуну». *).

Тоже самое говоритъ и Полтавское Губерн. Совѣщаніе: «и безъ того новѣйшія теченія жизни значительно поколебали авторитетъ отцовской власти, а идти на встрѣчу этимъ теченіямъ съ законодательной помощью врядъ ли цѣлесообразно».

Вотъ почему невозможно согласиться съ Орловскимъ, Курскимъ и нѣкоторыми другими совѣщаніями, предложившими обусловить отчужденіе подворныхъ участковъ согласіемъ остальныхъ членовъ семьи, заявленнымъ волостному правленію и занесеннымъ въ особыя книги».

Не говоря уже о томъ, что это значило-бы внести растлѣвающее вліяніе волостнаго писаря въ самую «святую святыхъ» крестьянской жизни.

Вліяніе волостнаго правленія на крестьянскую семью надо избѣгать во что бы то ни стало, а что касается осо-

---

*) Нижегород. Совѣщ. т. III, стр. 349.

быхъ книгъ, то волостному правленію достаточно и тѣхъ, которыя оно ведетъ сейчасъ.

Въ основѣ имущественныхъ отношеній членовъ семьи, говоритъ Полтавское совѣщаніе по народному воззрѣнію, лежитъ трудовое начало. Каждый членъ семьи имѣетъ право на семейное имущество въ размѣрѣ своего труда въ пользу общаго хозяйства».

При нормальныхъ отношеніяхъ въ семьѣ это начало строго соблюдается; отступленіе отъ него не одобряется общественнымъ мнѣніемъ и считается безнравственнымъ явленіемъ. Было бы совершенно достаточнымъ воспользоваться такимъ настроеніемъ народной массы и вопросы о ненормальныхъ имущественныхъ отношеніяхъ въ семьяхъ передавать на разрѣшеніе сельскихъ сходовъ, облегчивъ порядокъ разрѣшенія вопросовъ о расточительности членовъ семьи и установленія опеки».

Наличностью согласія сельскаго схода, какъ на отчужденіе подворнаго участка, такъ и на отдачу его въ долгосрочную аренду вполнѣ гарантировались бы интересы младшихъ членовъ семьи отъ явно разорительныхъ дѣйствій со стороны старшихъ домохозяевъ. Но и послѣдніе въ свою очередь были бы гарантированы отъ неразумнаго упорства одного изъ членовъ семьи, которое могло бы оказаться препятствіемъ къ осуществленію видовъ старшаго домохозяина, могущихъ идти на пользу всей семьи, какъ, напримѣръ, уступка подворнаго участка своему обществу или безземельному односельцу, съ цѣлью пріобрѣтенія на сторонѣ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, даже при содѣйствіи крестьянскаго банка, и въ большемъ количествѣ земли на право полной собственности *).

Передача всѣхъ подобныхъ недоразумѣній на сельскій сходъ, какъ показалъ опытъ и труды коммиссіи по изслѣдованіи волостныхъ судовъ, согласовалась бы съ желаніемъ

---

*) Томъ III стр. 341.

самихъ крестьянъ; удовлетворяло бы интересы всѣхъ членовъ семьи, а главное не было бы тѣмъ оффиціальнымъ и слѣдовательно не всегда деликатнымъ прикосновеніемъ къ крестьянской семьѣ, которое проэктирують нѣкоторыя Губернскія совѣщанія.

Въ слѣдующей статьѣ будетъ указано на исконное значеніе сельской общины, какъ чисто судебной единицы. Въ настоящее же время достаточно сказать, что семейная и сельская община — суть звенья одной и той же цѣпи. Неполнота крестьянскихъ законовъ и недостаточно освѣдомленная практика, разрушивъ эту естественную связь между семьей и сельской общиной и той и другой нанесли самый рѣшительный ударъ. Если законодатель желаетъ дѣйствительно охранить авторитетъ главы крестьянскаго семейства, то онъ прежде всего долженъ начать съ подъема въ высшей степени уронешнаго авторитета сельской общины. Не удѣляя достаточно вниманія этой существенной сторонѣ вопроса, почти всѣ губернскія совѣщанія очень подробно распространились объ условіяхъ и порядкѣ выкупа подворныхъ участковъ.

А между тѣмъ, трудно представить себѣ о какомъ выкупѣ идетъ здѣсь рѣчь, когда старшій домохозяинъ является всегда распорядителемъ всѣхъ семейныхъ средствъ.

Если подразумѣвается уже раздѣлившаяся семья, то къ четвертной и вообще подворной землѣ, какъ родовой, несомнѣнно должны быть примѣнены общія начала нашего гражданскаго права, устанавливающія въ извѣстномъ порядкѣ право выкупа родовой земли. Во всякомъ случаѣ этого рода случаи настолько рѣдки, что едва ли есть основаніе усложнять крестьянскіе законы введеніемъ особыхъ сроковъ, условій и порядка выкупа четвертныхъ земель.

Крестьянинъ не привыкъ въ своихъ поступкахъ сообразоваться съ какими либо отвлеченными сужденіями. Практикъ до мозга костей, онъ на отчужденную часть своего подворнаго участка смотритъ, какъ на отрѣзанный ломоть. «Что съ возу упало, то пропало».

Поэтому, гораздо существеннѣе озаботиться обезпеченіемъ интересовъ всѣхъ членовъ родовой семьи, давъ законную охрану ихъ трудовымъ сбереженіямъ, вносимымъ въ общую нераздѣльную семью.

Злоупотребленія властью со стороны старшихъ домохозяевъ выражается не только въ произвольномъ отчужденіи семейскаго двороваго участка, но и въ незаконномъ пріобрѣтеніи на свое имя и въ личную свою собственность разнаго рода недвижимаго имущества на семейныя деньги. Совершеніе такихъ сдѣлокъ вошло, что называется, вплоть и кровь и обыкновенно въ самомъ началѣ никогда не возбуждаетъ подозрѣнія у другихъ членовъ семьи. Раздоры возникаютъ много лѣтъ спустя послѣ совершенія такого крѣпостнаго акта, причемъ обиженная большакомъ, или его наслѣдниками, семья не имѣетъ никакой возможности отстоять свои нарушенныя права. Мѣстные суды, хотя и могли бы разобраться на почвѣ справедливости, уклоняются отъ разбора этихъ дѣлъ, какъ неподсудныхъ, основанныхъ на крѣпостныхъ актахъ. Окружные же суды, отчасти по свей удаленности, отчасти по сложности ихъ судопроизводства, недоступны вовсе всѣмъ маленькимъ истцамъ. Если же и удастся крестьянину пробраться до окружнаго суда, то едва ли получитъ онъ отъ этого суда какое либо удовлетвореніе. Оспаривать крѣпостной актъ —дѣло мудреное, а доказать на чьи деньги онъ совершенъ еще труднѣе, да къ тому же еще и черезъ много лѣтъ послѣ его совершенія. Допустимъ даже, что истцамъ и удалось бы доказать, что отыскиваемая земля пріобрѣтена на общесемейныя средства. Но что же изъ этого, скажетъ окружный судъ. Это обстоятельство не даетъ еще право на землю и не можетъ опорочить крѣпостной актъ и въ слѣдъ за симъ, отказавъ въ искѣ, предоставитъ искать убытки. При условіи неотчуждаемости крестьяской земли за долги, такое право ни болѣе ни менѣе какъ «голое право», jus nudum, которое существуетъ для разоренія упрямыхъ или невѣжественныхъ истцовъ.

Таково, по истинѣ безправное положеніе всѣхъ членовъ

крестьянской семьи. Можно ли удивляться тому, что семейные раздѣлы годъ отъ году все учащаются? Надо скорѣе удивляться тому, какъ могутъ еще сохраняться большія семьи, какъ много еще наивной вѣры въ нашемъ крестьянинѣ, безбоязненно отдающемъ большаку на слово свои многолѣтнія трудовыя сбереженья. Видно, большія запасы этихъ добрыхъ качествъ у нашего простолюдина, если ихъ до сихъ поръ «не вытянули паровые насосы» нашей многолѣтней неурядицы.

Сельская община, какъ судья.

Съ древнѣйшихъ временъ русскій народъ считалъ лучшей формой самоуправленія и самосуда—общинное разбирательство при участіи всѣхъ членовъ общины. *)

Рѣшительный опытъ централизаціи сельскаго суда былъ сдѣланъ, какъ извѣстно, при графѣ Киселевѣ, въ лицѣ созданный имъ волостной расправы. Представляя собою искусственно придуманное для народа учрежденіе, волостныя расправы нерѣдко бездѣйствовали въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ.

Такъ, напримѣръ, въ архивахъ одного изъ волостныхъ правленій и до сихъ поръ хранятся слѣдующія замѣчанія ревезующаго **) «при обзорѣ *архива* Барановской волостной расправы ни *одного* дѣла въ ней не производилось. Или Барановской волости Государственные крестьяне особенно благочестивы и миролюбивы, или они считаютъ членовъ своей расправы такими ослами, что не стоитъ къ нимъ обращаться!

Что отсутствіе дѣлъ не было случайнымъ и не объясняется вовсе предположеніями г. ревизора, можно видѣть изъ дальнѣйшихъ отмѣтокъ въ той же книгѣ: «по волостной расправѣ нѣтъ ни одного дѣла и въ настоящемъ году. Высокая милость Государя Императора предоставила Государственнымъ крестьянамъ избирать изъ среды себя судей для того, чтобы они могли находить судъ и расправу, не ша-

---

*) Оршанскій изслѣдов. по русск. обычн. праву, стр. 12.

**) Барановской волости. расправы настольный реестръ 1852 года № 12, графа замѣчанія ревизующаго.

таясь по городамъ, а дома. Этимъ высокимъ правомъ Государст. крест. Барановской волости не пользуются. Поручаю г окружному обратить вниманіе на этотъ важный предметъ»...

Увы, г. окружному не удалось создать дѣлъ и въ слѣдующемъ году, какъ это видно изъ дѣвственно чистой графы «отмѣтка исполненія» въ той же книгѣ.

Дѣло въ томъ, что крестьяне и не думали «шататься» по городамъ, а кончали свои дѣла, именно, «дома,» «по Божьему» и «своимъ средствіемъ», не выходя изъ предѣловъ своей *сельской* расправы.

Со времени этихъ наивныхъ начальственныхъ огорченій прошло почти полвѣка. Въ настоящее время, начальство стало заботиться уже не о томъ, чтобы создавать дѣла, во чтобы то ни стало, а напротивъ того, какъ бы сократить чрезмѣрно развивающееся въ народѣ кляузничество.

Таковъ былъ, напримѣръ, весьма недвусмысленный характеръ статьи 31 врем. правилъ о волост. судѣ. въ первоначальной ея редакціи. Въ сущности, это все тоже преувеличенное недовѣріе къ народной нравственности, такъ какъ значительная часть крестьянскихъ споровъ и *сейчасъ* не выходитъ за предѣлы мірской расправы. Что сельская община какъ первичный органъ судебной власти, продолжала свое существованіе и послѣ освобожденія крестьянъ объ этомъ почти единогласно свидѣтельствуютъ труды коммисіи по преобразованіи волост. судовъ».

«Вездѣ членамъ коммисіи приходилось слышать, что всѣ дѣла у крестьянъ разбираются предварительно сельскимъ судомъ и только при несогласіи сторонъ подчиниться его рѣшенію переходятъ въ волостной судъ. Оказалось также, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, «волостной судъ *никогда* не собирается и никакихъ дѣлъ не разсматриваетъ.» То есть волостной судъ. въ этомъ случаѣ. существуя только на бумагѣ, испыталъ участь волостной расправы.

По заявленію, слышанному членами коммисіи въ одной волости, «когда дѣло извѣстно всему міру, на что доказатель-

ства?» «Міръ тогда и самъ вступится за праваго» *). По глубокому же и повсемѣстному убѣжденію крестьянъ, «мірскія дѣла нельзя рѣшать на свидѣтеляхъ, въ свидѣтели и дуракъ годится, а въ міру всякихъ людей довольно». Что общепринятые пріемы представленія судебныхъ доказательствъ не всегда приложимы къ мірскимъ дѣламъ можно видѣть изъ того, что существо спора, возникшаго между общиной и ея членомъ, обыкновенно недоступно никому изъ постороннихъ, вслѣдствіе чего обѣ стороны принуждены ссылаться на свидѣтельство своихъ однообщественниковъ. Понятно, что рѣшенія судовъ по этой причинѣ нерѣдко кассируются и дѣла затягиваются на много лѣтъ, не смотря на свой весьма серьезный и нетерпящій никакого отлагательства характеръ. На самомъ дѣлѣ, если послѣдствіемъ спора, «скотина должна погибнуть съ голоду» **), то понятно, что даже до нельзя упрощенный волостной судъ, но съ его вызовами, срочностью засѣданій и обжалованій все таки можетъ оказатся слишкомъ формальнымъ и отдаленнымъ для населенія. Вотъ почему міръ, стѣсненный въ своихъ распоряженіяхъ, нерѣдко прибѣгаетъ къ своему традиціонному, но лишенному законной санкціи, суду, вслѣдствіе чего общинное разбирательство принимаетъ вовсе нежелательную форму какого то самоуправства.

Положительно непонятно, почему осторожные и чуткіе вообще къ потребностямъ народной жизни составители «положенія 1861 года» вовсе не обратили вниманія на судебныя функціи сельскихъ сходовъ, не смотря на ихъ тѣснѣйшую связь съ общинной организаціей крестьянъ. Слѣдствіемъ чего, неправильный взглядъ на сельскій сходъ, какъ органъ общины, исключительно административно-хозяйственный, былъ проведенъ съ неуклонной послѣдовательностью даже по отношенію къ семейнымъ раздѣламъ, всегда подлежавшимъ суду сосѣдей стариковъ. Право совершенія се-

*) Т. IV стр. 112 тр. ком. преобр. в. судовъ.

**) См. статья «Сельская община-какъ хозяинъ».

мейныхъ раздѣловъ было предоставлено сельскимъ сходамъ гораздо позднѣе, закономъ 18 марта 1886 года, который въ этой своей *части* явился несравненно болѣе согласованнымъ съ обычными воззрѣніями крестьянъ, чѣмъ 5 п. 51 с. Общ. Полож. въ его первоначальной редакціи. Но именно, въ этой части своей вышеприведенный законъ и не встрѣтилъ затрудненій по примѣненіи его на практикѣ, что видно изъ единогласнаго свидѣтельства губернскихъ совѣщаній *).

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что игнорированіе исконнаго значенія сельской общины, какъ органа судебной власти, оказало самое разлагающее вліяніе на общинный бытъ русскаго крестьянства.

Пусть, современныя требованія государственности несовмѣстимы съ самосудомъ сельской общины, пусть таковой по необходимости долженъ быть постепенно ограничиваемъ и за всѣмъ тѣмъ всѣ чисто *семейныя* дѣла крестьянъ и до сихъ поръ должны подлежать вѣдѣнію общиннаго разбирательства. Только такимъ путемъ, возможно будетъ хотя до нѣкоторой степени предохранить отъ окончательнаго и самаго быстраго уничтоженія всѣ тѣ формы народной жизни, которыя развивались рука объ руку съ общиннымъ бытомъ русскаго народа. Никакая регламентація не предохранитъ отъ разложенія патріархальную семью, не обезпечитъ авторитета старшаго домохозяина такъ вѣрно, какъ примиряющій голосъ мірскихъ рѣшеній. Наши оффиціальныя симпатіи и до сихъ поръ на сторонѣ самобытныхъ формъ народной жизни, это легко видѣть и изъ перечня вопросовъ земскаго отдѣла; вотъ почему весьма своевременно указать на крупный пробѣлъ, въ тѣхъ же вопросахъ, невольно вызывающій опасенія, что будущее крестьянское законодательство готово повторить ошибку «Общаго Положенія о крестьянахъ.

---

*) См. т. II сводъ заключ. губ. совѣщ. стр. 197 265.

Крестьянскія опеки.

Опекунское дѣло у крестьянъ, какъ, впрочемъ, и другихъ сословій, находится въ неудовлетворительномъ состояніи». По отзывамъ большинства губернскихъ совѣщаній, опеки надъ малолѣтними либо не учреждаются вовсе, либо, если и учреждаются, то исключительно для выполненія одной формальности, какъ говорятъ крестьяне «для отвода глазъ начальству». По словамъ Рязанскаго губернскаго совѣщанія, «сельское общество, пользуясь свободой дѣйствій, или совсѣмъ не учреждаетъ опеки, оставляя малолѣтнихъ и имущество на произволъ судьбы, или же учреждая опеку лишь для формы и назначая опекунами нежелательныхъ лицъ, само относится къ дѣлу совершенно безучастно». Поэтому, учеты опекунамъ либо не производятся вовсе, либо, если и производятся, то крайне небрежно, «спустя рукова» и не влекутъ за собой никакихъ практическихъ послѣдствій; начтенныя на опекуновъ суммы съ нихъ никогда не взыскиваются, а сами недобросовѣстные опекуны и послѣ начетовъ нерѣдко продолжаютъ свои обязанности по «опеканіи» сиротъ.

Вообще, равнодушное отношеніе сельскихъ сходовъ къ своимъ опекунскимъ обязанностямъ вызываетъ жалобы со стороны подавляющаго большинства губернскихъ совѣщаній. Такъ напримѣръ, по словамъ Бессарабскаго совѣщанія «сельскій сходъ совершенно незаинтересованъ въ опекунскихъ дѣлахъ, чрезвычайно неохотно собирается для учрежденія опекъ и учета опекуновъ, легко относится къ этой серьезной обязанности и всегда спѣшитъ окончить такое скучное

дѣло и т. д. О небрежномъ отношеніи сельскихъ сходовъ говоритъ и Екатеринославское совѣщаніе, обвиняя таковыя не только въ непониманіи но и въ умышленно равнодушномъ отношеніи къ важнымъ обязанностямъ завѣдыванія опекунскими дѣлами. И, наконецъ, по рѣшительному утвержденію Псковскаго совѣщанія, «до настоящаго времени у крестьянъ опеки въ собственномъ смыслѣ не существовало и они и теперь еще не уясняютъ себѣ вполнѣ ея значенія» *)

Резюмируя отзывы губ. совѣщаній, нетрудно видѣть, что печальное положеніе крестьянскихъ опекъ находитъ себѣ опору въ слѣдующихъ трехъ причинахъ: 1) неполнотѣ и несовершенствѣ относящихся сюда законовъ 2) недостаточности надзора и 3) полнѣйшей апатіи сельскихъ сходовъ къ судьбѣ своихъ сиротъ.

Главнѣйшія недостатки существующихъ постановленій объ опекахъ надъ малолѣтними у крестьянъ, по мнѣнію тѣхъ же совѣщаній, заключаются: 1) въ томъ, что въ законѣ не опредѣлена отвѣтственность для сельскихъ сходовъ за неправильное распоряженіе имуществомъ опекаемыхъ: 2) въ томъ, что назначаемые сельскими сходами опеки надъ сиротами, проживающими внѣ селеній и надъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, находящимся внѣ предѣловъ сельскихъ обществъ, являются совершенно фиктивными, такъ какъ въ такихъ случаяхъ опекуны не имѣютъ никакихъ способовъ къ надзору за малолѣтними и принадлежащимъ имъ внѣ предѣловъ общества имуществомъ; 3) въ затруднительности порядка, установленнаго для продажи имуществъ (продуктовъ земли и скота) малолѣтнихъ на уплату казенныхъ и мірскихъ повинностей (примѣч. къ 4 п. ст. 51 О. П.) и, наконецъ, 4) въ отсутствіи всякой регламентаціи опекунскаго дѣла, какъ то: нѣтъ указанія на возрастъ сироты, освобождающій отъ опеки, не сказано, подлежатъ ли на-

*) Томъ II стр. 336.

значенію опеки только круглыя сироты или также и тѣ, у которыхъ имѣются матери-вдовы и т. п.

Губернскія совѣщанія очевидно преувеличиваютъ то значеніе, которое могло бы имѣть на постановку опекунскаго дѣла опредѣленіе въ законѣ отвѣтственности сельскихъ сходовъ. Отвѣтственность сельскаго схода и въ настоящее время слишкомъ ясно вытекаетъ изъ возложенной на него закономъ обязанности надзора за опеками и потому, надо полагать, что ни одинъ судъ не затруднится возложить на сельское общество возмѣщеніе убытковъ, происшедшихъ по винѣ послѣдняго.

Съ другой стороны, нѣкоторыми совѣщаніями совершенно справедливо указано на тѣсную связь дѣла опеки съ дѣломъ общественнаго призрѣнія: «опекунскимъ учрежденіямъ въ крестьянской средѣ приходится гораздо болѣе заботиться о призрѣніи сиротъ, чѣмъ объ охранѣ принадлежащаго имъ имущества, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, весьма малоцѣннаго». *)

При существующемъ экономическомъ разстройствѣ сельскихъ обывателей нельзя усумниться въ справедливости только что приведеннаго указанія, подтверждаемаго и слѣдующими словами Курскаго совѣщанія «въ общемъ, крестьянинъ живетъ вовсе не доходомъ съ своего имущества, хотя бы средняго въ крестьянскомъ обиходѣ, а своей работой, приложенной къ этому послѣднему, а потому, зачастую смерть работника влечетъ за собою *голодное прозябаніе семьи*»... **)

Слѣдовательно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ опека со стороны общества должна выразиться въ формѣ *помощи*, и прежде всего, въ принятіи на себя уплаты всѣхъ денежныхъ сборовъ, слѣдуемыхъ съ сиротъ, безъ отобранія отъ нихъ надѣловъ . Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ всякая мысль о строгости законовъ должна быть отодвинута на задній планъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ

---

*) Воронеж. совѣщ., стр. 298.

**) Тамъ же, стр. 314.

поръ, пока не будетъ доказано благодѣтельное вліяніе карательныхъ законовъ на развитіе альтруистическихъ чувствъ.

Болѣе серьезнымъ представляется указаніе тѣхъ же совѣщаній на полную необезпеченность нѣкоторыхъ крестьянскихъ опекъ, поставленныхъ въ особыя условія по мѣсту нахожденія сиротъ или ихъ имущества.

Та крайне узкая точка зрѣнія на крестьянина, какъ лицо какъ бы вѣчно прикрѣпленное къ своему обществу и отведенному ему надѣлу, весьма естественная у составителей положенія 19 февраля» явно устарѣла въ настоящее время, вмѣстѣ съ желѣзными дорогами и развившимся гражданскимъ оборотомъ. Поэтому масса случаевъ не нормируется вовсе «общ. положеніемъ о крестьянахъ». Вслѣдствіе этого, правительствующій Сенатъ принужденъ былъ разъяснить, что назначеніе опекуна къ имуществу малолѣтнихъ крестьянъ, хотя бы это имущество находилось внѣ предѣловъ сельскаго общества и даже въ другой губерніи, зависитъ отъ сельскаго схода того общества, къ которому малолѣтніе принадлежатъ. Къ сожалѣнію, разъясненіе это не сопровождалось установленіемъ обязанности сельскихъ должностныхъ лицъ того общества, въ которомъ осталось наслѣдственное имущество и малолѣтнія сироты, принимать мѣры къ охранѣ имущества и извѣщать подлежащее общество о назначеніи опеки.

Иначе говоря, разъясненіе это, подтвердивъ лишь явно устарѣлое воззрѣніе закона, не указало въ то же время никакихъ способовъ къ огражденію интересовъ малолѣтнихъ. Отсюда на практикѣ возникаетъ масса недоразумѣній и даже пререканій между различными должностными лицами о порядкѣ назначенія крестьянскихъ опекъ къ явному ущербу для сиротъ и ихъ имущества.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опеки вовсе не назначаются по незнанію сельскимъ обществомъ о смерти своего отсутствующаго члена, а слѣдовательно и о существованіи сиротъ. Иногда вопросъ о назначеніи опеки всплываетъ совершенно случайно и черезъ значительный промежутокъ времени,

причемъ сельское общество всегда бываетъ поставлено въ крайне затруднительное положеніе по назначенію опекъ заглазно.

А между тѣмъ, какъ легко было бы устранить это неудобство слѣдующимъ коротенькимъ постановленіемъ: «назначеніе опекуновъ къ личности сиротъ должно лежать на обязанности тѣхъ сельскихъ обществъ, среди которыхъ сироты проживаютъ, а назначеніе опекъ къ имуществу по мѣсту нахожденія таковаго».

«Подтвержденіе необходимости подобной мѣры Минское совѣщаніе совершенно справедливо усматриваетъ въ примѣч. 2 къ ст. 78 общ. полож. по прод. 1893 г., коимъ установленъ порядокъ назначенія опекуновъ сиротскими судами надъ сиротами и имуществомъ умершихъ крестьянъ, имѣющихъ по мѣсту своего жительства недвижимую собственность въ городахъ».

Нельзя однако согласиться съ почтеннымъ совѣщаніемъ о настоятельной, будто бы, необходимости обязательнаго причисленія крестьянъ по мѣсту пріобрѣтенія ими недвижимости. Обязательное причисленіе явилось бы не только нарушеніемъ правъ сельской общины, какъ естественнаго и тѣсно сплоченнаго союза людей, но могло бы представить собою и прямую несправедливость, въ виду возложенія на общество-призрѣнія пришлыхъ сиротъ и соединенныхъ съ этой тяжелой обязанностью расходовъ. Гораздо справедливѣе призрѣніе круглыхъ сиротъ людей пришлыхъ и чужихъ мѣстнымъ обществамъ отнести на средства общегосударственныя или по меньшей мѣрѣ къ обязанности мѣстныхъ земствъ, приходскихъ попечительствъ и т. п. Подробное развитіе этого вопроса здѣсь неумѣстно.

Обращаясь къ возбужденному нѣкоторыми совѣщаніями вопросу о недостаточной регламентаціи опекунскаго дѣла, нельзя не замѣтить прежде всего, что совѣщанія уклонились вовсе отъ обсужденія причинъ, побудившихъ составителей 1861 года къ допущенію указаннаго пробѣла въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ.

Между тѣмъ, отсутствіе регламентаціи опекунскаго дѣла у крестьянъ явилось вовсе не случайнымъ упущеніемъ, а слѣдствіемъ сознательной воли законодателя.

Достаточно указать на примѣч. къ ст. 21 О. П., предоставившее крестьянамъ въ назначеніи опекуновъ и попечителей; въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во «*всѣхъ сего рода дѣлахъ*» руководствоваться мѣстными своими обычаями.

Но само собою разумѣется, что утверждая господство обычая, законодатель тѣмъ самымъ исключилъ всякое предположеніе о какой либо регламентаціи опекунскаго дѣла у крестьянъ. Поэтому, находя такой порядокъ неудобнымъ, слѣдовало, прежде всего доказать если не вредъ, то по крайней мѣрѣ безполезность мѣстныхъ обычаевъ въ примѣненіи къ крестьянскимъ опекамъ. Такихъ доказательствъ не даетъ намъ ни одно изъ Губернскихъ совѣщаній, въ чемъ нельзя не видѣть явнаго нарушенія самаго естественнаго и даже единственно возможнаго въ данномъ случаѣ порядка аргументаціи.

Надо полагать, что такими доказательствами не располагаетъ ни одно изъ совѣщаній, вооружившихся, хотя и косвенно, противъ примѣненія мѣстныхъ обычаевъ, но за то неудобства регламентаціи, несогласованной съ обычаями и потребностями крестьянской жизни, уже были испытаны на практикѣ, о чемъ и будетъ сказано ниже. Нетрудно видѣть что существенный недостатокъ дѣйствующихъ постановленій закона объ опекахъ у крестьянъ заключается не въ отсутствіи достаточно подробной регламентаціи, а въ неопредѣленіи того въ какой мѣрѣ могутъ быть примѣняемы обычаи, гдѣ начинается примѣненіе писанныхъ законовъ и кончается сфера обычнаго права.

Такъ, напримѣръ, казуистическая форма изложенія ст. 21 О. П. «и во всѣхъ сего рода дѣлахъ», на практикѣ возбуждаетъ слѣдующее недоразумѣніе: зависитъ ли самое назначеніе или неназначеніе опекуна отъ мѣстныхъ обычаевъ или обязанность установленія опеки существуетъ для крестьянъ въ томъ же видѣ, какъ и для лицъ другихъ состоя-

ній, а обычаемъ опредѣляется только порядокъ назначенія опеки. Къ послѣднему взгляду, какъ извѣстно, склонился Гражд. Кас. Деп. Сената въ одномъ изъ своихъ рѣшеній (к. р. 1872 г. № 210)

«Практическія послѣдствія этого взгляда, говоритъ Оршанскій, заключаются въ томъ, что юридическія дѣйствія малолѣтняго крестьянина, совершенныя безъ участія опеки, недѣйствительны, что онъ не можетъ защищать свои интересы на судѣ и пр. Между тѣмъ, въ дѣйствительности опека у крестьянъ учреждается рѣдко и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ гражданскій законъ считаетъ необходимымъ учрежденіе опеки, она по понятіямъ крестьянъ невозможна *).

Нельзя не согласиться поэтому съ почтеннымъ авторомъ, что «трудно найдти объясненіе тому, чтобы законъ ввелъ искусственное, по мысли невѣрное и по исполненію затруднительное, раздѣленіе опекунскаго права на двѣ части; одна регулируемая и у крестьянъ общими законами, а другая предоставленная обычному праву» **).

Неудачная редакція ст. 21 О. П. и обособленность Положенія о Земск. нач. привело къ тому, что назначеніе опекъ ко *всѣмъ* малолѣтнимъ сиротамъ, по настоянію нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ, начало вводиться съ неуклонной строгостью, вопреки обычно-патріархальному строю нераздѣльной крестьянской семьи, въ которой старшій домохозяинъ представляетъ собою естественнаго опекуна не только надъ малолѣтними, но и взрослыми членами семьи.

Расплодивъ опеки чуть-ли не во всякомъ больше-семейномъ дворѣ и стѣснивъ отчетностью чуть ли не всякаго домохозяина, эти неопытные земскіе начальники, не замѣчая того, дали усиленный толчекъ къ семейнымъ раздѣламъ и выдѣламъ малолѣтнихъ, съ цѣлью избавиться отъ тягостной и докучливой опеки. Между тѣмъ, безплодность этихъ опекъ можно видѣть уже изъ того, что при обыкновенныхъ усло-

---

*) Оршанскій изслѣд. по рус. праву стр. 7—8.

**) Тамъ же.

віяхъ, весь достатокъ крестьянскаго двора опредѣляется рабочей способностью наличныхъ членовъ семьи и необходимыми орудіями труда, въ свободномъ распоряженіи которыми стѣснять домохозяина едва ли основательно.

По совершенно справедливому замѣчанію Пермскаго губ. Совѣщанія, «самое хозяйство крестьянъ находится въ такихъ условіяхъ, что цѣнность и производительность имущества, составляя общую принадлежность двора, зависитъ почти исключительно отъ личнаго труда и отдѣленное отъ него имущество весьма часто утрачиваетъ свою цѣнность» *). При среднемъ достаткѣ крестьянскаго двора малѣйшая случайность безжалостно нарушаетъ иногда разсчеты самого дальновиднаго хозяина и вынуждаетъ его къ спѣшной продажѣ чего либо изъ хозяйства.

— «Нужда пристигла продать овченку», говоритъ крестьянинъ и это далеко не фраза. Но вотъ тутъ то и начинаютъ сказываться всѣ тягости докучливой опеки. Завязывается сложнѣйшая переписка о какомъ нибудь ничтожномъ поросенкѣ, причемъ «дѣло» подъ громкимъ именемъ отчужденія сиротской движимости восходитъ до губернскаго присутствія. Переписка объ этой движимости, «ни скорому тлѣнію, ни другимъ тратамъ не подверженной», длится нерѣдко по нѣсколько мѣсяцевъ и если разрѣшается въ благопріятномъ смыслѣ, то обыкновенно слишкомъ поздно, такъ какъ нужда не ждетъ. Немудрено, что опекуны за разрѣшеніемъ продажъ предпочитаютъ ни къ кому не обращаться и «часто продаютъ скотъ самовольно и лишь при учетѣ даютъ отчетъ въ расходованіи денегъ, вырученныхъ отъ продажи движимости» **).

Кстати сказать, чѣмъ добросовѣстнѣе относится къ своимъ обязанностямъ губернское присутствіе, тѣмъ продолжительнѣе и тягостнѣе переписка возбуждаемая продажей сиротскаго имущества. Имѣя въ своемъ распоряженіи лишь одинъ

*) Т. II стр. 331.

**) Виленск. совѣщ. стр. 288.

бумажный матеріалъ, губернское присутствіе за разрѣшеніемъ всякаго возникшаго у него недоразумѣнія поневолѣ вынуждено обращаться за разъясненіями къ земскому начальнику, какъ очевидцу. Между тѣмъ, это должностное лицо, не говоря уже о всегда возможныхъ упущеніяхъ въ перепискѣ, никогда не можетъ знать впередъ на какую, именно, сторону данной опеки будетъ обращено особое вниманіе губернскаго начальства. Это обстоятельство дѣлаетъ собираніе дополнительныхъ справокъ почти неизбѣжнымъ. Не удобнѣе ли было бы поэтому расширить компетенцію мѣстныхъ учрежденій и перенести обязанности губернскаго присутствія на уѣздный съѣздъ, гдѣ земскій начальникъ всегда имѣетъ возможность дать лично разъясненіе, по возбуждаемому перепиской недоразумѣнію. А если уже нужно почему либо сохранить этотъ порядокъ заглазныхъ разрѣшеній, то не удобнѣе ли бы было бы дополнить его правомъ условныхъ разрѣшеній, напримѣръ, въ слѣдующей формѣ: буде такое то обстоятельство соблюдено, то продажу разрѣшить. Несомнѣнно, что порядокъ условныхъ разрѣшеній значительно бы сократилъ и упростилъ до невѣроятности сложную въ настоящее время процедуру канцелярскихъ переписокъ.

Та подробная регламентація опекунскаго дѣла, которую предлагаютъ нѣкоторыя совѣщанія, въ дѣйствительности явится безплодной тягостью для значительнаго большинства крестьянскихъ семей. Она вовсе не нужна въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится «заботиться о призрѣніи сиротъ» и крайне стѣснительна въ другихъ для естественныхъ правъ старшаго домохозяина. Поэтому то неопредѣленность общаго положенія о крестьянахъ, открывая широкій просторъ для организаціи опекунскаго дѣла, сообразно особенностямъ каждаго крестьянскаго хозяйства, является однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ этого законодательнаго акта. Посвятивъ слишкомъ много вниманія мнимымъ недостаткамъ крестьянскихъ узаконеній, совѣщанія почему-то вовсе не коснулись дѣйствительныхъ недостатковъ Положенія о земск. начальникахъ.

Такъ, напримѣръ, согласно 38 ст. «земскому начальнику принадлежитъ разрѣшеніе жалобъ, приносимыхъ на дѣйствія опекуновъ».

Но каковы же практическія послѣдствія этого разрѣшенія, вотъ вопросъ, на практикѣ, остающійся открытымъ и до сихъ поръ.

Приравниваются-ли въ этомъ случаѣ постановленія земскаго начальника къ его судебнымъ рѣшеніямъ или же за этими постановленіями можетъ быть признана сила обезпеченнаго на судѣ доказательства?

Нѣкоторые земскіе начальники, по разрѣшеніи жалобъ, самостоятельно взыскиваютъ съ неисправныхъ опекуновъ, другіе прибѣгаютъ къ помощи волостныхъ судовъ и на себя берутъ роль разъясняющаго споръ посредника.

Трудно судить о томъ, какая практика согласнѣе съ закономъ, но несомнѣнно, что разнообразіе пріемовъ здѣсь неумѣстно.

Не говоря уже о весьма возможныхъ на практикѣ столкновеніяхъ между судебными рѣшеніями и административными распоряженіями уѣздныхъ съѣздовъ. Весьма неопредѣленна также и роль уѣзднаго съѣзда съ его правомъ отмѣны постановленія земскаго начальника: такъ какъ законъ не даетъ вовсе отвѣта на тотъ случай, когда жалоба подлежитъ удовлетворенію только отчасти, когда постановленіе земскаго начальника должно быть видоизмѣнено. Практика и здѣсь должна выработать самые разнообразные, а можетъ быть и вовсе нежелательные для законодателя пріемы.

Слѣдовательно, не объ отсутствіи достаточнаго надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ надо было говорить губернскимъ совѣщаніямъ, а о неполнотѣ и неопредѣленности Положенія о земскихъ нач.

Въ дѣйствительности же надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ въ настоящее время болѣе чѣмъ достаточенъ, какъ это можно видѣть изъ отзывовъ тѣхъ же совѣщаній.

Такъ напримѣръ, по словамъ симбирскаго совѣщанія, «изъ свѣдѣній, доставленныхъ земскими начальниками, видно,

что всего въ губерніи учреждено надъ малолѣтними крестьянами 3052 опеки» *). Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что «сказанная цифра сама по себѣ не можетъ не свидѣтельствовать, что опекунское дѣло не оставлено безъ надзора, а малолѣтніе сироты безъ попечительства» **). Если же сравнить эту внушительную цифру съ заключеніемъ саратовскаго совѣщанія, что «опека надъ сиротами, как *необходимый* институтъ гражданской жизни до сихъ поръ не вошелъ еще въ сознаніе народа» ***), то станетъ слишкомъ ясно, что «сказанная цифра» свидѣтельствуетъ также о выдающемся усердіи земскихъ начальниковъ и есть ничто иное, какъ плодъ надзора новыхъ учрежденій. О могущественномъ вліяніи земскихъ начальниковъ говоритъ и Рязанское совѣщаніе, которое нашло, что если существующій законъ о крестьянскихъ опекахъ въ послѣднее время сталъ проявлять свою жизнь, то лишь благодаря заботамъ земскихъ начальниковъ» ****).

И наконецъ, по заключеніи Новгородскаго совѣщанія «въ узаконеніяхъ объ опекахъ существенныхъ недостатковъ не замѣчается, но необходимо внимательное наблюденіе со стороны земскихъ начальниковъ» а такъ какъ внимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ есть прямой долгъ каждаго должностнаго лица, то о недостаточности надзора не можетъ быть и рѣчи.

Нельзя отрицать необходимость контроля за опекунскимъ дѣломъ; еще менѣе основаній къ отрицанію полезныхъ трудовъ земскихъ начальниковъ, направленныхъ къ охранѣ сиротскихъ интересовъ. И за всѣмъ тѣмъ невозможно обосновать и построить цѣлую отрасль крестьянскаго самоуправленія на одномъ внимательномъ наблюденіи со стороны должностныхъ лицъ.

---

*) Т. II, стр. 319.

**) Тамъ же.

***) Т. II, стр. 346.

****) Т. II, стр. 340.

Никакой надзоръ не замѣнитъ живаго отношенія сельскихъ сходовъ къ своимъ сиротамъ и самая горячая заботливость земскихъ начальниковъ можетъ разбиться о тупое равнодушіе сельскаго самоуправленія.

Въ данномъ случаѣ, авторъ настоящей книги можетъ сослаться на свой личный опытъ, когда онъ по должности земскаго начальника потребовалъ провѣрки не только той части опеки, которая относится къ имуществу сиротъ, но и той, которая предусматриваетъ попеченіе надъ личностью, то однимъ сельскимъ обществомъ былъ постановленъ слѣдующій приговоръ:

Обувь и одежду сироты имѣютъ среднюю, въ школу сироты не ходятъ, обращенія съ сиротами со стороны опекуна нѣтъ и т. п.».

Очевидно, что общество, озадаченное новымъ для него требованіемъ, не нашло ничего лучшаго, какъ объяснить, что у опекуна съ сиротами нѣтъ вовсе обращенія.

Какой горькой ироніей звучитъ эта фраза для тѣхъ безпризорныхъ и безъизвѣстно отсутствующихъ сиротъ, съ которыми дѣйствительно не было никакого обращенія со стороны ихъ опекуновъ.

Такихъ безъизвѣстно отсутствующихъ сиротъ къ началу реформы земскихъ начальниковъ можно было встрѣтить по каждой волости. Опекуны, отправляясь на заработки, нерѣдко забирали съ собой и опекаемыхъ сиротъ и тамъ, гдѣнибудь на чужбинѣ, иногда за тысячи верстъ отъ родины, опредѣливъ сироту къ хозяину и даже получивъ за него плату впередъ, бросали на произволъ судьбы, оставивъ безъ всякаго призора. Едва-ли возможно идти дальше по пути забвенія своихъ обязанностей.

Еще характернѣе слѣдующій учетный приговоръ:

Сирота живетъ при опекуньшѣ, обувь и одежду имѣетъ хорошую, опекуньша при учетѣ не находилась, а проживаетъ неизвѣстно гдѣ»... и т. д. Положительно непостижимо, какимъ путемъ опредѣлили учетчики одежду безъизвѣстно отсутствующаго сироты, но еще непостижимѣе, какъ цѣлый

сельскій сходъ оставилъ безъ вниманія поистинѣ престидижитаторскій фокусъ своихъ учетчиковъ и равнодушно утвердилъ учетный актъ. Немудрено, что, въ виду вышеприведенныхъ фактовъ, нѣкоторымъ земскимъ начальникамъ не оставалось другого выхода, какъ производить репетиціи учетовъ на мѣстахъ. Легко понять однако, что такая напряженная дѣятельность положительно непосильна должностному лицу, обремененному массой самыхъ разносторонних обязанностей. Какъ бы сознавая это обстоятельство, нѣкоторыя совѣщанія предлагаютъ цѣлый рядъ мѣръ къ упорядоченію опекунскаго дѣла, направленныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ облегченію труда земскихъ начальниковъ по надзору за опеками. Съ этой цѣлью предполагается создать между опекой и земскимъ начальникомъ нѣсколько посредствующихъ инстанцій, изъ которыхъ каждая дѣйствовала бы въ строго опредѣленномъ порядкѣ, а именно: «особо избранные отъ общества учетчики, совмѣстно съ сельскимъ старостой обязаны производить учеты опекунамъ, оформивъ ихъ протоколомъ или актомъ, который вмѣстѣ съ оправдательными документами и деньгами, оставшимися на рукахъ опекуна, передаютъ волостному старшинѣ; старшина, провѣривъ на мѣстѣ учеты, представляетъ все производство, вмѣстѣ съ подлежащимъ опекунскимъ дѣломъ, земскому начальнику; послѣдній разсмотрѣвъ учеты по существу» *) и т. п.

Сущность этого предложенія заключается въ томъ, чтобы фактическій надзоръ за опеками на мѣстѣ возложить на волостного старшину, земскому же начальнику предоставить только бумажную и чисто кабинетную работу по повѣркѣ опекунскихъ производствъ. Въ основѣ же этого предложенія, какъ это нетрудно видѣть, лежитъ чрезмѣрное и вовсе незаслуженное уваженіе къ той бумагѣ, которую представятъ собою всѣ эти «акты», «протоколы» и «производства», написанные равнодушнымъ и малограмотнымъ начальствомъ.

---

*) Т. II, стр. 312.

На самомъ же дѣлѣ, сомнительныя качества этой бумаги сдѣлають трудъ земскаго начальника тягостно скучнымъ и завѣдомо безплоднымъ, но еще тягостнѣе представится онъ волостному старшинѣ, прекрасно сознающему, что въ примѣненіи къ громадному большинству крестьянскихъ опекъ нѣтъ никакой надобности въ протоколахъ, а оправдательныхъ документовъ и вовсе не можетъ быть.

Но еще менѣе основаній разсчитывать на какое либо вліяніе наставительныхъ постановленій вродѣ того, что «опекунъ долженъ заступать мѣсто родителей» и т. п.

Совершенно аналогичное этому постановленіе существуетъ, какъ извѣстно, въ X т. I ч. и нисколько не препятствуетъ варварскому обращенію крестьянъ съ своими женами.

Не менѣе сомнительна также и польза, ожидаемая отъ того, то земскій начальникъ будетъ ежегодно представлять въ административное отдѣленіе уѣзднаго съѣзда отчетъ о состояніи во ввѣренномъ ему участкѣ опекунскаго дѣла».

При существующей постановкѣ занятій уѣздаго съѣзда, послѣдній нерѣдко не въ состояніи надлежащимъ образомъ справляться съ своими текущими дѣлами *), какую же пользу ожидать отъ той отчетности, которую, можно впередъ предсказать, никто и никогда читать не будетъ. Независимо отъ этого, надзоръ за дѣятельностью земскаго начальника сосредоточенъ въ лицѣ губернскаго присутствія, а вовсе не въ уѣздномъ съѣздѣ; поэтому предлагаемая мѣра явилась бы не только безплодно обременительной, но и несоотвѣтствующей служебной подчиненности земскаго начальника и повлекла бы за собой одно ухудшеніе и безъ того крайне неудовлетворительнаго служебнаго положенія этого должностнаго лица **).

Было бы крайне утомительно перечислять всѣ мѣры, предложенныя къ обезпеченію надлежащаго надзора за кре-

---

*) См. статью «Неполнота и неопредѣлен. полож. о зем. нач.».

**) См. статья «къ вопросу о служ. полож. земск. нач.».

стьянскими опеками. Будетъ совершенно достаточно, если сказать, что всѣ они, какъ порознь, такъ и въ совокупности, нисколько не устраняютъ главнѣйшей причины опекунской неурядицы, заключающейся въ равнодушномъ отношеніи сельскихъ сходовъ къ своимъ опекунскимъ обязанностямъ. Поэтому значительная часть губернскихъ совѣщаній предпочитаетъ окончательное изъятіе опекунскихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія сельскихъ сходовъ.

Чтобы упорядочить положеніе крестьянскихъ опекъ слѣдуетъ безусловно взять ихъ изъ вѣдѣнія сельскихъ сходовъ и передать все дѣло волостному суду по распорядительному его засѣданію» и т. д. (Бессарабское), «Съ реформой волостнаго суда, поставленнаго въ настоящее время на достаточную высоту, казалось бы возможнымъ и полезнымъ привлечь его къ участію въ опекунскомъ дѣлѣ . (Саратовское).

Въ томъ же смыслѣ высказываются и нѣкоторыя другія совѣщанія.

Противъ передачи опекунскихъ дѣлъ въ завѣдываніе волостнаго суда возражаетъ весьма резонно Олонецкое совѣщаніе. По его словамъ, во 1-хъ, «если сами однообщественники относятся безучастно къ имущественнымъ интересамъ сиротъ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы волостное опекунское присутствіе проявило въ этомъ отношеніи большую дѣятельность»; во 2-хъ, это затруднитъ исполненіе волостными судьями ихъ прямыхъ обязанностей; въ 3-хъ, въ большинствѣ случаевъ волостные судьи также неграмотны, какъ и члены сельскаго схода и, въ 4-хъ, по дѣламъ малолѣтнихъ сиротъ волостные судьи, завѣдуя опеками, являются должностными лицами, отвѣтственными за свою дѣятельность передъ земскимъ начальникомъ, между тѣмъ, въ интересахъ правосудія желательно, чтобы волостные судьи вполнѣ сохранили предоставленную имъ закономъ самостоятельность и независимость .

Не отрицая нисколько того обстоятельства, что «обязанности, возложенныя закономъ по отношенію къ сиротамъ

на сельскіе сходы, послѣдними не исполняются». Пермское губ. совѣщаніе въ свою очередь не признаетъ цѣлесообразнымъ изъятіе опекунскаго дѣла изъ вѣдѣнія сельскихъ сходовъ. По мнѣнію почтеннаго совѣщанія, «прежде всего» необходимо имѣть въ виду бытовыя и экономическія условія крестьянъ, заключающіяся въ общинномъ землевладѣніи, круговой порукѣ и опекѣ общины надъ своими даже вполнѣ правоспособными членами (178 общ. полож.). «На обязанность той же общины возлагается и призрѣніе своихъ неимущихъ членовъ».

«Общинное начало въ значительной степени вліяетъ и на семейный бытъ крестьянъ, гдѣ общая семейная собственность преобладаетъ надъ частной. Въ виду этого устранить сельскій сходъ отъ попеченія надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ не мыслимо, ибо никакое другое учрежденіе, въ вѣдѣніе коего могли бы быть переданы крестьянскія опеки, не будетъ имѣть возможности сообразоваться съ нуждами и условіями общинной жизни крестьянъ, что, между тѣмъ, необходимо при веденіи каждаго частнаго крестьяскаго хозяйства»*).

Еще рѣшительнѣе въ томъ же направленіи высказывается Смоленское совѣщаніе, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ:

«Законъ, возлагающій заботу объ опекѣ сиротъ среди общества на сходы общественные, вполнѣ соотвѣтствующій принципу общиннаго землевладѣнія, кореннаго закона крестьянской жизни — ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться причиной неудовлетворительнаго исполненія обществомъ этой обязанности. Прежде всего, такая особенность постановки опекунскаго дѣла, исключительно свойственная только крестьянству, если бы въ ней, именно, были причины недостаточной охраны сиротскаго имущества, вызвала бы и особенную исключительную неудовлетворительность состоянія опеки въ средѣ крестьянъ, но жизнь другихъ сословій въ

*) Т. II, стр. 331.

этомъ отношеніи не представляетъ существеннаго отличія. Засимъ, покуда на обществѣ лежитъ обязанность призрѣнія неимущихъ сиротъ изъ своей среды, отвѣтственность за платежи, лежащіе на ихъ имуществѣ оно не можетъ не имѣть и исключительныхъ правъ на опеку надъ этимъ имуществомъ и оно же одно можетъ завѣдывать и воспитаніемъ этихъ сиротъ, остающихся на его отвѣтственности. Наконецъ, отсутствіе въ крестьянской жизни какой либо иной организаціи опекунскаго дѣла, на основаніи обычнаго правосознанія, тогда какъ существующая сложилась прочно и исторически, ведетъ къ заключенію, что всякій законъ, измѣняющій такую организацію и навязывающій крестьянству новую въ формахъ, исторически ему неизвѣстныхъ, всегда останется одною мертвой буквой и новые органы не могутъ себѣ дать падлежащей жизнеспособности» *).

Итакъ, противники сельскихъ сходовъ, какъ органовъ опекунскаго надзора, допускаютъ слѣдующія погрѣшности въ своихъ сужденіяхъ: 1) игнорируютъ экономическія и бытовыя условія крестьянства, 2) совершенно произвольно выдѣляютъ опекунское дѣло изъ обширнаго и сложнаго организма крестьянской общины—въ нѣчто, какъ бы, совершенно обособленное, нарушая тѣмъ тѣснѣйшую связь между опекой и началами общиннаго пользованія, семейной собственности, патріархальностью правъ домохозяина **) и т. п. и, наконецъ, въ 3) въ случайномъ совпаденіи усматриваютъ несуществующую въ дѣйствительности причинную зависимость.

Такъ, напримѣръ изъ того, что сходы въ настоящее время мало заинтересованы опекунскимъ дѣломъ, Вологодское совѣщаніе съ явной поспѣшностью приходитъ къ слѣдующему непосредственному заключенію: «однимъ изъ глав-

*) Т. II, стр. 352.

**) Нагляднѣе всего въ эту ошибку впадаетъ Самарское совѣщаніе, говоря, что опекунское дѣло «имѣетъ, въ отношеніи законодательномъ, то существенное преимущество передъ многими другими вопросами, что обнимаетъ сравнительно небольшую и ясно отграниченную область и т. д. стр. 341—342.

нѣйшихъ недостатковъ постановленій объ опекахъ надъ крестьянами является представленіе сельскому сходу назначенія опекуновъ и попечителей и повѣркѣ ихъ дѣйствій». (Т. II стр. 291). Вышеприведенное утвержденіе почтеннаго совѣщанія было бы убѣдительно лишь въ томъ случаѣ, еслибы паралельно было доказано, что опекунское дѣло по своей неудовлетворительности, является печальнымъ исключеніемъ въ общемъ ходѣ крестьянскаго самоуправленія. Ничего подобнаго не доказываетъ, да и не можетъ доказать ни одно изъ губернскихъ совѣщаній. Напротивъ того, какъ это видно изъ свода тѣхъ же заключеній, всѣ отрасли крестьянскаго самоуправленія находятся въ одинаково печальномъ положеніи. Слѣдовательно, выводъ, допущенный противниками сельскихъ сходовъ по отношенію къ опекамъ, съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ быть распространенъ и на всѣ дѣла подлежащія нынѣ вѣдѣнію сельскихъ сходовъ. Поэтому, сохраняя послѣдовательность, противникамъ послѣднихъ надлежало говорить не объ изъятіи крестьянскихъ опекъ изъ завѣдыванія сельскихъ сходовъ, а о полномъ упраздненіи таковыхъ.

На самомъ дѣлѣ, неудовлетворительное состояніе крестьянскихъ опекъ, какъ слѣдствіе небрежнаго отношенія сельскихъ сходовъ къ своимъ обязанностямъ, болѣзнь далеко не мѣстная, а *конституціонная*, а потому и лѣченіе ея должно быть направлено не противъ отдѣльныхъ болѣзненныхъ проявленій, а противъ причинъ, вызывающихъ основное заболѣваніе.

Причины небрежнаго и равнодушнаго отношенія сельскихъ сходовъ къ своимъ обязанностямъ вообще, а въ частности и къ опекунскимъ, заключаются: 1) въ крайне искусственномъ образованіи сельскихъ обществъ и 2) въ тяжеломъ экономическомъ положеніи сельскихъ обывателей, несовмѣстнымъ съ развитіемъ тѣхъ альтруистическихъ чувствъ, которыя лежатъ въ основѣ попечительства надъ малолѣтними сиротами.

Совмѣстное существованіе двухъ вышеприведенныхъ усло-

віи нерѣдко влечетъ за собою явно непосильное для сельской общины требованіе о призрѣніи сиротъ не только своихъ, но и *чужихъ*.

За необходимость предоставленія назначенія опеки не сельскому, а селенному сходу высказываются и нѣкоторыя губернскія совѣщанія *), что касается экономическаго положенія обывателей, то вопросъ этотъ не входитъ въ задачу настоящаго излѣдованія.

Резюмируя все сказанное, приходимъ къ заключенію, что по самому существу своему крестьянскія опеки и впредь должны остаться въ вѣдѣніи сельскаго схода, который въ своихъ распоряженіяхъ не долженъ быть стѣсняемъ никакой регламентаціей. Такимъ образомъ, крестьянскіе законы объ опекахъ, получивъ лишь болѣе ясную формулировку (примѣч. къ ст. 21 о. п.) должны и впредь остаться неприкосновенными а соотвѣтствующія имъ статьи «положенія о земскихъ начальникахъ» должны быть съ ними надлежащимъ образомъ согласованы. Принявъ же во вниманіе, что сельскій сходъ дѣйствительно является учрежденіемъ нѣсколько громоздкимъ возможно ближайшее попеченіе надъ сиротами ввѣрить небольшему избранному сходомъ совѣту изъ 3 членовъ. «Они должны тотчасъ же приводить въ извѣстность оставшееся имущество, пользуясь содѣйствіемъ старосты, и, затѣмъ. обсудивъ всѣ подробности даннаго случая, опредѣлить какъ всего выгоднѣе распорядиться сиротскимъ имуществомъ и какъ призрѣвать самихъ сиротъ. Опекунъ, избранный сходомъ долженъ дѣйствовать уже сообразно рѣшенію этого совѣта и подъ его наблюденіемъ; ежегодные отчеты о дѣятельности опекуна совѣтъ сообщаетъ на обсужденіе схода» **).

Кстати сказать, подобный совѣтъ не явится какимъ либо нововведеніемъ, а лишь развитіемъ и упорядоченіемъ уже существующаго и созданнаго жизнію института учетчиковъ.

---

*) Т. II, стр. 323.

**) Т. II Воронежск. совѣщ., стр. 298.

Семейные раздѣлы.

Представляя собою, по общепринятому мнѣнію, одну изъ наиболѣе выдающихся причинъ прогрессирующаго обѣднѣнія крестьянъ, семейные раздѣлы не могли не привлечь къ себѣ особаго вниманія Земскаго отдѣла». Этому явленію народной жизни дѣйствительно посвященъ слѣдующій довольно внушительный рядъ вопросовъ:

— Оказалъ ли замѣтное вліяніе на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ законъ 18 марта 1886 года?»

— «Не вызываетъ ли примѣненіе его какихъ либо затрудненій и если вызывало, то въ чемъ они заключались и какъ устранялись на практикѣ?» Какія мѣры необходимы для устраненія ихъ на будущее время?

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе тѣхъ мѣръ къ упорядоченію и сокращенію семейныхъ раздѣловъ, которыя намѣчены «Земскимъ отдѣломъ», причемъ мѣстнымъ учрежденіямъ предоставлено право высказаться по поводу ихъ удобопримѣнимости.

Нетрудно видѣть, что въ этомъ перечнѣ не достаетъ только одного, но за то и самаго существеннаго —вопроса о причинахъ того явленія, съ которымъ вновь предположено вступить въ борьбу.

Между тѣмъ, выборъ тѣхъ или другихъ мѣръ едва ли возможенъ, вообще, безъ предварительнаго и всесторонняго обсужденія вопроса о причинности, порождающей то явленіе, противъ котораго эти мѣры предназначаются. Таково, какъ

извѣстно, основное и неподлежащее уже оспариванію правило всякаго серьезнаго лѣченія.

Непринципіальная постановка вопросовъ, не касающихся вовсе причинъ, порождающихъ семейные раздѣлы, природы и сущности этого явленія, несомнѣнно отразилась на качествѣ полученныхъ отвѣтовъ.

Такъ, напримѣръ, Виленское совѣщаніе, объясняя повсемѣстное распространеніе раздѣловъ «характерной особенностью населенія, заключающейся въ томъ, что *каждый* членъ семьи стремится быть самостоятельнымъ хозяиномъ» *), находитъ въ то же время возможнымъ «ослабить это явленіе», посредствомъ изданія особаго закона. Какъ будто, возможно бороться съ стремленіемъ, присущимъ каждому члену крестьянской семьи!

Точно также Витебское совѣщаніе, которое, приглашая бороться съ семейными раздѣлами самыми «рѣшительными мѣрами», въ то же время обявляетъ, что причины *«нравственныя (ссоры и несогласія въ семьѣ) въ данномъ случаѣ не должны играть никакой роли»* **).

Какъ будто, причины нравственныя возможно вычеркнуть однимъ почеркомъ пера и не напоминаетъ ли это того механика, который бы открыто заявилъ, что въ его разсчетахъ и вычисленіяхъ законы движенія не должны играть никакой роли?

Въ той же мѣрѣ, Бессарабское совѣщаніе, признавъ, что «семейный раздѣлъ есть неизбѣжное послѣдствіе естественнаго прироста населенія» нашло въ то же время «цѣлесообразнымъ установленіе какихъ либо (?) мѣръ, ограничивающихъ возможность слишкомъ широкаго осуществленія на практикѣ семейныхъ раздѣловъ».

То есть, почтенное совѣщаніе нашло цѣлесообразнымъ принятіе мѣръ, противъ *неизбѣжнаго* послѣдствія.

---

*) Т. II, стр. 200.

**) Т. II, стр. 201.

желаніе упорядочить и, во чтобы то ни стало, сократить семейные раздѣлы такъ сильно, что губернскія совѣщанія сплошь и рядомъ готовы не замѣчать противорѣчій между приведенными ими фактами и окончательными выводами.

Такъ, напримѣръ, Вологодское, не отрицая «*ужаснаго*» положенія «подобныхъ семей», которымъ отказано въ раздѣлѣ: «жить совмѣстно немыслимо и законнаго раздѣла получить нельзя», находитъ тѣмъ не менѣе возможнымъ въ предупрежденіе самовольныхъ раздѣловъ установить въ законѣ наказаніе за таковые раздѣлы, введя его въ подлежащій отдѣлъ уст. о нак».

Такимъ образомъ, почтенное совѣщаніе даже не замѣчаетъ, что оно тѣмъ самымъ желаетъ узаконить «*ужасное*» положеніе тѣхъ семей, которымъ будетъ отказано въ семейномъ раздѣлѣ, ну хотя бы по причинѣ неимѣнія достаточнаго количества «запольной» и еще «неразработанной земли».

Неужели же по этой причинѣ, указанной кстати самимъ совѣщаніемъ, возможно обязать людей къ совмѣстному сожительству даже и въ томъ случаѣ, когда оно «немыслимо»?

Весьма значительное недоумѣніе вызывается и заключеніемъ Вятскаго совѣщанія, съ одной стороны предложившаго «установить извѣстную отвѣтственность крестьянъ за самовольный ихъ раздѣлъ», а съ другой признавшаго, что «нерѣдко необходимость семейнаго раздѣла вызывается самой жизнью и усложняющимися все болѣе и болѣе семейными несогласіями и враждебными отношеніями», причемъ даже «нельзя категорически утверждать, что семейные раздѣлы крестьянъ всегда влекутъ хозяйство къ непремѣнному упадку». Напротивъ того, «бываютъ случаи, когда именно общность семьи ведетъ ее къ разоренію и только семейный раздѣлъ выводитъ ее изъ нищеты и ставитъ на твердую почву» *).

Далѣе почтенное совѣщаніе ссылается въ подтвержденіе своихъ послѣднихъ словъ на примѣры, взятые изъ дѣйстви-

*) Т. II, стр. 206—208.

тельной жизни. Но если это такъ, то, спрашивается, во имя чего же предлагается наказывать людей? Неужели за то только, что они по совѣсти и, не утруждая начальства, нашли себѣ сами разумный выходъ изъ нищеты и разоренія?

Гораздо осторожнѣе въ своихъ выводахъ Самарское совѣщаніе, которое «предполагаетъ установить серьезную отвѣтственность за самовольные раздѣлы, причемъ, однако, не можетъ не признать, что выборъ подходящей карательной мѣры будетъ крайне затруднителенъ. Слишкомъ слабая кара не будетъ имѣть значенія, всякое же строгое наказаніе на практикѣ крайне трудно выполнить» *).

Но таковы ужъ послѣдствія всякаго непринципіальнаго мышленія: оно всегда приведетъ разсуждающаго въ заколдованный кругъ всевозможныхъ неудобствъ и противорѣчій.

Признать «самовольный раздѣлъ» проступкомъ далеко не трудно; еще легче придумать соотвѣтственную мѣру наказанія, но не значитъ ли это прибавить еще одну тягостную и безплодную фикцію къ существующей уже подъ названіемъ «самовольный уходъ съ работъ».

Извѣстно, что искусственная сложность того юридическаго построенія, къ которому принуждено было прибѣгнуть «положеніе о наймѣ» въ результатѣ своемъ повлекла за собою практическое безсиліе этого карательнаго закона.

Но создать составъ преступленія изъ самовольнаго раздѣла, не отступая при томъ отъ основныхъ началъ всякаго развитаго права, не будетъ ли еще гораздо затруднительнѣе? Прежде всего, къ кому должно быть предъявляемо требованіе о нераздѣлѣ?

Если всегда къ младшему члену дѣлящейся семьи, то будетъ ли справедлива эта вѣчная презумпція въ томъ случаѣ, когда дѣйствительнымъ виновникомъ раздѣла является старшій домохозяинъ, противящійся дѣлежу лишь только на словахъ.

---

*) Т. II, стр. 234.

По словамъ Тамбовскаго совѣщанія, «большей частью дѣло идетъ такъ, что старшій въ домѣ (не отецъ) всѣми способами старается извлечь какъ можно болѣе выгоды въ свою личную пользу, или пользу своей собственной семьи путемъ всякаго рода злоупотребленій, чаще всего путемъ распродажи имущества и скрытія денегъ. Младшіе члены семьи: племянники, братья, вдовы умершихъ братьевъ и т. д. видятъ хищеніе, но ничего не могутъ сдѣлать: у нихъ нѣтъ законныхъ, практически примѣнимыхъ, средствъ бороться со старшимъ и требовать у него отчета».

Но не легче положеніе младшихъ членовъ семьи и въ тѣхъ случаяхъ, когда главой семейства является отецъ, пьяница и расточитель, или когда онъ вступилъ во второй бракъ и имѣетъ отъ второй жены дѣтей.

Само собою разумѣется, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ старшій домохозяинъ, будучи главнымъ виновникомъ семейныхъ раздоровъ, всегда постарается свалить свою вину на младшихъ членовъ своей семьи, а существующая въ законѣ презумпція окажетъ ему въ томъ немаловажную помощь.

Какимъ путемъ предполагается вообще проникнуть во всѣ интимныя стороны чужой семейной жизни? Какую изъ бабъ, ежедневно дерущихся у печки, признать настоящей виновницей семейнаго раздѣла? Сварливость, неуживчивость весьма непріятныя качества въ повседневномъ житейскомъ обиходѣ, однако, вѣдь никому въ силу этого не приходитъ въ голову привлекать къ суду всѣхъ обладателей этихъ непохвальныхъ качествъ.

Безспорно также, что семейные раздѣлы нерѣдко сопровождаются такими печальными явленіями, какъ прямое непочтеніе старшимъ, доходящее иногда даже до дерзкаго оскорбленія родителей.

Все это такъ и тѣмъ не менѣе положительно невозможно объяснять однимъ упадкомъ народной нравственности явленіе столь сложное и принявшее чисто стихійные размѣры.

Это обстоятельство прекрасно поняли тѣ немногія совѣщанія, которыя дали себѣ трудъ вникнуть во внутренній смыслъ этого могучаго явленія народной жизни.

«Неизбѣжная вездѣ индивидуализація, говоритъ Пермское совѣщаніе, разрушаетъ семейные устои и стремится создать бытъ, построенный на обособленности и самостоятельности личности. Противиться этому стремленію, какъ доказала практика, не только безполезно, но и вредно. Обычнымъ поводомъ къ такимъ нелегальнымъ раздѣламъ являются семейныя несогласія. Возникшая на этой почвѣ распря между членами семейства не можетъ быть устранена никакими регламентаціями.

Всякая попытка искусственно связать то, что въ самой основѣ заключаетъ сѣмена разложенія, распада, приведетъ лишь къ нравственному и матеріальному ущербу тѣхъ, кто будетъ подвергнуть этому эксперименту» *).

Почти тоже самое, хотя и въ другихъ выраженіяхъ, высказываетъ также и Рязанское совѣщаніе.

«Семейное несогласіе и даже вражда между членами общей семьи, неравномѣрность труда, неравномѣрность распредѣленія потребностей каждаго члена семьи, безпечность однихъ и разгулъ другихъ и, наконецъ, желаніе жить самостоятельно—вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ крестьяне стремятся къ раздѣламъ. Тамъ, гдѣ семья, разумно руководимая старшимъ членомъ, живетъ согласно, трудится одинаково и пользуется плодами трудовъ равномѣрно,— крестьяне и сами, въ сознаніи пользы, не желаютъ раздѣловъ; но гдѣ нѣтъ, главнымъ образомъ, внутренняго согласія въ семьѣ и сознанія общей пользы, тамъ ограничительныя условія закона влекутъ за собою вѣчную вражду, доходящую до преступленій, и нерадивость къ хозяйству, а слѣдовательно и разореніе» **).

И, наконецъ, по совершенно справедливому заключенію

---

*) Т. II. стр. 228.

**) Т. II, стр. 232.

Смоленскаго совѣщанія, «подробное изслѣдованіе причинъ, вызывающихъ раздѣлъ семьи, распаденіе условій древняго патріархальнаго строя крестьянской жизни и сравнительно-историческая справка изъ исторіи быта и законодательства другихъ народовъ, давно утратившихъ понятіе общеродовой семейной собственности, вмѣстѣ съ другими формами патріархально-семейнаго быта, дали бы, по всей вѣроятности, твердыя основанія для заключенія о совершенномъ безсиліи всякаго закона о воспрещеніи раздѣловъ, въ цѣляхъ поддержанія уничтожаемыхъ жизнью формъ отживающаго бытоваго строя» *).

На самомъ дѣлѣ, чтобы вникнуть въ коренную причину семейныхъ раздѣловъ, необходимо предварительно обратиться къ анализу патріархальной родовой семьи, какъ антитезѣ современной, образовавшейся путемъ постоянныхъ семейныхъ раздѣловъ.

Родовую семью, прежде всего, нельзя представить себѣ безъ «большака», грозная и безконтрольная воля котораго, — вотъ главный связующій цементъ этого семейнаго союза.

Слѣдовательно, родовая семья - ничто иное, какъ вѣчное семейное батрачество, своего рода молчалинское, «какъ смѣть свое сужденіе имѣть», вовсе несовмѣстимое съ развитіемъ свободной личности.

Развивающаяся личность, неудовлетворяющаяся положеніемъ семейнаго батрака, протестъ противъ чужой и безконтрольной воли, желаніе жить по своему разуму и совѣсти, по пословицѣ, «хоть шей горшокъ, да самъ большой» —вотъ гдѣ основа неудержимаго стремленія къ семейнымъ раздѣламъ, охватившаго соевремешное крестьянсгво. Самый серьезный и рѣшительный ударъ получила родовая патріархальная семья, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостнаго рабства стало немыслимо существованіе и рабства семейнаго. Несомнѣнно, что въ томъ же освобождающемъ личность направ-

---

*) Т. II, стр. 242.

леніи дѣйствовали также слѣдовавшія одна за другой реформы — земская, судебная и всесословная воинская повинность.

Крестьянинъ, призванный за свой рискъ и страхъ къ отправленію самыхъ серьезныхъ общественныхъ обязанностей, уже не могъ болѣе оставаться тѣмъ безвольнымъ существомъ, которымъ по необходимости создавала его родовая, патріархальная семья.

Что сказать, напримѣръ, про присяжнаго засѣдателя, привыкшаго дѣйствовать только за страхъ, но не за совѣсть? И, наконецъ, возможно-ли намъ теперь, съ нашей развитой банковой системой, съ ежегодно развивающейся желѣзнодорожной и школьной сѣтью строить свой прогрессъ, хотя бы только и экономическій, на подавленіи всякой личной иниціативы и самостоятельности? По совершенно справедливому замѣчанію Нижегородскаго совѣщанія, «въ большинствѣ случаевъ изъ семьи выходитъ самый даровитый работникъ, желая расходовать свой заработокъ на личную свою семью и т. д. Слѣдовательно, всякое стѣсненіе семейныхъ раздѣловъ самымъ угнетающимъ образомъ должно отразиться на наиболѣе способной части населенія.

«Семейные раздѣлы, несомнѣнно, шли рука объ руку съ тѣми измѣненіями въ общихъ условіяхъ жизни, какія были вызваны реформой 19 февраля 1861 года, превратившись въ явленіе всеобщее, стихійное, остановить которое нельзя уже было ни законами, ни практическими мѣропріятіями» *). И не только безполезной, но и положительно вредной попыткой было бы тягаться съ исторіей и стремиться не возстановить, что ужъ вовсе невозможно, но хотя сколько нибудь солидно поддержать явно распадающуюся родовую семью.

Съ этой цѣлью пришлось бы не только уничтожить цѣликомъ тѣ плоды, которые успѣли уже принести всѣ вышеприведенныя реформы, но пришлось бы также вновь возстановить и прежнія экономическія условія, возвратясь къ дореформенному натуральному хозяйству и старымъ спосо-

*) Особое мнѣніе Воронежск. Губернат., т. II, стр. 205.

бомъ передвиженія. Новыя экономическія условія, создавшыя освобожденіемъ крестьянъ и упраздненіемъ дарового труда, играли несомнѣнно громадную роль въ дѣлѣ разрушенія родовой семьи, существованіе которой возможно лишь при натуральномъ хозяйствѣ и несовмѣстимо съ хозяйствомъ денежнымъ.

Въ послѣднее время много писали о значительномъ пониженіи заработка нашихъ кустарей. До какой степени можетъ упасть этотъ заработокъ можно судить изъ того, что въ крестьянской семьѣ нерѣдко возникаетъ раздоръ изъ за сжигаемаго бабой керосина, покупаемаго на обще-семейные деньги. Въ такихъ случаяхъ, бабы, чтобы отстоять свою независимость, прядутъ въ темнотѣ. Это ужъ не игра, а работа не стоитъ свѣчей!

Кустарный заработокъ, сплошь и рядомъ. до того убыточенъ, что не окупаетъ зимняго содержанія кустарей.

Поэтому большая семья предпочитаетъ посылать своихъ членовъ въ отхожій промыселъ. Но этотъ то промыселъ и ведетъ въ концѣ концовъ къ полному распаденію патріархальной семьи. Членъ семьи на сторонѣ, во-первыхъ, становится въ совершенно независимое положеніе отъ большака, а во-вторыхъ, у него является весьма естественное желаніе заработанныя деньги оставить себѣ, женѣ и дѣтямъ и скрыть отъ главы семьи.

О разлагающемъ на семью вліяніи отхожихъ промысловъ, между прочимъ, упоминаетъ Костромское совѣщаніе: «существованіе отхожихъ промысловъ, вообще, какъ замѣчено, способствуетъ умноженію самовольныхъ раздѣловъ» *). Такимъ образомъ, наша финансовая политика, способствуя централизаціи производства, не остается безъ вліянія на крестьянскую семью. Но если финансовая политика и можетъ быть до нѣкоторой степени измѣнена, то о полномъ возвращеніи къ старымъ экономическимъ порядкамъ не можетъ быть и рѣчи.

*) Т. II, стр. 211.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ также и отвѣтъ на вопросъ о томъ, какую практическую пользу принесъ законъ 18 марта 1886 г., какъ мѣра, направленная къ сокращенію семейныхъ раздѣловъ. Онъ былъ настолько практически безсиленъ, что даже не создавалъ никакихъ затрудненій по примѣненію его на практикѣ. И это потому, что въ этой части свой законъ совсѣмъ не примѣнялся.

Разсчетъ хозяйственныхъ выгодъ больше—семейности несомнѣнно вѣренъ, но отнюдь не по отношенію къ принудительно—образованной семьѣ. Разъ ослабла внутренняя, нравственная связь, никакая внѣшняя сила не можетъ возстановить то гармоническое цѣлое, которое представляетъ собою естественная родовая семья, какъ союзъ нѣсколькихъ малыхъ семей. Иначе говоря, всѣ выгоды артельнаго начала, заключающіяся въ больше—семейности, достижимы лишь при полномъ согласіи всѣхъ членовъ этого своебразнаго артельнаго союза. Разъ членъ семьи не видитъ больше въ общесемейномъ интересѣ свой личный интересъ, онъ невольно превращается въ того лѣниваго батрака, который валитъ, что называется, «черезъ пень, колоду».

Эти соображенія настолько элементарны, факты этого рода настолько доступны общему наблюденію, что ни сельское общество, ни поставленное надъ нимъ должностное лицо никогда не могли настаивать на воспрещеніи семейныхъ раздѣловъ, какъ то допускаетъ законъ 18 марта.

И не только не настаивали, но по словамъ Пермскаго совѣщанія, *«нарушеніе закона 18 марта нерѣдко исходитъ отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя призваны блюсти за его исполненіемъ»* *).

«Общество лично знаетъ трудности совмѣстной семейной жизни», говоритъ Казанское совѣщаніе, и потому *негласно* отводитъ отдѣлившемуся усадьбу», въ чемъ нельзя не усмотрѣть прямаго, со стороны общества, поощренія самовольныхъ раздѣловъ. По отзывамъ большинства совѣщаній законъ о

*) Т. II, стр. 229.

раздѣлахъ остался «мертвой буквой» и даже не вошелъ въ общее сознаніе, что можно видѣть изъ того, что обыкновенно «къ сходу обращаются не за разрѣшеніемъ раздѣла, а съ просьбой дать усадебной земли для вновь выдѣленной семьи, и сходы часто удовлетворяютъ эти ходатайства, не отказывая, иногда, даже въ назначеніи полевыхъ надѣловъ» *).

Нѣкоторыя совѣщанія, не удовлетворяясь общими соображеніями, стараются подкрѣпить ихъ соотвѣтственными данными статистики.

Такъ например̀ъ, «по земско-статистическимъ даннымъ, въ 12 уѣздахъ Воронежской губерніи за послѣднія 5 лѣтъ раздѣлилось 51,386 семей или 16,2% изъ общаго числа; за предшествующія имъ 5 лѣтъ—54,946 семействъ или 17,3% и за предшествующія двумъ пятилѣтіямъ 10 лѣтъ—70,401 или 22,3%. Такимъ образомъ, втеченіи 20 лѣтъ, раздѣлилось всего 55,8% семей. И такое отношеніе по періодамъ, съ большими или меньшими варіаціями, повторяется, затѣмъ, по отдѣльнымъ уѣздамъ. Очевидно, что семейные раздѣлы представляли такого рода явленіе, на которое по мнѣнію большинства участвовавшихъ въ засѣданіяхъ губернскаго совѣщанія, не могъ оказать замѣтнаго вліянія законъ 18 марта 1886 г.».

О ничтожномъ количествѣ законныхъ раздѣловъ можно судить также и изъ цифровыхъ данныхъ, представленныхъ Казанскимъ совѣщаніемъ. Оказалось, что «по 3 земскому участку Спасскаго уѣзда за послѣднія пять лѣтъ изъ 341 случая раздѣловъ было лишь 11 законныхъ».

Можетъ ли быть что краснорѣчивѣе этихъ цифръ.

Напрасно, сторонники репресивныхъ мѣръ стараются увѣрить, что «одной изъ главныхъ причинъ неисполненія закона 18 марта является отсутствіе въ немъ указанія на

---

*) Т. II, стр. 199.

какую либо отвѣтственность за неисполненіе установленныхъ правилъ» *).

Въ этомъ отношеніи весьма любопытны слѣдующія данныя Смоленскаго совѣщанія: Видя, что юридическія послѣдствія, установленныя въ законѣ для самовольно раздѣлившихся. безсильны предупредить эти раздѣлы. бывшее Смоленское Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе выработало особую инструкцію должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія, въ видахъ наиболѣе успѣшнаго дѣйствія правилъ закона, и признало возможнымъ, какъ бы въ дополненіе закона двѣ мѣры:

а) обязательное водвореніе самовольно раздѣлившихся въ одинъ дворъ;

б) уголовное наказаніе ихъ посредствомъ преданія волостному суду за самовольный раздѣлъ.

Ни одна, ни другая мѣра не произвели, однако, желаемыхъ послѣдствій. Сведеніе въ одно хозяйство самовольно раздѣлившихся оказалось невозможнымъ на практикѣ. Постановленія о семъ уѣздныхъ присутствій оставались безъ исполненія. Старшинамъ приходилось доносить объ исполненіи ихъ *завѣдомо ложно* или о невозможности ихъ исполнить. Тамъ же, гдѣ одна изъ сторонъ, вѣрующая въ необходимость исполненія закона, домогалась водворенія на дѣлѣ въ свой дворъ самовольно его покинувшихъ членовъ семьи, дѣло принимало характеръ разорительной волокиты и безконечной тяжбы.

Рядомъ со споромъ о законности общественнаго приговора или постановленія уѣзднаго, а иногда Губернскаго Присутствія, восходившимъ до рѣшенія Сената, велись особыя дѣла о неисполнительности старшины и о постановленіяхъ Присутствія по вопросу объ его отвѣтственности, о сопротивленіи ему, объ его оскорбленіи; но производившіяся дознанія и разорительныя тяжбы, продолжавшіяся годами, ничуть не мѣшали самовольно раздѣлившимся

---

*) Т. II, стр. 234.

проживать раздѣльно. Попытки свести спорящихъ, неблагоразумно доводимыя иными старшинами до насильственнаго, при помощи понятыхъ, водворенія самовольно отдѣлившихся въ избу старшаго домохозяина, вели къ всеобщей дракѣ или къ тому, что сожительство, подобными мѣрами достигаемое, продолжалось не долѣе нѣсколькихъ часовъ. Все это только дискредитировало законъ въ глазахъ населенія, а самовольно дѣлящихся, спасаемыхъ такимъ образомъ властями отъ разоренія, доводило до совершенной нищеты» *).

Немудрено, что подробно описанная исторія практики закона» *(правильнѣе было бы сказать беззаконія)* приводитъ (тоже совѣщаніе) къ заключенію о совершенной невозможности установить какія либо столь тяжелыя гражданскія послѣдствія для дѣлящихся, которыя остановили бы ихъ отъ раздѣла и которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могла бы обойти жизнь». Несомнѣнно, что подобное заключеніе совершенно равносильно открытому признанію невозможности указать никакихъ средствъ къ достиженію закономъ 1886 года прямой его цѣли, то есть уменьшенія раздѣловъ и предупрежденія самовольныхъ раздѣловъ.

Практическое безсиліе является самымъ естественнымъ послѣдствіемъ того, что законъ 18 марта 1886 г., имѣющій въ виду преимущественно экономическія цѣли, игнорируетъ нравственную сторону семейныхъ раздѣловъ. Между тѣмъ, съ этой точки зрѣнія, семейные раздѣлы имѣютъ много весьма уважительныхъ причинъ, какъ, напримѣръ—снохачество, появленіе въ семьѣ мачихи или отчима, эгоизмъ старшаго брата, двѣ-три снохи, устраивающія изъ семейнаго очага кромѣшный адъ» **).

Такимъ образомъ, у крестьянина, какъ и у всякаго человѣка, бываютъ такія нравственныя условія жизни, ради которыхъ онъ приноситъ въ жертву всякіе матеріальные интересы. Часто семейная жизнь крестьянина складывается

*) Т. II, стр. 245—246.

**) Т. II, Ярославск. совѣщ., стр. 263.

до того невыносимо, что ни арестантскія, ни волостной судъ не въ состояніи обуздать семейное безобразіе; семейный адъ достигаетъ своего апогея и единственнымъ исходомъ изъ этого положенія является опять тотъ же семейный раздѣлъ. Въ такихъ уже крайнихъ случаяхъ попытка остановить раздѣлъ не только не могла содѣйствовать матеріальному благосостоянію семьи, но иногда приводила даже къ преступленіямъ» *).

Не повліявъ нисколько на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ, законъ 18 марта вмѣстѣ съ тѣмъ весьма неблагопріятно отразился на крестьянскомъ самоуправленіи. Дѣло въ томъ, что крестьяне почти всегда допускали самовольныхъ раздѣленцевъ къ обсужденію всѣхъ общественныхъ дѣлъ, теченіе которыхъ принимало въ силу этого характеръ случайный и неправильный, потому что число домохозяевъ, значущихся въ заголовкѣ приговоровъ, никогда не соотвѣтствовало числу фактически участвующихъ на сходахъ. Мало того, что каждый приговоръ могъ быть опороченъ съ формальной стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывался и весьма удобный путь для всевозможныхъ злоупотребленій. Самовольные раздѣленцы всегда представляли собою самый удобный матеріалъ для сфабрикованія искусственнаго большинства. Какъ показалъ опытъ, злоупотребленіями этого рода дѣйствительно изобиловало крестьянское самоуправленіе. Любому вліятельному члену схода легко было въ своихъ интересахъ составить желаемое большинство: стоило только собрать на сходъ побольше самовольныхъ раздѣленцевъ.

Таковы побочныя послѣдствія закона о семейныхъ раздѣлахъ.

Обращаясь къ тѣмъ мѣрамъ, которыя предложены Земскимъ отдѣломъ отъ себя и которыя можно сравнить съ учрежденіемъ маленькихъ крестьянскихъ маіоратовъ, то нетрудно видѣть, что эти мѣры вовсе неосуществимы. Прежде всего, они не встрѣтили бы сочувствія въ самой крестьян-

*) Тамбовск. сов., стр. 252.

ской средѣ, разошлись бы съ основными воззрѣніями крестьянъ на справедливость. А слѣдовательно законъ бездѣйствовалъ бы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, а ихъ громадное большинство, когда раздѣлы совершаются миролюбиво и вовсе не доходятъ до начальства. Правительственное противодѣйствіе къ раздѣламъ въ предложенной формѣ свелось бы къ тому, что законъ примѣнялся бы лишь къ немногимъ семьямъ.

Большинство же, желающее раздѣлиться «по Божьему» и «безъ грѣха» дѣлалось бы скрытно отъ начальства. Примѣняясь, такимъ образомъ, лишь къ меньшинству, законъ этотъ возбуждалъ бы совершенно справедливое негодованіе у этого меньшинства обездоленныхъ членовъ семьи.

Практическое безсиліе это лучшій исходъ, который можно было бы пожелать этому предположенному закону еще и по слѣдующимъ соображеніямъ: институтъ, такъ называемой «семейной собственности», представляетъ собою строго логическій результатъ старой родовой семьи. Его главные признаки—общность и дѣлимость семейнаго имущества. По этому недѣлимость семейной собственности должна разрушить въ корень этотъ институтъ обычнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неразрывно связанную съ нимъ родовую семью.

Не трудно понять, что не дѣлящаяся, большая семья, вѣдь только и возможна при томъ условіи, что каждый членъ семьи всегда сознаетъ себя участникомъ въ общемъ семейномъ имуществѣ; съ потерей же этого сознанія утрачивается для него и всякій смыслъ дальнѣйшаго существованія этой семьи. При постоянно колеблющемся уровнѣ крестьянскаго благосостоянія, каждый членъ большой семьи, съ введеніемъ предлагаемыхъ ограниченій, очевидно рисковалъ бы остаться не при чемъ при случайномъ пониженіи этого уровня до установленной закономъ нормы недѣлимости семейнаго имущества.

Сознаніе такого риска не явилось ли бы, однако, самымъ побужденіемъ къ распаденію и тѣхъ большихъ семей, которыя еще почему либо случайно сохранились?

Несомнѣнно, что полное игнорированіе начала семейной

собственности не менѣе опасно для крестьянской семьи, какъ и то неправильное его толкованіе, о которомъ говоритъ, между прочимъ, Тамбовское совѣщаніе. По его словамъ, «есть еще одно обстоятельство, часто наталкивающее домохозяевъ на мысль о раздѣлѣ. Правительствующій Сенатъ указомъ своимъ отъ 3 ноября 1883 года, за № 18176 разъяснилъ, что на общее въ нераздѣльномъ дворѣ имущество можетъ быть обращено взысканіе за долгъ одного изъ членовъ нераздѣльной семьи» *). Проистекающій отсюда страхъ имущественной отвѣтственности всѣхъ за одного, дополненный сознаніемъ невозможности когда либо самостоятельно воспользоваться плодами своихъ трудовъ, едва-ли можетъ охранить отъ распаденія крестьянскую семью.

Такимъ образомъ, результаты, предложенной земскимъ отдѣломъ мѣры, явились бы совершенно обратными той цѣли, для которой эти мѣры были бы установлены.

Наконецъ, какъ найдти предѣльную норму недѣлимости движимаго имущества?

По словамъ Минскаго совѣщанія, «невозможность установленія подобной нормы заключается въ слишкомъ большомъ разнообразіи домашняго хозяйства и движимаго имущества крестьянъ въ Минской губерніи; такъ, напримѣръ, въ Новогрудскомъ, Слуцкомъ и Минскомъ уѣздахъ, хотя земля считается лучшей по качеству, но надѣлы крестьянъ небольшіе, а поэтому они не въ состояніи имѣть большаго количества скота, составляющаго главный предметъ сельскаго хозяйства и самый цѣнный изъ всего движимаго имущества. Самый зажиточный крестьянинъ въ указанныхъ трехъ уѣздахъ можетъ имѣть у себя при полномъ участкѣ надѣльной земли 2—3 лошади, 5—10 штукъ рогатаго скота и нѣсколько штукъ мелкаго. Между тѣмъ, въ южныхъ полѣсскихъ уѣздахъ губерніи, гдѣ земля по неудобству своему малоцѣнна, но крестьянскіе надѣлы весьма значительны, тамъ почти тоже самое количество рабочаго и рогатаго скота имѣется даже

*) Т. II, стр. 252.

въ хозяйствѣ крестьянина захудалаго и т. д. *). Въ виду вышеизложеннаго, по мнѣнію почтеннаго совѣщанія, не представляется возможности установить какую нибудь одну общую норму движимаго имущества для цѣлой губерніи, а пришлось бы опредѣлять таковую, не только для каждаго уѣзда особо, но иногда даже въ одномъ и томъ же уѣздѣ отдѣльно для двухъ или болѣе мѣстностей **).

Само собою разумѣется, что разнообразіе мѣстныхъ условій вовсе не составляетъ собою исключительной принадлежности Минской губерніи. Вотъ отзывы нѣкоторыхъ совѣщаній по этому вопросу: «установленіе нормы надѣльнаго движимаго имущества, при которомъ допускается раздѣлъ, въ виду крайняго разнообразія мѣстныхъ условій крестьянскаго хозяйства, не поддающихся обобщенію, на практикѣ не осуществимо». (Псковское).

Норму движимаго имущества установить на практикѣ почти невозможно,—нормы будутъ слишкомъ колебаться въ зависимости отъ цѣлаго ряда частныхъ условій, которыхъ нельзя предвидѣть» (Самарское).

Установленіе въ законѣ опредѣленной нормы движимаго имущества, необходимаго для образованія самостоятельнаго хозяйства, едва ли возможно, въ виду разнообразія мѣстныхъ условій, въ связи съ развитіемъ того или иного характера промышленной дѣятельности населенія и т. д. (Симбирское). Мало того, «нерѣдко членъ семейства выдѣляется съ заранѣе опредѣленной цѣлью не заниматься земледѣліемъ, а какимъ либо промысломъ, напримѣръ,—кузнечнымъ, который можетъ обезпечить его болѣе, чѣмъ земледѣліе. Несомнѣнно, что для такого лица вопросъ о движимомъ имуществѣ (сельскохозяйственномъ инвентарѣ) не играетъ никакой роли» (Саратовское). Отсюда, «бываютъ примѣры, что мало получающіе очень быстро дѣлаются зажиточными и, наоборотъ, получающіе вполнѣ обезпеченныя

*) Т. II, стр. 218—219.

**) Тамъ же.

средства къ продолженію хозяйства — бѣднѣютъ. Все зависитъ отъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ дѣлящихся» *). (Тверское) Такимъ образомъ, вопросъ усложняется не только въ зависимости отъ разнообразія мѣстныхъ условій, но и отъ безконечно большаго разнообразія индивидуальныхъ качествъ—дѣлящихся.

И наконецъ, по совершенно справедливому замѣчанію Ярославскаго совѣщанія, «п. 3 правилъ о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ и въ настоящее время требуетъ неразрѣшеніе раздѣла, если выдѣляемый не имѣетъ достаточно движимаго имущества, чтобы завести самостоятельное хозяйство; если въ настоящее время сходы не всегда выполняютъ это требованіе, то и болѣе точное обозначеніе этой нормы не устранитъ возможности обхода или невыполненія закона». **).

По этимъ соображеніямъ почтенное совѣщаніе въ свою очередь приходитъ къ заключенію о нежелательности и невыполнимости ограничительныхъ мѣръ, касающихся семейныхъ раздѣловъ, а въ томъ числѣ и установленія нормы движимаго имущества, безъ наличности которой семейный раздѣлъ не допускался бы.

Еще затруднительнѣе установить какія либо ограниченія въ отношеніи дробленія пахотной и сѣнокосной земли, при постоянно колеблющихся размѣрахъ земельнаго участка каждаго двора, владѣющаго на правѣ общиннаго пользованія.

На самомъ дѣлѣ, не способны ли будутъ проэктируемыя Земскимъ Отдѣломъ ограниченія возбудить цѣлую массу семейныхъ раздѣловъ въ томъ случаѣ, когда примѣненіе этихъ ограниченій можетъ оказаться явно выгоднымъ для одного изъ членовъ крестьянской семьи, въ виду предполагаемаго передѣла общинной земли. Допустимъ. что норма недѣлимости семейнаго участка равняется тремъ де-

*) Т. II, стр. 258.
**) Т. II, стр. 265.

сятинамъ и крестьянскій дворъ въ данный моментъ владѣетъ, не выходя изъ этой нормы, но по предположенному уже въ обществѣ передѣлу долженъ получить, положимъ, четыре десятины, то есть количество земли, превышающее установленную закономъ норму недѣлимости.

Не будетъ ли прямымъ соблазномъ для старшаго домохозяина поскорѣе избавиться отъ всѣхъ будущихъ участниковъ въ землѣ?

Такимъ образомъ, и съ этой болѣе детальной точки зрѣнія, слѣдуетъ ожидать отъ предположенной Земскимъ Отдѣломъ мѣры не сокращенія семейныхъ раздѣловъ, а напротивъ того значительнаго ихъ размежеванія, съ попутнымъ возрастаніе принудительно образованнаго пролетаріата.

Вообще, никогда не надо забывать то основное правило, что всѣ мѣропріятія, несогласованныя съ обычно-правыми воззрѣніями крестьянъ, должны нанести страшный ударъ не только ихъ экономическому, но и нравственному благосостоянію. Мы видѣли уже насколько проэктируемая недѣлимость расходится съ основными институтами нашего обычнаго права, вытекающими изъ той же родовой семьи. Это противорѣчіе, подрывая въ корнѣ основныя воззрѣнія крестьянъ на справедливость, не можетъ не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на народной нравственности.

Поэтому лучшей охраной для существующихъ формъ народной жизни можетъ быть признано лишь то законодательство, которое само будетъ основано на обычно-правовомъ міросозерцаніи, какъ непосредственно вытекающемъ изъ тѣхъ же формъ. А слѣдовательно, и для патріархальной семьи лучшей охраной должно быть открытое со стороны закона признаніе института семейной собственности», съ присущимъ ему основнымъ признакомъ дѣлимости.

Въ статьѣ о хозяйственныхъ правахъ домохозяевъ мы видѣли насколько необезпечены плоды труда, вносимаго каждымъ изъ членовъ въ общую нераздѣльную семью и съ другой стороны насколько глубоко коренится въ нашемъ обычномъ правѣ сознаніе необходимости ограничить произвольныя и

подчасъ разорительныя дѣйствія старшихъ домохозяевъ. Поэтому лучшей мѣрой къ сохраненію большой нераздѣльной семьи или что тоже къ сокращенію семейныхъ раздѣловъ, должно быть признано обезпеченіе интересовъ всѣхъ членовъ этой семьи.

Только сознаніе достаточной обезпеченности плодовъ своего труда, при условіи всегда возможнаго ихъ полученія изъ семьи, можетъ служить противовѣсомъ неудержимому стремленію къ раздѣламъ. Въ эту то сторону и должны быть направлены всѣ усилія будущаго законодательства. Поэтому въ законѣ 28 марта 1886 года подлежитъ сохраненію лишь то, что не направлено къ прямому противодѣйствію раздѣламъ, какъ совершенно безплодному... Иначе говоря, сельскому сходу должно быть предоставлено не разрѣшеніе, а совершеніе семейныхъ раздѣловъ. Исключеніе можетъ быть допущено лишь въ пользу тѣхъ случаевъ, когда старшимъ домохозяиномъ является «родичъ-отецъ или дѣдъ». Предоставленіе послѣднимъ инціативы раздѣла должно быть сохранено и впредь, какъ соотвѣтствующее всецѣло народнымъ воззрѣніямъ. Но, обусловливая раздѣлъ согласіемъ прямаго родоначальника, законъ долженъ сдѣлать оговорку на случай, доказаннаго по волостному суду, пьянства, расточительности или вступленія во второй бракъ. При наличности послѣднихъ обстоятельствъ выдѣлъ можетъ быть совершенъ сельскимъ сходомъ и помимо согласія главы семейства.

Участіе сельскаго схода въ распредѣленіи имущества между предположенными къ образованію новыми хозяйствами, какъ показалъ многолѣтній опытъ, положительно незамѣнимо, такъ какъ даетъ лучшія гарантіи не только къ справедливому, но что еще важнѣе къ миролюбивому разрѣшенію семейныхъ раздѣловъ. Здѣсь кстати замѣтить о недоразумѣніяхъ, вытекающихъ, по справедливому указанію Смоленскаго совѣщанія, изъ того, что текстъ закона предусматриваетъ лишь такіе раздѣлы, гдѣ обѣ дѣлящіяся стороны образуютъ особыя хозяйства. Въ практикѣ же весьма часты случаи выдѣла старшимъ членомъ семьи —сына, брата,

а особенно часто вдовы сына съ выдачей имъ лишь движимости или денежнаго пособія. Сдѣлки сего рода, не подходя подъ понятіе о семейномъ раздѣлѣ, имѣютъ, однако, все значеніе раздѣла: ослабляютъ хозяйственную силу двора, лишаютъ отдѣлившагося по обычаю права требовать впослѣдствіи земли изъ выдѣлившей его семьи и т. п. Такъ какъ сдѣлки эти не могутъ оформляться приговоромъ схода *), не являются ни увольненіемъ изъ общества, ни формальнымъ отказомъ отъ надѣла или отъ права наслѣдованія семейнаго усадебнаго участка, то порождаютъ большія недоразумѣнія въ практикѣ волостныхъ судовъ» **) и т. п. Нельзя не согласиться поэтому съ почтеннымъ совѣщаніемъ, что всѣ подобныя сдѣлки о выдѣлахъ необходимо пріурочить къ семейнымъ раздѣламъ, измѣнивъ соотвѣтственно ст. 15 врем. прав. волост. суд.

Давъ точное опредѣленіе понятію о раздѣлахъ и ограничивъ сельскій сходъ правомъ ихъ совершенія, необходимо законъ о раздѣлахъ распространить и на надворно-наслѣдственное владѣніе. Въ этомъ случаѣ законодатель пошелъ бы на встрѣчу желанію самихъ надворныхъ владѣльцевъ, нерѣдко, даже и теперь обращающихся къ міру за разрѣшеніемъ своихъ споровъ по раздѣламъ. Уваженіе къ міру, какъ извѣстно, еще очень велико у крестьянъ и потому апелляція къ нему, хотя бы и не предусмотрѣнная закономъ, очень рѣдко возбуждаетъ жалобы со стороны заинтересованныхъ въ томъ лицъ.

Поэтому право сельскаго схода на вмѣшательство въ семейные раздѣлы, при всякой формѣ землепользованія, весьма понятно и должно быть санкціонировано закономъ. Вмѣстѣ съ перенесеніемъ всѣхъ раздѣловъ на обсужденіе сельскихъ сходовъ устранились бы безконечныя тяжбы въ волостныхъ судахъ, никогда не имѣющихъ возможности такъ близко ознакомиться съ интимной стороной каждаго раздѣла,

---

*) Съ точки зрѣнія закона, на практикѣ же постоянно оформляются.
**) Т. II, стр. 248.

какъ это доступно ближайшимъ сосѣдямъ-старикамъ. Отсюда, справедливость всегда будетъ на сторонѣ сельскаго схода. И не та формальная справедливость, которая вполнѣ доступна «слѣпой ѳемидѣ и ея вѣсамъ», а та высшая справедливость, которую крестьянинъ опредѣляетъ словами «по Божески», а не по человѣческому.

Такъ, напримѣръ, нерѣдко хлѣбъ дѣлятъ не по числу участниковъ въ имуществѣ, а по числу душъ у каждаго.— «Хлѣбъ Божій даръ. живая душа хлѣба проситъ и потому дѣлить хлѣбъ надо на живую душу».

Не понятно также съ точки зрѣнія того же ариѳметическаго правосудія, почему старики присудили, напримѣръ, одному—овцу, а другому цѣлую корову.

— «Дѣтямъ нельзя безъ молока, у кого дѣти, тому и корова. а первой приплодъ къ овцѣ, вотъ и сравняетесь», говорятъ «старики» обиженному такимъ раздѣломъ.

Старики не вписываютъ своихъ мотивовъ въ приговоры и потому невозможно судить о справедливости того или другого раздѣла, не возстановивъ всю сопровождавшую его бытовую обстановку, не выслушавъ лично, какъ всѣхъ участниковъ раздѣла. такъ и самихъ судей.

Жалобы на семейные раздѣлы не могутъ подлежать бумажной повѣркѣ, подобно другимъ дѣламъ; разборъ этихъ жалобъ обязательно долженъ производиться на мѣстѣ, въ присутствіи сторонъ и судей, въ лицѣ, постановившихъ свое рѣшеніе стариковъ.

Такъ напримѣръ, представьте себѣ, что пріемный во дворъ зять, послѣ смерти своего тестя, требуетъ части отъ шурьевъ. Весьма вѣроятно, что не только право на часть, но и самый размѣръ ея, согласно обычнаго воззрѣнія крестьянъ, долженъ опредѣлиться въ зависимости отъ труда, внесеннаго истцемъ въ семью. Но гдѣ же, какъ не на мѣстѣ, на глазахъ сосѣдей, гдѣ сохранились еще слѣды труда каждаго члена семьи, легче всего выяснить это обстоятельство.

Вотъ отвѣтчикъ, напримѣръ, возражаетъ, что зять вовсе не помогалъ тестю и пока онъ, отвѣтчикъ, ходилъ на зара-

ботки, истецъ лежалъ на боку: «плетень развалился, а онъ хоть бы тюкнулъ топоромъ» и т. п.

Гдѣ же, какъ не на мѣстѣ, у плетня, провѣрить это обстоятельство?

Съ другой стороны, не трудно понять, что, въ силу присущей имъ особенности, разборъ этихъ дѣлъ можетъ быть порученъ только лицу, хорошо знакомому съ бытовыми условіями мѣстнаго крестьянства. При существующемъ порядкѣ назначенія земскихъ начальниковъ, соблюденіе этого послѣдняго условія ничѣмъ не гарантировано, а потому, казалось бы, цѣлесообразнѣе жалобы на семейные раздѣлы предоставить разбирательству мѣстнаго волостнаго суда съ обязательнымъ выѣздомъ на мѣсто спора. Жалобы подобнаго рода на постановленія сельскихъ сходовъ представляютъ собою, какъ извѣстно, значительную рѣдкость и потому выѣздъ на мѣсто въ этомъ случаѣ не можетъ обременить ни одинъ волостной судъ.

Не надо забывать, что опрометчивое, несправедливое рѣшеніе здѣсь вдвойнѣ опасно, какъ нарушающее не только тотъ или другой частный интересъ, но и интересъ неизмѣримо важнѣйшій, заключающійся въ крайней необходимости охраненія авторитета сельской общины. Поземельная община лучшій оплотъ противъ всѣхъ крайностей индивидуализма, лучшая охрана отъ его подчасъ эгоистическихъ и разрушительныхъ стремленій. Вотъ почему уронить авторитетъ мірскаго рѣшенія въ глазахъ крестьянъ было бы величайшимъ несчастіемъ, которое когда либо можно было бы причинить Россіи, мощной въ сознаніи своего долга.

Зерно же этого сознанія — въ каждомъ маленькомъ мірскомъ рѣшеніи и силенъ духомъ тотъ, кто умѣетъ безропотно покоряться общему благу, какъ бы ни страдалъ отъ того его личный интересъ.

Подводя итоги сказанному, нетрудно заключить, что въ основѣ семейныхъ раздѣловъ, съ одной стороны лежатъ новыя экономическія условія, а съ другой,—стремленіе къ самостоятельности освобожденной личности.

Новыя экономическія условія почти цѣликомъ созданы нашей финансовой политикой, а стремленіе къ самостоятельности столь же неизбѣжное послѣдствіе цѣлаго ряда реформъ, наступившихъ непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ. Поэтому главное зло заключается не въ общераспространенности семейныхъ раздѣловъ, что неизбѣжно, а въ томъ, что образующіяся семьи очень рѣдко попадаютъ въ условія, дѣйствительно благопріятныя для самостоятельной и плодотворной работы. Заботы правительства должны быть направлены не къ сокращенію семейныхъ раздѣловъ, что недостижимо, а къ созданію наиболѣе благопріятныхъ условій для экономическаго развитія страны. Послѣднее вполнѣ возможно и при малой крестьянской семьѣ, вооруженной знаніемъ и проникнутой духомъ инниціативы и предпріимчивости.

Къ вопросу о мірскихъ повинностяхъ.

Мірскія повинности «отправляются каждымъ обществомъ, сельскимъ или волостнымъ, особо, для удовлетворенія его внутреннихъ потребностей» (177 ст. Общ. Полож. о Крест.). Непосредственно за опредѣленіемъ существа мірскихъ повинностей Общее Положеніе о Крестьянахъ раздѣляетъ ихъ, какъ извѣстно, на обязательныя и необязательныя Предоставивъ добровольному усмотрѣнію сельскаго общества «устанoвлять мірскіе сборы на устройство и поддержаніе церквей, заведеніе училищъ» и т. п. Общее Положеніе въ слѣдующей своей статьѣ (179) подробно перечисляетъ и тѣ повинности, отправленіе которыхъ для сельскихъ обществъ обязательно во всякомъ случаѣ. Этотъ признакъ обязательности, положенный первоначально въ основу раздѣленія мірскихъ повинностей, съ теченіемъ времени постепенно утрачивалъ свое значеніе, отчасти подъ вліяніемъ естественной необходимости, отчасти въ силу позднѣйшихъ толкованій закона, не всегда согласныхъ съ буквальнымъ смысломъ Общаго Положенія о Крестьянахъ.

Поддержаніе сельскихъ церквей, составлявшее, какъ извѣстно, одну изъ ближайшихъ задачъ каждаго помѣщика, вмѣстѣ съ обѣдненіемъ помѣстнаго элемента и утратой имъ своихъ помѣстій, вполнѣ естественно переходило къ обязанности сельскихъ обществъ. Съ другой стороны, по циркулярному разъясненію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, сельское общество, принявшее на себя разъ обязательство по содержанію мѣстнаго училища, лишалось впослѣдствіи

права отказываться отъ этого обязательства, какъ принятаго на себя «сознательно и добровольно». Распоряженіе это, состоявшееся по сообщенію Министерства Народнаго Просвѣщенія, мотивировано тѣмъ, что сельское общество всегда, будто бы, имѣетъ полную возможность обсудить степень обременительности предстоящаго ему расхода, до возбужденія ходатайства объ открытіи училища. (Ц. М. В. Д. 1889 г. № 5).

Распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ было бы вполнѣ правильно лишь въ томъ случаѣ, если бы степень состоятельности каждаго сельскаго общества представляла бы собою величину постоянную и неизмѣнную. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, такого постоянства не существуетъ и потому степень обременительности того или другаго расхода ни одно сельское общество не можетъ установить на неопредѣленное время. Мало того, расходъ съ теченіемъ времени можетъ оказаться даже явно непосильнымъ для сельскаго общества и послѣднее въ силу вышеприведеннаго циркулярнаго распоряженія можетъ очутиться въ положеніи близкомъ къ безвыходному.

Какъ бы то ни было, но вмѣстѣ съ утратой различія между мірскими повинностями и при этомъ въ сторону обязательности всѣхъ мірскихъ повинностей, послѣднія несомнѣнно ложились все большимъ и большимъ обремененіемъ на каждое сельское общество.

Какъ велико бремя мірскихъ повинностей можно судить изъ того, что со включеніемъ расходовъ на волостное содержаніе, онѣ во многихъ мѣстностяхъ далеко превышаютъ собою совмѣстно взятые губернскій и уѣздный земскіе сборы. Этотъ тяжелый налогъ, какъ извѣстно, ложится исключительно на отведенные крестьянскимъ общинамъ надѣлы. Между тѣмъ, то опредѣленіе, которое было дано мірскимъ повинностямъ еще Положеніемъ 1861 года давно и явно устарѣло. Если мірскіе сборы тридцать лѣтъ тому назадъ дѣйствительно имѣли своимъ исключительнымъ назначеніемъ удовлетвореніе внутреннихъ потребностей одного сельскаго

общества, то далеко не такъ обстоитъ дѣло сейчасъ. Прежде всего, физіономія самой деревни значительно измѣнилась за эти тридцать лѣтъ; переставъ быть исключительно крестьянской, деревня получила характеръ почти столь же разносословный, какъ и городъ. Послѣднему значительно способствовало не только распаденіе дворянскаго землевладѣнія, но и практиковавшееся въ теченіи многихъ лѣтъ свободное отчужденіе подворныхъ четвертныхъ участковъ. Отсюда, на ряду съ членами поземельныхъ общинъ селились и личные собственники различныхъ наименованій и сословій. Деревня окрестила ихъ своеобразнымъ прозвищемъ «Свободныхъ Хлѣбопашцевъ». Не принадлежа къ составу сельскихъ обществъ, эти новые жители деревни, имѣющіе въ ней осѣдлость, недвижимую собственность и различныя промысловыя занятія, оставались совершенно свободными отъ всякого участія въ мірскихъ расходахъ и притомъ на тѣ предметы благоустройства, которыми они пользовались наравнѣ съ мѣстными крестьянами.

Сельское и волостное управленіе, содержимое исключительно на счетъ крестьянскихъ общинъ, оказываетъ имъ столь необходимую въ общежитіи охрану порядка, спокойствія и личной и имущественной безопасности. Народная школа, содержимая на счетъ того же мѣстнаго крестьянства, безплатно удовлетворяетъ ихъ нужды въ первоначальномъ просвѣщеніи дѣтей. Нечего и говорить, что религіозныя свои потребности они удовлетворяютъ въ мѣстной церкви, не принимая въ то же время никакого участія въ расходахъ по караулу и отопленію церковной сторожки. Картину этого привилегированнаго положенія можно дополнить еще тѣмъ, что гостепріимная деревня держитъ безплатный караулъ и безкорыстно охраняетъ ихъ поля отъ «саранчи, сусликовъ, овражковъ» и тому подобныхъ общественныхъ бѣдствій (5 и 7 пп. 179 ст. Общ. Полож. о Крест.).

Ненормальность этого порядка вещей слишкомъ очевидна.

Справедливость требуетъ привлеченія къ участію въ общественныхъ расходахъ всѣхъ лицъ, подвѣдомственныхъ волостному и сельскому управленію, если только эти лица владѣютъ въ предѣлахъ волости или селенія какимъ либо недвижимымъ имуществомъ.

Въ настоящее же время, какъ извѣстно, значительная часть сельской недвижимости совершенно свободна отъ какого бы то ни было сословнаго налога. Стоитъ только дворянской и крестьянской земли перейдти въ руки разночинца, или не приписаннаго къ мѣстной волости крестьянина, чтобы освободиться отъ всякихъ налоговъ не только сословныхъ, но и на мѣстныя нужды общественнаго благоустройства. Такимъ образомъ, и дворянство и крестьянство ежегодно выплачиваютъ значительную премію всякому случайному землевладѣнію.

Насколько въ то же время непосильны мірскіе сборы для крестьянъ можно видѣть изъ разсчета, произведеннаго Московскимъ земствомъ. Среднее сельское общество въ Московской губерніи имѣетъ всего около 57 дворовъ и около 80 работниковъ. Средній годовой бюджетъ общества не превышаетъ 107 рублей и эта ничтожная сумма обыкновенно поглощается расходами на содержаніе сельскаго управленія и полиціи».

Возможно ли при этихъ ничтожныхъ средствахъ выполненіе тѣхъ мірскихъ повинностей, которыя возложены на каждое сельское общество закономъ и въ дѣйствительности вызываются столь серьезными интересами общественнаго благоустройства, какъ поддержаніе церквей, заведеніе сельскихъ училищъ, содержаніе учителей и другіе многочисленные хозяйственные и общественные интересы цѣлой мѣстности. По разсчету того же Московскаго земства мірскаго сбора приходится въ среднемъ по 1 р. 87 коп. на дворъ и около 1 р. 34 коп. на каждаго работника. Не смотря на свою явную обременительность для плательщиковъ, этотъ сборъ все таки даетъ сумму ничтожную и во всякомъ слу-

чаѣ далеко недостаточную для достиженія тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ установленъ самый сборъ.

А самыя цѣли давно уже вышли изъ узкой и тѣсной сферы крестьянскихъ сословныхъ интересовъ и заключились въ болѣе широкихъ рамкахъ интересовъ цѣлой мѣстности.

Нагляднѣе всего это обстоятельство выступаетъ изъ дѣятельности исполнительныхъ органовъ крестьянскаго самоуправленія, значительная доля которой сводится къ исполненію всевозможныхъ порученій то земства, то суда, то различныхъ административныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, на долю чисто сословныхъ, крестьянскихъ интересовъ удѣляется всегда лишь самая незначительная часть этой дѣятельности.

Потерявъ въ этомъ смыслѣ свою самостоятельность, переставъ служить исключительно сословнымъ интересамъ, органы крестьянскаго самоуправленія стали бременемъ явно непосильнымъ для крестьянскихъ общинъ. Эта метаморфоза, постигшая крестьянское самоуправленіе, представляетъ собою совершенно естественное послѣдствіе мѣстнаго порядка управленія:

Задачи земства вполнѣ тождественны съ большинствомъ мірскихъ повинностей. И тѣ и другія, обнимая собою интересы отдѣльныхъ мѣстностей — исправленіе дорогъ, борьба съ общественными бѣдствіями, содержаніе школъ и т. п., тѣмъ самымъ исключаютъ сословный характеръ этой дѣятельности.

Не отрицая вовсе существованія особыхъ крестьянскихъ интересовъ, нельзя не указать на необходимость ограниченія ихъ болѣе тѣсными предѣлами крестьянской *поземельной общины.* Сельское же общество, согласно указаніямъ самой жизни, должно образовать первую земскую хозяйственно-административную единицу. Вслѣдствіе этого преобразованія не только сельское общество получило бы много лишней экономической и нравственной силы, въ которой оно такъ нуждается сейчасъ, но и земство получило бы возможность объединять и направлять разрозненныя силы отдѣльныхъ

мѣстностей. Въ существующей же разобщенности между земствомъ и интересами отдѣльныхъ мѣстностей и заключается основная причина практическаго безсилія современныхъ земскихъ учрежденій. Только преобразованіемъ сельскаго общества въ первичную земскую единицу или что тоже децентрализаціей земства, возможно было бы согласовать между собою цѣли, преслѣдуемыя сельскимъ обществомъ съ имѣющимися у него средствами. Очевидно, что вмѣстѣ съ этимъ отпала бы и всякая необходимость въ сохраненіи нынѣ существующей, крайне сложной и дорогой системы сословнаго, крестьянскаго самоуправленія.

Необходимость привлеченія къ платежу мірскихъ повинностей всѣхъ проживающихъ въ селеніяхъ постороннихъ лицъ, сознавалъ и «Земскій Отдѣлъ», какъ это видно изъ поставленныхъ имъ вопросовъ.

Непонятно только, какъ можно было обойдти молчаніемъ естественно возникающій при этомъ вопросъ о реорганизаціи существующаго крестьянскаго самоуправленія. На самомъ дѣлѣ, едва ли возможно согласовать со справедливостью привлеченіе къ участію въ мірскихъ расходахъ, не давъ въ то же время право участія въ общественныхъ дѣлахъ. Уклоняясь отъ этого давно назрѣвшаго вопроса «Земскій Отдѣлъ» все вниманіе свое сосредоточилъ на возможномъ упорядоченіи раскладки и расходованія мірскихъ сборовъ.

«Возможно ли упорядочить раскладку мірскихъ сборовъ въ отношеніи а) основаній ея -указаніемъ въ законѣ этихъ основаній и какія основанія должны быть въ такомъ случаѣ допускаемы (земля, наличныя души, работники, рабочій скотъ и т. п.)? и б) времени производства и т. д.

Раскладка мірскихъ сборовъ въ настоящее время чаще всего производится на землю, то есть пропорціонально надѣламъ, по числу окладныхъ душъ. Незначительныя исключенія допускаются въ пользу тѣхъ повинностей, которыя по самому существу своему требуютъ раскладки на дворы.

Таковъ, напримѣръ, расходъ на наемъ сторожа къ пожарному обозу. Предполагая, что трудъ этого сторожа про-

порціоналенъ числу дворовъ, раскладка его жалованья производится на дворы. Наличныя души, работники, скотъ и т. п. едва ли могутъ быть приняты за постоянныя, закономъ установленныя, основанія для раскладки, какъ факторы крайне перемѣнчивые. Крестьяне въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ этимъ основаніямъ. Вообще, въ этой области крестьянскаго самоуправленія, какъ показалъ многолѣтній опытъ, должна быть предоставлена полная свобода сельскому обществу, которое, сообразуясь съ мѣстными условіями, само всегда найдетъ самый удобный и справедливый способъ раскладки: Лучше всего это доказывается тѣмъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ надѣлы не выдерживаютъ выкупнаго платежа, тамъ общество само ищетъ побочныхъ основаній для раскладки. Отсутствіе жалобъ на раскладку, жалобъ вполнѣ возможныхъ съ введеніемъ реформы Земскихъ Начальниковъ, служитъ также лучшимъ оправданіемъ существующаго порядка вещей. Между тѣмъ, съ установленіемъ обязательныхъ въ законѣ основаній для раскладки такія жалобы непремѣнно должны возникнуть, что само по себѣ не можетъ быть желательно.

Предусмотрѣть всѣ мѣстныя условія невозможно, а, стѣснивъ жизнь, излишняя регламентація и здѣсь, какъ и вездѣ, принесетъ лишь одинъ вредъ. Не надо забывать также, что раскладка во многихъ сельскихъ обществахъ сообразована съ извѣстнымъ пользованіемъ общественными угодьями. Поэтому *ввести обязательныя основанія для раскладки, это значитъ стѣснить крестьянъ по распоряженію общественной землей.*

Вообще насколько сложны и разнообразны хозяйственныя условія разныхъ мѣстъ, настолько же разнообразны должны быть и способы приспособляемости къ этимъ условіямъ. Въ одномъ случаѣ сельскій сходъ сообразуется при раскладкѣ съ качествомъ земли, въ другомъ съ рабочей способностью двора, въ третьемъ играютъ роль промысловыя занятія и т. п. Поэтому никакая однообразная система не удовлетворитъ требованію справедливой уравнительности.

Опытъ показываетъ, что, при распредѣленіи мірскихъ повинностей, міръ нерѣдко обнаруживаетъ столько же сообразительности, какъ и при раздѣлѣ мірскихъ земель, «чтобы никому не было обидно».

На неправильность раскладокъ нѣтъ жалобъ и въ сводѣ губернскихъ совѣщаній. По словамъ Саратовскаго совѣщанія, раскладка мірскихъ сборовъ «представляется справедливой, пока она касается общества, земельныя паевыя доли въ которомъ одинаковы для каждаго домохозяина» *). Несправедливость раскладки, по словамъ того же совѣщанія, обнаруживается лишь въ примѣненіи «къ такимъ административнымъ единицамъ, какъ волость или общество, состоящее изъ нѣсколькихъ общинъ, владѣющихъ разнымъ количествомъ земли» **).

Вопросъ сводится, такимъ образомъ, опять къ существованію искусственно образованныхъ единицъ крестьянскаго самоуправленія, отъ которыхъ, конечно, трудно и ожидать какой либо справедливости. Въ той же мѣрѣ, если не больше, стѣснительно было бы «установленіе въ законѣ требованія о составленіи смѣтъ мірскихъ расходовъ на извѣстный заранѣе опредѣленный срокъ. Подобная мѣра дѣйствительно бы потребовала предположенное Земскимъ Отдѣломъ» раздѣленіе расходовъ на временные и постоянные. Между тѣмъ, провести рѣзкую границу между тѣми и другими едва ли возможно; лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить та метаморфоза, которая произошла съ необязательными повинностями. Принявъ же, кромѣ того, во вниманіе неразвитость сельскихъ должностныхъ лицъ и малограмотность сельскихъ писарей, легко будетъ представить себѣ ту путаницу, которая неизбѣжно возникнетъ изъ предполагаемаго раздѣленія расходовъ. Обращаясь къ порядку и времени производства мірскихъ сборовъ, нетрудно видѣть, что порядокъ этотъ въ достаточной степени опредѣленъ

*) Томъ II, стр. 577.

**) Тамъ же.

172 ст. «О. П. о крест.». И если за всѣмъ тѣмъ случается, что «на долю мірскихъ сборовъ приходится весьма малыя суммы, а иногда *одни только недоимки»* *), то причину этого надо искать не въ спеціальныхъ законахъ о крестьянахъ, какъ это дѣлаетъ почтенное совѣщаніе, а въ неудовлетворительности общаго распорядка взиманія казенныхъ и земскихъ сборовъ **). На самомъ дѣлѣ, если не соблюдается требованіе закона, по которому мірскіе сборы пополняются «*прежде всего*», то, спрашивается, чѣмъ же можетъ быть гарантировано выполненіе болѣе мягкаго требованія о пропорціональномъ расчисленіи всѣхъ сборовъ?

Въ той же мѣрѣ порядокъ взиманія и храненія мірскихъ сборовъ совершенно достаточно обусловленъ 32 ст. Полож. о Зем. Нач. Предоставляя его опредѣленіе самодѣятельности сельскаго самоуправленія, надъ контролемъ мѣстнаго съѣзда, существующій законъ даетъ возможность приспособлять этотъ порядокъ къ мѣстнымъ условіямъ. То есть даетъ тѣ выгоды приспособляемости, которыхъ никогда нельзя ожидать отъ всегда однообразной по самой природѣ своей регламентаціи.

Такъ напримѣръ, если волость образуется изъ мелкихъ и удаленныхъ отъ города поселковъ, то несомнѣнно гораздо выгоднѣе всѣ сдачи сосредоточить въ мѣстномъ волостномъ правленіи, такъ какъ самостоятельныя въ этомъ случаѣ посылки сборщиковъ для взноса въ казначейство выразятся въ очень тяжелой для крестьянъ подводной повинности. Понятно, что при другихъ размѣрахъ сельскихъ обществъ и при иномъ ихъ расположеніи по отношенію къ городу и своему Правленію вышеописанный способъ сдачи можетъ оказаться и неудобнымъ.

Но въ этомъ то, какъ это уже было сказано, и заключаются выгоды существующаго порядка, что онъ даетъ возможность сообразоваться со всѣми мѣстными условіями.

---

*) Псковск. совѣщ. Т. II, стр. 572.

**) См. слѣд. статью «Податная неурядица».

Обращаясь къ вопросу «Земскаго Отдѣла» объ утвержденіи мірскихъ расходовъ нельзя прежде всего не указать на явную стѣснительность для крестьянъ подобнаго предварительнаго утвержденія. Возлагая на земскаго начальника утвержденіе приговоровъ сельскихъ сходовъ, относящихся до расходованія мірскихъ *капиталовъ*, «Положеніе о Земск. Нач.» расходованія мірскихъ *сборовъ* предоставляетъ самостоятельному распоряженію сельскихъ сходовъ, подчиняя ихъ общему порядку, предусмотрѣнному 30 и 31 ст. того же положенія. То есть ихъ дѣйствія могутъ быть пріостановлены лишь въ томъ случаѣ, если они «клонятся къ явному ущербу сельскаго общества или нарушаютъ права его отдѣльныхъ членовъ» и т. д. Превосходство этого надзора передъ обязательнымъ на всякій разъ утвержденіемъ въ томъ, что онъ не *долженъ* стѣснять дѣятельности сельскаго самоуправленія, пока она закономѣрна.

Но считая болѣе чѣмъ достаточнымъ тотъ контроль, который существуетъ надъ мірскими суммами, нельзя не указать на нѣкоторые пробѣлы крестьянскаго законодательства. Такъ напримѣръ, извѣстно, что «О. П.» вовсе не предусматриваетъ той формы, въ которой могло бы выразиться соглашеніе нѣсколькихъ селеній для достиженія какой либо опредѣленной цѣли, вытекающей изъ общихъ имъ всѣмъ интересовъ. Поэтому Правительствующимъ Сенатомъ было разъяснено, что вопросъ о силѣ и обязательности для крестьянъ приговора нѣсколькихъ селеній о постройкѣ училища не подлежитъ обсужденію крестьянскихъ учрежденій (У. П. С. 1883 г. № 1128). Между тѣмъ значительная часть не только необязательныхъ, какъ поддержаніе церквей, но даже и обязательныхъ повинностей, какъ, напримѣръ, борьба съ пожарами, во многихъ случаяхъ отбываются соединенными усиліями нѣсколькихъ селеній. Выражаясь въ формѣ соединенныхъ приговоровъ, эта дѣятельность крестьянскаго самоуправленія въ настоящее время не получаетъ никакой охраны со стороны законовъ.

Другимъ не менѣе важнымъ нарушеніемъ принципа над-

зора за расходованіемъ мірскихъ суммъ и капиталовъ является лишеніе земскаго начальника права протеста на рѣшенія судебныхъ мѣстъ, по дѣламъ, затрагивающимъ интересы сельскихъ обществъ. На самомъ дѣлѣ, по буквальному смыслу 20 ст. врем. прав. о волост. судѣ, власть этого должностнаго лица, по отношенію къ неправосуднымъ рѣшеніямъ, распространяется только на уголовныя дѣла. Отсюда, мірской расходъ, не получившій бы утвержденія въ извѣстномъ строго установленномъ порядкѣ, нерѣдко получаетъ санкцію со стороны судебнаго рѣшенія волостнаго суда. Такимъ образомъ, путемъ мировой сдѣлки, заключенной съ повѣреннымъ сельскаго общества, становится возможной даже эксплуатація общественныхъ оброчныхъ статей внѣ порядка установленнаго въ законѣ (ст. 54 О. П.), причемъ сельское общество можетъ даже и не знать о дѣйствіяхъ своего повѣреннаго, за отсутствіемъ въ законѣ требованія о необходимости спеціальнаго уполномочія на каждое судебное дѣло.

Въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ, путемъ подобнаго судебнаго рѣшенія, на сельское общество былъ переложенъ штрафъ, наложенный по постановленію земскаго начальника на сельскаго старосту. Несомнѣнно, что положеніе безучастнаго свидѣтеля ко всѣмъ рѣшеніямъ, нарушающимъ общественный интересъ, вовсе не согласуется съ другими правами и обязанностями земскаго начальника.

Какъ ни существенны сами по себѣ всѣ перечисленныя упущенія дѣйствующаго законодательства о мірскихъ повинностяхъ, тѣмъ не менѣе положительно невозможно ограничиться одними частными передѣлками и исправленіями. Вопросъ о мірскихъ повинностяхъ долженъ быть поставленъ гораздо шире, а правильное разрѣшеніе его немыслимо безъ того, чтобы одновременно не затронуть вопроса о реорганизаціи не только сельскаго устройства, но и всего мѣстнаго управленія.

Податная неурядица.

Когда я пишу эти строки, передо мною лежитъ опись имущества недоимщиковъ, произведенная волостнымъ старшиной по приказанію начальства. Позволю себѣ привести изъ этой описи нѣсколько не лишенныхъ поучительности примѣровъ.

Стефанъ Ивановъ Мининъ.

Семейство—6 душъ; 1 работникъ.
Имущества, кромѣ хаты, ничего нѣтъ.
Земли 11¹/₁₀ десятины—недоимки 215 руб. 7 коп.
Землю часть раздаетъ.

Вдова Анна Федотова Мишина.

Семейство 8 душъ. работниковъ нѣтъ.
Имущества, кромѣ хаты, -нѣтъ.
Земли 3⁴/₁₀ десятины—недоимки 114 руб. 76 коп.

Денисъ Ивановъ Гриневъ.

Семейство—3 души; 1 работникъ.
Имущества кромѣ хаты:
Корова рыжая--18 рублей.
Земли 5⁶/₁₀ десятины. недоимки 116 руб. 96 коп.
Землю сѣетъ самъ.

Вникните въ смыслъ этой короткой фразы «землю сѣетъ самъ» и подивитесь героизму этого никому неизвѣстнаго

Гринева, страдающаго «безлошадіемъ», этой особой крестьянской болѣзнью, какъ сказалъ гдѣ-то Боборыкинъ.

Сергѣй Тарасовъ Зотинъ.

Семейство живетъ въ Ростовѣ.

Строеніе его: изба—порожняя, оцѣнена въ 14 рублей.

Амбарчикъ—6 рублей.

Подать не платитъ.

Земли—3⁷/₁₀ десят.—недоимки 23 руб. 97 коп.

Семейство Зотина живетъ въ Ростовѣ и «строеніе» его изба, какъ выразился старшина, стоитъ порожняя. Очевидно, что Зотинъ свою землю бросилъ и въ этомъ смыслѣ съ крестьянской точки зрѣнія обнаружилъ «слабость». Сравнивъ однако количество земли и недоимки съ примѣромъ предъидущимъ, нетрудно видѣть, что при количествѣ земли вдвое меньшемъ онъ запустилъ недоимки въ семь разъ меньше. Слѣдовательно, «слабый» Зотинъ въ свое время принесъ на алтарь отечества гораздо больше жертвъ, чѣмъ даже героическій Денисъ Ивановъ Гриневъ. Неумолимыя цифры свидѣтельствуютъ о долгой и упорной борьбѣ, которую онъ вынесъ, прежде чѣмъ бросилъ свою хатенку, въ дѣйствительности кучу оскоревыхъ гнилушекъ, негодныхъ даже на дрова... Но продолжаю:

Иванъ Ивановъ Богдановъ.

Умершій, семейства нѣтъ.

Земли—1⁶/₁₀ десят.—недоимки 70 руб. 55 коп.

Землю зря, кто попало, тотъ и пашетъ.

Иванъ Васильевъ Косаровъ.

Семейство его 5 душъ; 1 работникъ.

Лошадь,—кобыла гнѣдая	15	руб.
Корова рыжая	12	»
Телушка—году	1	
2 овцы	3	»
4 гуся	2	

Земли $14^{8}/_{10}$ десят.- недоимки 132 руб. 58 коп.

Но Косаровъ пьяница, добровольно никогда не уплатитъ».

И т. д. и т. д.

Здѣсь ничего не упущено, начиная съ масти скотины и кончая нравственною характеристикой ея хозяина. Отмѣтки вродѣ: но Косаровъ пьяница, добровольно никогда не уплатитъ попадаются рѣдко, и указываютъ на горячую, если не наивную, вѣру старшины въ личныя качества плательщика. Бываютъ случаи, гдѣ при всѣхъ высокихъ качествахъ недоимщиковъ едва-ли возможно разсчитывать на уплату не только добровольно, но даже съ побужденіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли помочь послѣднее при условіи, что недоимка превысила номинальную стоимость имущества крестьянскаго двора, считая въ томъ числѣ и землю? Въ примѣненіи къ этимъ случаямъ безсиленъ даже и новый законъ, при всей его заботливости, дошедшей, какъ извѣстно, до того, что законодатель впервые ограничилъ степень льготы въ обратномъ фискальному интересу смыслѣ, разрѣшивъ разсрочку не только безъ ограниченія суммы и времени, но и съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ежегодные на погашеніе недоимки взносы не превосходили одного годоваго оклада выкупныхъ по сему обществу платежей.

Ясно, что законъ ограничиваетъ лишь низшую, а не высшую степень возможной льготы. Это, кажется, первый примѣръ среди законовъ фиска. Давая вмѣстѣ съ тѣмъ полный просторъ ходатайствамъ по отсрочкѣ недоимокъ и въ силу этого правительственнымъ изслѣдованіямъ платежной способности населенія, новый законъ даетъ возможность собрать массу полезнаго матеріала — по этому серьезному вопросу.

Какъ ни малъ и ни ограниченъ раіонъ (одна волость), изъ котораго приходится брать примѣры недоимочной задолженности населенія, тѣмъ не менѣе и этихъ примѣровъ

достаточно, чтобы навести на серьезныя размышленія. Возьмемъ хотя бы такой примѣръ: на 1, 6 десятины накопилось 70 рублей недоимки. Человѣку, только теоретически знакомому съ «Положеніемъ о крестьянахъ», трудно даже представить себѣ, какъ могло имѣть мѣсто такое безпрепятственное накопленіе недоимокъ, при той массѣ опредѣляющихъ порядокъ ихъ взысканія статей, изъ которыхъ одна строже другой. Позволю себѣ ихъ перечислить вкратцѣ, а именно: Статья 188 общ. полож. о крест. предоставляетъ обществу по цѣлымъ шести пунктамъ всемогущую власть не только надъ имуществомъ, но и надъ животомъ недоимщика и его присныхъ: «отдать его или кого-либо изъ членовъ его семьи въ заработки, назначить къ нему опекуна, подвергнуть, отобрать », вотъ въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ рисуетъ законъ власть общества надъ недоимщикомъ. Но и надъ всесильнымъ обществомъ виситъ Дамокловъ мечъ въ лицѣ статей послѣдующихъ, начиная съ статьи 189 того же положенія, по которой, «за употребленными безуспѣшно мѣрами, недоимка раскладывается на все общество, и должна быть непремѣнно очищена до 15-го января слѣдующаго года», и кончая статьей 191, гласящей объ очищеніи недоимки мѣрами полиціи.

Таковъ порядокъ исправнаго выполненія крестьянами казенныхъ и мірскихъ повинностей, обезпеченнаго по статьѣ 187 того же положенія, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ пользованіи, круговою порукой общества за каждаго изъ своихъ членовъ. Независимо отъ этого, положеніе о выкупѣ въ свою очередь опредѣляетъ цѣлый рядъ мѣръ по взысканію выкупныхъ платежей.

Я не стану повторяться и скажу лишь, что тонъ соотвѣтствующихъ статей выкупнаго положенія не менѣе рѣшителенъ, причемъ начальству, при подворномъ пользованіи, предоставляется даже право подвергнуть публичной продажѣ и самый надѣлъ неисправнаго плательщика (ст. 135 полож. о выкупѣ). Положительно непостижимо, какъ при такомъ богатомъ арсеналѣ всевозможныхъ средствъ, при такой гро-

мадной отвѣтственности общества за своихъ членовъ, могла безпрепятственно накопляться недоимка, превысившая, наконецъ, самую цѣнность земли, которую въ то же время «зря, кто попало, тотъ и пашетъ». Секретъ между тѣмъ очень простъ.

Строгія и предусмотрительныя статьи въ дѣйствительности не только не соблюдались, но даже и не проникали въ сознаніе общества, мало интересовавшагося поэтому судьбой своихъ членовъ и накоплявшимися за ними недоимками. Я не хочу этимъ сказать, чтобы крестьянское общество, напримѣръ, вовсе не вѣдало о своей круговой порукѣ. Я говорю только, что, ненаправляемое, неосвѣщаемое въ должной степени, это смутное сознаніе круговой поруки толкало общество лишь въ самомъ одностороннемъ и эгоистическомъ направленіи. Такъ напр., при выдачѣ пособій въ голодный годъ, оно заставляло состоятельныхъ крестьянъ скрывать свое имущество, съ разсчетомъ, что если придется платить за неисправныхъ односельцевъ, то ужъ лучше и себѣ взять что-нибудь. Такимъ образомъ, понятіе о круговой порукѣ не возвышалось до сознанія о вредѣ и опасности большей задолженности и связанной съ нею большей отвѣтственности.

Въ этомъ, конечно, отчасти виновата та власть, которую законодатель поставилъ въ прямое соприкосновеніе съ народомъ, вручивъ ей почти исключительно интересы фиска.

Извѣстно, что все дѣло взысканія повинностей, за исключеніемъ періодическихъ наѣздовъ становаго съ его разорительными и неразборчивыми пріемами, въ теченіи многихъ лѣтъ ограничивалось такими-же наѣздами исправника съ его общимъ неопредѣленнымъ возгласомъ: «дай недоимку»,— возгласомъ, оканчивавшимся обыкновенной отсидкой подъ арестомъ старостъ и сборщиковъ. «Отсидѣть за подати»— вотъ выраженіе столь же понятное въ деревнѣ, какъ съѣсть и выпить.

За отсидку старостѣ и сборщику міръ изъ своего и безъ того скуднаго бюджета собиралъ извѣстную сумму, глядя по

разстоянію отъ города и числу сутокъ сидѣнія, и тѣмъ дѣло и кончалось. Исправникъ уѣзжалъ, староста и сборщикъ «отсидѣли», а десятину недоимщика, который и самъ то давно исчезъ, кто хочетъ, тотъ и пашетъ.

И это въ лучшемъ случаѣ. Гораздо хуже, когда староста, озлобленный наказаніемъ, но не получивъ разъясненія, за что именно онъ наказанъ и съ кого слѣдовало взыскать изъ подвѣдомственныхъ ему домохозяевъ, всѣ усилія обращалъ на самыхъ слабыхъ и безгласныхъ на сходѣ (вдовъ, одинокихъ и т. п.) и этимъ окончательно подрывалъ ихъ и безъ того разстроенное хозяйство.

Легко провѣрить справедливость сказаннаго.

Открывъ податную тетрадь любаго сельскаго общества, можно замѣтить во многихъ случаяхъ не только поразительную податную исправность вдовъ и одинокихъ, но и вообще несоотвѣтствіе между поступленіемъ денежныхъ сборовъ и платежною способностью крестьянскаго двора. Намъ случалось говорить по этому поводу съ сельскими властями и слышать въ оправданіе такого страннаго образа дѣйствій весьма любопытный аргументъ: «помилуйте, да енъ («богатый») во всякъ моментъ заплатитъ, съ его во всякъ часъ я могу взять». На сколько убѣдителенъ этотъ доводъ, предоставляю судить читателю, скажу лишь, что послѣдствіемъ такого разсужденія является то, что зачастую можно встрѣтить на богатомъ большія недоимки и рядомъ бѣдняка, очищающаго безнедоимочно свой окладъ.

Мы встрѣчали богачей, продавшихъ въ голодный годъ свои запасы стараго хлѣба по баснословной цѣнѣ, чуть не на тысячи рублей, и вмѣстѣ съ тѣмъ накопившихъ за тотъ же годъ большія недоимки.

Таковъ порядокъ взысканія податей въ нашихъ деревняхъ: характеризовать этотъ порядокъ можно такъ: отсутствіе на мѣстѣ всякаго контроля за денежными сборами и потому многолѣтнія злоупотребленія сельскаго и волостнаго начальства, неаккуратное и небрежное веденіе, иногда просто по неграмотности, податныхъ тетрадей, включительно до не-

правильнаго перенесенія итоговъ по податнымъ книгамъ изъ года въ годъ, ежегодныя и почти никогда не пополнявшіяся растраты со стороны сборщиковъ податей (пропади онъ пропадомъ, говорятъ крестьяне, не тягаться же съ нимъ въ окружномъ судѣ!) и, наконецъ, полное несоблюденіе спеціальныхъ узаконеній объ отчужденіи и раздробленіи невыкупленныхъ еще подворныхъ участковъ, то-есть именно тѣхъ узаконеній, которыя и имѣли цѣлью, насколько возможно обезпечить интересы фиска при переходѣ участковъ подворнаго владѣнія изъ однихъ рукъ въ другія.

Разберемся въ каждомъ изъ этихъ положеній отдѣльно.

Насколько удалось на практикѣ обезпечить интересы фиска при отчужденіи подворныхъ участковъ, можно видѣть изъ того любопытнаго явленія, которое я назову фиктивною податною клѣткою.

Фиктивная клѣтка по наружности ничѣмъ не отличается отъ настоящей, такъ какъ въ ней также, какъ и въ настоящей, обозначены домохозяинъ, размѣръ его подворнаго участка и количество состоящей за нимъ недоимки и текущаго оклада платежей; разнится же такая клѣтка отъ настоящей тѣмъ, что ни владѣльца, ни его участка въ дѣйствительности уже не существуетъ: владѣлецъ, передавъ свой участокъ, иногда въ разныя руки и по частямъ, давно уже выбылъ изъ села и зачастую находится въ безвѣстной отлучкѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, какъ скажутъ вамъ въ деревнѣ весьма неопредѣленно:—«на низахъ», то есть на югѣ. Такъ обстоитъ дѣло по отношенію къ старому владѣльцу; но и новыхъ владѣльцевъ, по давности отчужденія и значительной раздробленности подворнаго участка, найти не всегда возможно. Такъ и переносится эта фиктивная податная клѣтка изъ податной книги одного года въ другой, съ перечисленіемъ прошлогодняго оклада въ недоимку, которая на этихъ клѣткахъ, наростая изъ года въ годъ, достигаетъ иногда поистинѣ баснословныхъ размѣровъ. Обнаружить такую клѣтку по ея обманчивой внѣшности не такъ-то легко, и возможно лишь путемъ внимательнаго осмотра по-

датной книги и тщательныхъ разспросовъ и изслѣдованій на мѣстѣ, а такъ какъ этой обязанности никто изъ должностныхъ лицъ уѣзднаго управленія никогда за собою не сознавалъ, то такія клѣтки преспокойно существуютъ и поднесь почти во всякомъ обществѣ четвертныхъ владѣльцевъ. Я привелъ сейчасъ, если можно такъ выразиться, самый яркій типъ фиктивной клѣтки, встрѣчающійся обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ подворнаго участка бросилъ таковой на произволъ судьбы, либо отчудилъ на слово, или подомашней сдѣлкѣ; но бывало и такъ, что, отчудивъ значительную часть подворнаго участка по крѣпостнымъ документамъ (добровольно или съ торговъ), владѣлецъ всю числившуюся за нимъ недоимку переводилъ на оставшійся у него клочекъ земли. Въ такомъ случаѣ можно встрѣтить нѣсколько сотъ рублей недоимки на какомъ нибудь «осьминникѣ» негодной по своему качеству земли.

Герои подобныхъ клѣтокъ иногда преблагополучно живутъ въ деревнѣ, защищенные отъ всякихъ взысканій надежной броней своей полной несостоятельности. Такого рода клѣтка, представляя изъ себя плодъ хроническихъ злоупотребленій волостнаго начальства при выдачѣ удостовѣреній о количествѣ недоимокъ на отчуждавшемся участкѣ, лежитъ тяжелымъ бременемъ на каждомъ сельскомъ обществѣ четвертнаго пользованія.

Сверхъ того, несоблюденіе цѣлой серіи узаконеній по отчужденію и раздробленію участковъ четвертной земли создало почти въ каждомъ обществѣ особый классъ такъ называемыхъ «постороннихъ владѣльцевъ». Эти владѣльцы настоящій бичь общества: живя иногда весьма далеко, зачастую непринадлежа даже къ крестьянскому сословію, они совершенно ускользаютъ отъ взысканій; среди этихъ владѣльцевъ можно встрѣтить весьма пеструю группу чиновныхъ лицъ, тогда какъ ст. полож. о выкупѣ гласятъ, какъ извѣстно, весьма скромно: если крестьянинъ не уплатитъ и т. д. Сознавая какъ бы свою неуловимость, эти господа

представляютъ изъ себя самый упорный классъ недоимщиковъ.

Бездѣятельность властей, по отношенію къ владѣльцамъ этой категоріи, тѣмъ болѣе непростительна, что принадлежащіе имъ участки земли не служатъ средствомъ къ прокормленію. Обыкновенный типъ пользованія землей—это сдача въ аренду за безцѣнокъ съ полученіемъ всѣхъ денегъ впередъ во избѣжаніе платежа повинностей.

Участки эти безусловно должны служить первой мишенью для взысканій и здѣсь нѣтъ почвы для снисхожденія.

Своевременнымъ и строгимъ примѣненіемъ ст. 135 положенія о выкупѣ, т. е. продажей за недоимки съ публичнаго торга, можно было бы не только устранить дурной примѣръ, который подаютъ крестьянамъ эти посторонніе всякому платежу владѣльцы и выручить довольно изрядную сумму, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вернуть крестьянамъ незаконно отчужденныя отъ нихъ земли.

Я не буду останавливаться подробно на злѣ, происходящемъ отъ неграмотности сельскихъ должностныхъ лицъ, которымъ поручено веденіе счетоводства по сбору податей, такъ какъ таковое само по себѣ понятно: по той же причинѣ, не буду останавливаться на вредѣ причиненномъ непополнявшимися растратами собранныхъ уже денегъ, по затруднительности для крестьянъ веденія дѣлъ въ окружныхъ судахъ; я остановлюсь на одной изъ главныхъ причинъ податной неурядицы, а именно: на прямомъ участіи чиновъ полиціи въ многосложной запутанности податнаго счетоводства, бывающей почти въ каждомъ обществѣ. Я говорю о постоянно практикуемомъ полиціей произвольномъ перемѣщеніи одной категоріи платежей въ другую не согласно съ поступленіемъ ихъ въ обществѣ.

Перемѣщеніе это, вызванное различною заинтересованностью полиціи въ исправномъ поступленіи тѣхъ или другихъ сборовъ, практикуется весьма просто: привезъ, напримѣръ, сборщикъ уѣздный земскій сборъ, а исправнику по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, нужно пополнить, до-

пустимъ, выкупной платежъ,—и безъ дальнихъ околичностей рвется написанная въ волости и привезенная сборщикомъ «рапортичка» на земскій сборъ, пишется другая на выкупной платежъ, и дѣлу конецъ. Какъ это ни странно, но полиція, которой почти единолично поручено все дѣло взысканія повинностей, не отвѣчаетъ за правильность податнаго счетоводства на мѣстѣ и потому нисколько не заинтересована въ томъ, что отъ учиненнаго ею перемѣщенія въ обществѣ нарушилось равновѣсіе между различными платежами, и что счетъ таковыхъ уже не соотвѣтствуетъ казначейской вѣдомости. Такого рода пріемами нарушаются самые существенные интересы какъ общества, такъ и отдѣльныхъ его домохозяевъ.

Различнаго рода платежи влекутъ за собой и совершенно различную для общества отвѣтственность: такъ, за исправное поступленіе земскаго сбора, общество, и при подворномъ пользованіи отвѣчаетъ за своихъ членовъ круговою порукой (187 ст. общ. полож. о крест.), тогда какъ за недоимку выкупного платежа при этой формѣ земельнаго владѣнія отвѣчаетъ самый подворный участокъ, который и можетъ быть проданъ на погашеніе (этой) недоимки именно этого рода (135 ст. полож. о выкупѣ). Поэтому перемѣщеніе земскаго сбора въ выкупной платежъ, въ исправномъ поступленіи котораго заинтересовано въ этомъ случаѣ не общество, а отдѣльные домохозяева, явно нарушаетъ общественные интересы и не можетъ быть терпимо съ законной точки зрѣнія. Но этого мало, помимо нарушенія интересовъ общества, такое противозаконное перечисленіе однихъ платежей въ другіе влечетъ за собою также и лишеніе наиболѣе нуждающихся тѣхъ облегченій и милостей, которыя періодически даруются населенію Высочайшею Всемилостивѣйшею Властью.

Такъ напримѣръ, недоимки подушной подати, хотя и были сложены Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 1887 года, но въ виду того, что подушная подать ревниво пополнялась полиціей изъ другихъ сборовъ (преимущественно земскихъ) за счетъ болѣе исправныхъ плательщиковъ по вышеописан-

ному способу, то недоимокъ этой подати за каждымъ обществомъ по счетамъ казначейства ко дню манифеста числилось сравнительно ничтожное количество, тогда какъ на самомъ дѣлѣ за отдѣльными недоимщиками, особо обремененными числомъ платныхъ душъ, таковой недоимки осталось еще достаточно и числится она по днесь. Это легко доказать, просматривая податную тетрадь любаго общества и разспрашивая крестьянъ о тѣхъ недоимкахъ, которыя явно несоразмѣрны съ количествомъ земли. Взять хотя бы уже приведенный нами примѣръ накопленія 70 рублей долга на 1,6 дес.; вѣдь явно несообразно, чтобы на 1,6 дес. могло накопиться до 70 руб. 55 коп. какихъ бы то ни было повинностей, кромѣ подушной подати, такъ какъ это равносильно было бы предположенію, что злосчастный собственникъ этой земли не платилъ ни копѣйки съ самаго освобожденія крестьянъ. Конечно этого не могло быть, и дѣло объясняется гораздо проще: у владѣльца было четыре ревизскихъ платныхъ души, за которыя платить онъ исправно былъ не въ состояніи; а такъ какъ за него по распоряженію полиціи вносилось изъ другихъ сборовъ, то по казначейству этой недоимки подушной подати ко дню манифеста не значилось, и потому Высочайшая милость не коснулась наиболѣе нуждавшагося въ ней бѣдняка.

До чего доходитъ по всѣмъ вышеприведеннымъ причинамъ путаница податнаго счетоводства, можетъ служить слѣдующій примѣръ: мнѣ извѣстно село, за которымъ числится 40 тысячъ недоимки и въ томъ числѣ 16 тысячъ безъизвѣстной, т. е. иначе: въ обществѣ неизвѣстно за кѣмъ изъ домохозяевъ таковая состоитъ.

Понятно, что вышеприведенный примѣръ и при существующемъ порядкѣ представляетъ изъ себя не совсѣмъ зауряднoе явленіе; но какъ слѣдствіе причинъ, хотя и особо неблагопріятно сложившихся, но дѣйствующихъ повсемѣстно, онъ позволяетъ судить и объ общемъ положеніи вещей.

Насколько сказанное нами справедливо, можно хорошо видѣть изъ того любопытнаго факта, что когда съ изданіемъ

новаго закона мѣстная казенная палата обратилась съ запросами къ волостнымъ правленіямъ: сколько за каждымъ изъ подворныхъ владѣльцевъ числится отдѣльно недоимки выкупнаго платежа, то волостныя правленія, за неимѣніемъ такихъ свѣдѣній, стали, что называется, въ тупикъ.

Къ счастію эти учрежденія крестьянскаго самоуправленія видали и не такіе виды, и потому скоро нашлись какъ выйти съ честью изъ этого затруднительнаго положенія. А именно: общую сумму недоимки каждаго домохозяина разбили на части соотвѣтственно процентному отношенію недоимки каждаго отдѣльнаго сбора по цѣлому обществу къ общей суммѣ таковыхъ въ окладномъ листѣ, и такимъ образомъ высчитали, между прочимъ, и недоимки выкупнаго платежа въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. По этому разсчету, произведенному волостнымъ писаремъ, расписали недоимки въ каждомъ волостномъ правленіи и благополучно отписали по начальству. Всѣ суммы отдѣльныхъ недоимокъ по каждому сбору блистательно сошлись съ таковыми же по окладнымъ листамъ и потому обнаружить искусственность этого разсчета не было никакой возможности, но какое значеніе имѣютъ такія свѣдѣнія и какія соображенія можно на нихъ построить,—это другой вопросъ.

Вообще, излишняя спеціализація различныхъ сборовъ, съ установленіемъ различныхъ порядковъ ихъ взысканія, далеко не соотвѣтствуетъ наличнымъ силамъ полуграмотной сельской администраціи, и потому служитъ одною изъ немаловажныхъ причинъ податной неурядицы въ каждомъ обществѣ.

Этой спеціализаціи едва ли есть и достаточное основаніе со времени причисленія всѣхъ счетовъ по выкупной операціи къ общимъ рессурсамъ государства. Одновременно съ таковымъ причисленіемъ слѣдовало бы упразднить и особый порядокъ взысканія выкупныхъ платежей, что повлекло бы за собою весьма значительное упрощеніе въ этомъ дѣлѣ, упрощеніе столь необходимое при условіи повальной неграмотности сельскихъ должностныхъ лицъ.

Упрощеніе это, соотвѣтствуя дѣйствительности и силамъ сельскаго самоуправленія (все равно никто на мѣстѣ не ведетъ этихъ счетовъ отдѣльно, какъ того требуетъ законъ), уничтожило бы по крайней мѣрѣ тѣ вредныя послѣдствія, причиной которыхъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ съ подушной податью, была эта мнимая раздѣльность платежей.

Какъ бы то ни было, помимо другихъ причинъ накопленія недоимокъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, въ значительной ихъ долѣ виновата какъ податная неурядица, такъ и та власть, которой было поручено дѣло взысканія повинностей.

Бездѣятельность этой власти выразилась въ томъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ (болѣе тридцати) она не озаботилась освоить общество съ его правами и обязанностями, отчего одна изъ основныхъ мыслей Положенія о крестьянахъ, о дарованіи каждому обществу самодѣятельности въ этомъ серьезномъ дѣлѣ, осталась на практикѣ не осуществившеюся: многія общества даже до сихъ поръ не знаютъ своихъ обязанностей и правъ въ дѣлѣ взысканія повинностей. Бездѣятельность этой власти была такъ велика, что она ни разу не заглянула со вниманіемъ въ податныя тетради и не вникла во внутреній распорядокъ общества по разложенію повинностей.

Скажутъ, что она была лишена всякой власти въ этомъ отношеніи. Пусть такъ, но это все таки не мѣшало ей возбуждать эти вопросы въ упраздненномъ нынѣ крестьянскомъ присутствіи, въ которомъ глава уѣздной полиціи былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ видныхъ членомъ; такого рода отношенія къ дѣлу только разоряло населеніе, не касаясь почти никогда тѣхъ сторонъ недоимочности, которыя легко было бы предупредить при болѣе внимательномъ и серіозномъ отношеніи. Многолѣтній опытъ слишкомъ достаточно доказалъ неприспособленность этой власти къ порученному ей дѣлу.

На сколько опасно оставлять далѣе взысканіе повинностей въ рукахъ полиціи, легко видѣть изъ приведенныхъ

выше примѣровъ. Такихъ, висящихъ на волоскѣ, крестьянскихъ хозяйствъ много, охранить и поддержать ихъ становится вопросомъ первостепенной государственной важности. Пока же взысканіе по прежнему будетъ въ рукахъ полиціи, до тѣхъ поръ безсильны законы объ отсрочкахъ и разсрочкахъ. Всѣ главныя обязанности этой власти по самому существу своему вращаются невольно около интересовъ минуты и не имѣютъ ничего общаго съ вопросомъ охраненія платежныхъ силъ населенія, съ вопросомъ, заглядывающимъ далеко впередъ, въ судьбу послѣдующихъ поколѣній и можетъ быть даже въ ущербъ современному благополучію государства.

Что общаго между этою предусмотрительностью отдаленныхъ цѣлей и предупрежденіемъ и пресѣченіемъ проступковъ текущей жизни?

Въ этомъ коренномъ несоотвѣтствіи лежитъ полная несостоятельность полиціи въ дѣлѣ взысканія повинностей, при наилучшемъ даже подборѣ ея личнаго состава.

Сверхъ общей обременительности платежей и несоотвѣтствія ихъ съ доходностью надѣльной земли, къ числу немаловажныхъ причинъ накопленія недоимокъ нельзя не отнести и безпорядочность четвертнаго подворно-наслѣдственнаго пользованія. Фиктивная податная клѣтка, какъ слѣдствіе долголѣтнихъ злоупотребленій волостнаго начальства и продолжительное несоблюденіе 126 и 167 ст. полож. о выкупѣ, далеко не исчерпываетъ собой всей безпорядочности этого владѣнія, получившей свое начало съ самаго момента выдачи владѣнныхъ записей. Командированные для выдачи владѣнныхъ записей, чиновники министерства государственныхъ имуществъ не провѣряли владѣній каждаго двора, а основывались лишь на словахъ самихъ владѣльцевъ. Послѣдніе же скрывали дѣйствительные размѣры своихъ участковъ въ ту и другую сторону, по разнымъ побужденіямъ, вытекавшимъ изъ желанія: у однихъ —получить больше земли, у другихъ —напротивъ, избѣжать по возможности увеличенія платежей.

Самая нарѣзка участковъ производилась безконтрольно самимъ обществомъ, почему всѣ оставшіеся безъ представительства (по малолѣтству, отлучкѣ и другимъ причинамъ), получили какъ по количеству, такъ и покачеству участки не соотвѣтствующіе владѣнной записи. До чего доходила небрежность при выдачѣ владѣнныхъ записей, можно видѣть изъ того общеизвѣстнаго факта, что многіе невыдѣленные члены семьи вовсе не были помѣщены во владѣнныя записи и образовали на первыхъ же порахъ значительный классъ безземельныхъ крестьянъ.

Такъ составлялись владѣнныя записи, служащія единственнымъ основаніемъ раскладки; отсюда понятна крайняя неравномѣрность послѣдней, наблюдаемая въ каждомъ обществѣ четвертныхъ владѣльцевъ. Но этого мало неравномѣрность раскладки изъ года въ годъ увеличивалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что за нарѣзкой подворныхъ участковъ вездѣ остался излишекъ земли (выгоны, выпуски, лѣса и т. п.) записаннымъ по владѣннымъ записямъ за цѣлымъ обществомъ. Пользованіе этою землею, не регулированное въ достаточной степени Полож. о крестьянахъ, не предусматривающимъ смѣшаннаго подворно общиннаго пользованія, получило безпорядочный характеръ, вслѣдствіе чего значительная часть этихъ земель подвергалась расхищенію въ пользу наиболѣе вліятельныхъ членовъ общества, не несущихъ за это никакихъ налоговъ.

Отсюда въ каждомъ обществѣ четвертныхъ владѣльцевъ можно встрѣтить весьма любопытное явленіе-такъ-называемыя «десятыя» (доли) прибавляемыя сверхъ нормальнаго обложенія, къ раскладкѣ на каждый дворъ. Это значитъ, что общество, не пользующееся общественною землей, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ большинства своихъ членовъ, несетъ тѣмъ не менѣе за нее въ видѣ этихъ «десятыхъ» всѣ тягости податнаго обложенія, что въ свою очередь приводитъ къ накопленію безнадежныхъ недоимокъ. Такъ въ томъ обществѣ съ 16-ти тысячною безъизвѣстною недоимкой, на которое я уже ссылался, расхищено болѣе

200 дес. общественныхъ лѣсовъ. Дальнѣйшее расхищеніе было пріостановлено лишь со введеніемъ института земскихъ начальниковъ и пользованіе этою землей получило, наконецъ, форму законнаго, по приговору общества, распоряженія.

Что касается захвата общественныхъ угодій, то самая любопытная форма—это впахиваніе въ общественные лѣса. Мнѣ приходилось встрѣчать среди общественныхъ лѣсовъ пахать, принадлежащую отдѣльнымъ домохозяевамъ. Производится эта впашка исподволь и осторожно: вначалѣ прихватчикъ ставитъ въ общественномъ лѣсу пасѣку, кругомъ которой расчищаетъ небольшую поляну, и какъ бы для забавы сажаетъ на ней огурецъ, кавунъ и дыню: «полакомиться старичку отъ скуки», говоритъ всегда мягкостелящій прихватчикъ. Если міръ молчитъ, что онъ обыкновенно и дѣлаетъ за неимѣніемъ въ законѣ нормы для распоряженія общественною землей подворнаго владѣнія, то прихватчикъ дѣйствуетъ смѣлѣе и уже на слѣдующій годъ расчищаетъ большую поляну подъ посѣвъ хлѣбовъ. Въ противномъ случаѣ невмѣшательство обезпечивается угощеніемъ схода. Если міръ и спохватится современемъ, то, какъ говорится, въ пустой слѣдъ, ибо узурпаторъ всегда цѣпко держится за свои новыя владѣнія, и отстаиваетъ ихъ на правѣ безспорнаго владѣнія, либо по давности въ волостномъ судѣ, либо искомъ о нарушенномъ владѣніи.

При мировыхъ учрежденіяхъ послѣдняго рода иски были далеко не рѣдкостью. Что оставалось дѣлать озадаченному міру?

Идти изъ-за клочка земли въ окружной судъ—явно недоступно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда истекла земская давность, и явно безполезно; это значило бы безповоротно укрѣпить за прихватчикомъ общественную землю по давности владѣнія. Обложить новаго владѣльца платежомъ—міръ пожалуй и могъ бы, если бы зналъ свои права по этому предмету. Къ сожалѣнію, какъ я уже говорилъ, ознакомить общество съ его правами и обязанностями по податному дѣлу до земскаго начальника никто не постарался.

Впрочемъ, и помимо невѣжества крестьянскихъ обществъ, безнаказанность такихъ прихватовъ, въ смыслѣ освобожденія отъ всякихъ платежей, находитъ себѣ опору и въ недомолвкахъ Положенія о выкупѣ.

Положеніе о выкупѣ говоритъ лишь о двухъ типахъ земельнаго пользованія: о чисто общинномъ и чисто подворномъ, никакихъ другихъ формъ, а слѣдовательно и смѣшаннаго общинно-подворнаго, оно не знаетъ. При общинномъ пользованіи внутренняя разверстка выкупнаго платежа между членами общества зависитъ отъ самого общества (ст. 118 Полож. о выкупѣ). Что касается подворно-наслѣдственнаго, то каждый домохозяинъ самъ отвѣчаетъ за выкупной платежъ, причемъ ему не возбраняется вносить таковой за себя прямо въ казначейство (ст. 119 и 131 того же Положенія). Такимъ образомъ, законъ не даетъ отвѣта, какимъ порядкомъ опредѣляется раскладка и отвѣтственность при пользованіи смѣшанномъ.

Отсюда весьма вѣроятно, что приговоръ общества четвертныхъ владѣльцевъ объ обложеніи прихватчика свыше того, что слѣдуетъ съ него по владѣнной записи, и не получилъ бы санкціи со стороны крестьянскихъ учрежденій, какъ непредусмотрѣнный въ законѣ. Упорядоченіе подворно-наслѣдственнаго пользованія является вопросомъ первостепенной важности и не только для болѣе правильной и согласной совладѣніемъ въ натурѣ разверстки платежей, но и въ смыслѣ уничтоженія излишней черезполосности, обезцѣнивающей землю и дошедшей до того, какъ говорятъ крестьяне: «пашемъ, а борона идетъ по чужому загону». Необходимо оно также и для обезпеченія болѣе спокойнаго владѣнія облегченіемъ разрѣшенія постоянно возникающихъ, на почвѣ этой безпорядочности, судебныхъ споровъ, запутывающихъ въ свою очередь податное счетоводство и вводящихъ въ разореніе крестьянъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что чисто подворно-наслѣдственнаго пользованія, по крайней мѣрѣ, въ Великороссіи почти не существуетъ, и потому законодательство въ этомъ направле-

ніи, опираясь на обычно-правовые взгляды крестьянъ, принесло бы самыя благодѣтельныя послѣдствія.

Само собою разумѣется, что упорядоченіе подворно-наслѣдственнаго пользованія и податнаго дѣла немыслимо безъ общаго пересмотра узаконеній о крестьянахъ.

Податной вопросъ, если можно такъ выразиться,—это скелетъ всего Положенія о крестьянахъ и потому упорядоченъ онъ можетъ быть лишь путемъ общаго пересмотра всѣхъ законовъ о крестьянахъ.

Никто не станетъ отрицать запутанности и сбивчивости крестьянскихъ узаконеній, а, между тѣмъ, проистекавшее отсюда незнаніе крестьянами своихъ правъ и обязанностей, въ сферѣ сельскаго самоуправленія, вызывало съ ихъ стороны почти повальное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и въ свою очередь гибельно отражалось на ихъ благосостояніи, а слѣдовательно, и на накопленіи недоимокъ.

Подробное перечисленіе всѣхъ золъ крестьянскаго самоуправленія не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Здѣсь же важенъ лишь тотъ выводъ, что какъ ни грандіозна сама по себѣ податная неурядица, но, къ сожалѣнію, это одно лишь изъ частныхъ, хотя и сильныхъ проявленій общей неурядицы крестьянской жизни.

Любопытно, что Положеніе о земскихъ начальникахъ, создавъ контроль надъ всѣми сторонами крестьянскаго самоуправленія, нисколько въ то же время не коснулось податнаго дѣла. Какъ извѣстно, вся роль земскаго начальника въ этой сферѣ крестьянской жизни, на точномъ основаніи законовъ, ограничена наблюденіемъ за исправнымъ поступленіемъ окладныхъ сборовъ по частнымъ срокамъ, причемъ ни одной мѣры въ этомъ отношеніи не можетъ быть принято имъ безъ сообщенія исправнику.

Полиція взысканіе повинностей считаетъ своимъ долгомъ и не терпитъ вмѣшательства въ свои дѣла со стороны земскаго начальника, которому поневолѣ приходится быть въ сторонѣ отъ всего механизма податнаго дѣла съ его запу-

татнымъ счетоводствомъ и неравномѣрнымъ обложеніемъ. тѣмъ болѣе, что, при зависимомъ служебномъ положеніи земскаго начальника, непрошенное его вмѣшательство въ дѣла полиціи можетъ быть для него и небезопаснымъ.

Положеніе о земскихъ начальникахъ, упорядочивъ многія стороны крестьянскаго самоуправленія, нисколько не коснулось податнаго дѣла, между тѣмъ какъ въ этой части сельскаго самоуправленія и сосредоточиваются всѣ главнѣйшія его злоупотребленія.

Запутанный вопросъ.

Ни одна статья Положенія о земскихъ начальникахъ не возбуждала въ печати такъ много толковъ, какъ статья 61, опредѣляющая предѣлы и свойство административно-карательной власти земскаго начальника. Съ наибольшею полнотой и опредѣлительностью, если не ошибаемся, высказался по этому предмету «Вѣстникъ Европы», постаравшійся собрать воедино матеріалъ, разсѣянный до тѣхъ поръ по различнымъ періодическимъ изданіямъ. Можно сказать безъ преувеличенія, пишетъ, между прочимъ, внутренній обозрѣватель «Вѣстникъ Европы», что отъ способа пониманія и примѣненія этой власти зависитъ общій характеръ дѣятельности земскихъ начальниковъ.

Отмѣтивъ, такимъ образомъ, то первенствующее значеніе, которое имѣетъ въ его глазахъ вышеприведенная статья въ вопросѣ о дѣятельности новаго института, почтенный журналъ непосредственно за этимъ ставитъ себѣ задачу— путемъ группировки извѣстныхъ ему фактовъ выяснить тѣ направленія, въ которыхъ практика особенно рѣзко расходится съ прямымъ и яснымъ смысломъ закона. И хотя задача эта чисто отрицательная, тѣмъ не менѣе, въ виду обилія собраннаго матеріала, позволительно было надѣяться, что будетъ выяснена и положительная часть вопроса, т. е. будетъ установлено, въ какихъ случаяхъ правильность примѣненія статьи 61 не можетъ подлежать сомнѣнію. Это ожиданіе не оправдалось; напротивъ, послѣ прочтенія статьи «Вѣстника Европы», невольно остается сомнѣніе въ самомъ существованіи тѣхъ случаевъ, когда закономѣрное примѣне-

ніе административно-карательной власти земскаго начальника было бы вполнѣ умѣстно. Но есть ли возможность согласиться съ такимъ выводомъ?

Группировку извѣстныхъ ему фактовъ почтенный журналъ начинаетъ со слѣдующаго положенія:

«Статья 61 не примѣнима къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя и сами по себѣ, помимо всякаго распоряженія или требованія, составляютъ проступокъ уголовно-наказуемый».

Положенію этому слѣдуютъ примѣры, въ числѣ которыхъ приводится, между прочимъ, неисправное содержаніе дорогъ. Насколько удаченъ этотъ примѣръ, можно видѣть изъ подлиннаго текста 69 ст. уст. о нак., ставящей наказуемость этого проступка въ непосредственную зависимость отъ напоминанія.

Не будемъ однако ставить въ счетъ эту случайную обмолвку обозрѣвателя и обратимся къ другимъ приведеннымъ имъ примѣрамъ.

Мы, конечно, не можемъ не согласиться съ тѣмъ доводомъ, что неявка для тушенія пожара спеціально предусмотрѣна 96 ст. уст. о наказ., и что дѣяніе это составляетъ собою проступокъ, наказуемый помимо всякаго распоряженія или требованія съ чьей-либо стороны. Все это такъ, но вѣдь это обстоятельство нисколько не устраняетъ наказуемости неподчиненія требованію земскаго начальника о явкѣ на пожаръ. Въ той же мѣрѣ и нарушеніе общественной тишины, конечно, наказуемо само по себѣ, безотносительно къ какому-либо требованію, но вѣдь и это, въ свою очередь, нисколько не устраняетъ неподчиненія требованію земскаго начальника о прекращеніи безпорядковъ, въ формѣ непристойнаго крика или шума, препятствующихъ правильнымъ занятіямъ, хотя бы того же сельскаго схода. Всѣ эти возможности обозрѣватель обходитъ молчаніемъ, вслѣдствіе чего невольно напрашивается тотъ выводъ, что на всякій-де проступокъ есть спеціальная статья, и потому 61 статья съ законной точки зрѣнія ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ примѣнена быть не можетъ.

Мы еще вернемся къ этой группѣ фактовъ, а теперь послѣдуемъ далѣе за обозрѣвателемъ «Вѣстника Европы». «Одинъ изъ земскихъ начальниковъ оштрафовалъ всѣхъ участниковъ общественнаго приговора, которымъ было постановлено отобрать надѣлъ у одного общественника и передать его другому». Приведенное только что сообщеніе влечетъ за собою слѣдующее, весьма характерное разсужденіе: «законны, или незаконны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ основанія общественнаго приговора — это вопросъ, подлежащій разрѣшенію уѣзднаго съѣзда, но даже тогда, когда они признаны незаконными, это можетъ имѣть послѣдствіемъ только отмѣну приговора, а отнюдь не личную отвѣтственность крестьянъ, его постановившихъ.

Соглашаясь съ тѣмъ, что послѣднее слово въ дѣлѣ разрѣшенія законности или незаконности общественнаго приговора принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ уѣздному съѣзду, мы никакъ въ то же время не можемъ согласиться съ выводимымъ отсюда умозаключеніемъ, будто участники незаконнаго приговора всегда и безусловно освобождаются отъ всякой личной отвѣтственности. Дѣло въ томъ, что заключеніе это самымъ кореннымъ образомъ противорѣчитъ не только простому и ясному смыслу 61 статьи, но и всему положенію о земскихъ начальникахъ. На каждомъ сельскомъ обществѣ лежитъ цѣлая масса самыхъ серіозныхъ обязанностей, какъ по отношенію къ себѣ своимъ членамъ, такъ и по отношенію къ государству. Общій надзоръ за всѣми крестьянскими установленіями общественнаго управленія возложенъ на Земскаго Начальника, который по этому не можетъ быть лишенъ права требовать отъ всѣхъ органовъ крестьянскаго самоуправленія точнаго и неуклоннаго исполненія этихъ обязанностей. Слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что отказъ со стороны сельскаго схода, какъ органа крестьянскаго самоуправленія, выполнить законное требованіе земскаго начальника не только можетъ, но и долженъ влечь за собою примѣненіе къ участникамъ такого отказа 61 статьи Положен. о зем. начальникахъ.

При этомъ нигдѣ нѣтъ указанія, чтобы земскіе начальники въ сужденіяхъ о законности или незаконности своихъ требованій были связаны предварительными постановленіями уѣзднаго съѣзда. Напротивъ, изъ буквальнаго смысла 61 ст. болѣе чѣмъ очевидно, что сужденіе о законности предъявленныхъ къ сельскому самоуправленію требованій со стороны земскаго начальника предоставлено сему послѣднему, а не съѣзду. Насколько Земскій Начальникъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ независимо отъ уѣзднаго съѣзда, показываетъ также и 64 ст., причисляющая всѣ постановленія по предметамъ, указаннымъ въ ст. 61. къ окончательнымъ и подлежащимъ немедленному исполненію. Право отмѣны этихъ постановленій не представлено даже губернскимъ присутствіямъ, которыя каждый разъ обязаны входить съ представленіями въ правительствующій сенатъ объ отмѣнѣ этихъ постановленій, если они состоялись съ превышеніемъ власти или съ явнымъ нарушеніемъ закона. Отсюда болѣе чѣмъ ясно, что въ разсматриваемой сферѣ служебныхъ дѣйствій земскій начальникъ дѣйствуетъ совершенно самостоятельно и исключительно подъ своею личною отвѣтственностью.

Постараемся, однако, на примѣрахъ выяснить тѣ случаи, когда участники незаконныхъ приговоровъ должны подлежать личному взысканію со стороны земскаго начальника. Допустимъ, что къ послѣднему поступаетъ просьба со стороны «престарѣлаго, дряхлаго и увѣчнаго сельскаго обывателя объ оказаніи ему общественнаго призрѣнія. Извѣстно, что единственный и вполнѣ законный путь для разрѣшенія этой просьбы можетъ заключаться лишь въ предъявленіи къ тому сельскому обществу, къ которому принадлежитъ проситель, требованія о выполненіи обществомъ своей обязанности, изложенной въ п. 6 ст. 179 общ. полож. о крест. Теперь представимъ себѣ, что общество безъ всякихъ законныхъ основаній отклоняетъ это требованіе Земскаго Начальника. Спрашивается, неужели же участники такого явно несправедливаго приговора должны быть освобождены отъ всякаго личнаго взысканія? Или представимъ себѣ также,

что общество откажется отъ содержанія карауловъ (5 п. 179 ст.), или отъ поддержанія сельскихъ запасныхъ магазиновъ, или же, наконецъ, въ формѣ того же приговора отклонить требованіе объ исправленіи проселочныхъ дорогъ... Все это недоразумѣнія, которыми изобилуетъ наша деревня.

Неужели земскій начальникъ и въ этихъ случаяхъ лишенъ права примѣнять свою карательную власть? Неужели и здѣсь онъ долженъ выжидать отмѣны приговоровъ, оставивъ нуждающихся безъ призрѣнія, проѣзжающихъ безъ дорогъ и деревню безъ караула?

Но допустимъ, что земскій начальникъ дождался отмѣны приговора, на что потребуется, покрайней мѣрѣ, два мѣсяца. спрашивается, что же дѣлать дальше?

Приговоръ, правда, отмѣненъ, но вѣдь карауловъ нѣтъ, амбаръ разваливается, а по дорогѣ ѣздить нельзя.

Неужели же начинать вновь эту по истинѣ томительную сказку о бѣломъ бычкѣ?!

Могутъ возразить, что приведенные случаи слишкомъ исключительны, что сельскія общества привыкли къ исполненію извѣстныхъ обязанностей и потому никогда и не отказываются ихъ исполнять. Подобное возраженіе умѣстно въ устахъ незнающаго нашей деревни, во-первыхъ, вовсе не привыкшей къ исполненію нѣкоторыхъ обязанностей, и, во-вторыхъ, всегда живущей подъ чаяніемъ какой-либо грядущей перемѣны. Возьмемъ, хотя бы послѣдній приведенный примѣръ.

Весьма часто проселочная дорога по своему расположенію удовлетворяетъ потребности лишь нѣкоторыхъ членовъ общества и цѣлому обществу вовсе не нужна. Въ такихъ случаяхъ въ обществѣ всегда время-отъ-времени возникаетъ раздоръ изъ-за исправленія дороги, причемъ послѣдняя, очевидно, вопреки прямому требованію закона (4 п. 179) никѣмъ не исправляется. Если придерживаться аргументаціи обозрѣвателя «Вѣстника Европы», то законный исходъ и

въ этомъ случаѣ долженъ заключаться въ томъ, чтобы обратиться къ 29 ст. уст. о нак. и затѣмъ выжидать судебнаго рѣшенія.

Къ сожалѣнію, результаты всѣхъ этихъ выжиданій слишкомъ хорошо извѣстны жителямъ деревни. Повторенія этихъ результатовъ, въ лицѣ обобранныхъ сиротъ, непроѣздныхъ дорогъ и опорожненныхъ магазиновъ, мы вовсе не желаемъ, какъ не желаетъ ихъ, конечно, и сельскій обыватель.

Не надо забывать также, что суды наши и такъ чрезмѣрно завалены дѣлами, что при нашихъ громадныхъ разстояніяхъ, полубродячемъ населеніи формальный судъ сопряженъ со значительными проволочками и затрудненіями, и потому, зачастую, такой судъ по маловажнымъ дѣламъ вовсе не достигаетъ своей цѣли. Но и независимо отъ этого при патріархальныхъ формахъ нашей народной жизни, при томъ условіи, что значительная часть судебныхъ дѣлъ разрѣшается у насъ по желанію самого населенія «безъ судовъ и кляузъ», чисто административнымъ порядкомъ, вполнѣ цѣлесообразно и сродно народному духу установленіе такой власти, которая имѣла бы возможность самостоятельно настоять на исполненіи своихъ законныхъ требованій. Эта потребность деревни находила удовлетвореніе въ статьяхъ 64 и 86 общ. Полож. о крест., предоставляющихъ сельскому старостѣ и волостному старшинѣ хотя и незначительную, но все-таки карательную власть по маловажнымъ проступкамъ».

Кому неизвѣстно, что долголѣтняя практика, сообразуясь съ потребностями жизни, включила въ число этихъ маловажныхъ проступковъ также и неподчиненіе требованіямъ вышеозначенныхъ должностныхъ лицъ въ томъ случаѣ, если эти требованія не выходили изъ круга вѣдѣнія крестьянскаго самоуправленія. Допустимъ, напримѣръ, что общество обязало своихъ опекуновъ не разводить на сиротской землѣ рискованныхъ культуръ, придерживаясь хлѣбовъ, хотя и менѣе цѣнныхъ, но болѣе надежныхъ. Спрашивается, неужели общество, чтобы настоять на этомъ, вполнѣ

законномъ требованіи, обязано обращаться къ помощи суда и вплоть до зимы ожидать его рѣшенія? Неудобства этого порядка защиты своихъ правъ каждому обществу настолько очевидны, что оно во всѣхъ такого рода дѣлахъ установляетъ само и размѣръ того взысканія, которое долженъ понести нарушитель его запретительнаго постановленія.

Такимъ путемъ каждое общество само расправляется со своими членами за пастьбу въ заказанномъ лугу, за досрочную порубку въ общественномъ лѣсу и т. д. и т. д. Этотъ общественный самосудъ настолько глубоко коренится во всѣхъ условіяхъ крестьянской жизни, такъ тѣсно связанъ съ ея общинною организаціей, что почти никогда не возбуждаетъ жалобъ среди крестьянъ, не смотря на то, что закономъ такой карательной власти сельскому обществу и не предоставлено вовсе. Можно смѣло сказать: отнимите карательную власть у сельскихъ должностныхъ лицъ, вынесите на судъ съ его судебными гарантіями всѣ эти милліоны маленькихъ недоразумѣній, ежегодно возникающихъ въ крестьянскихъ общинахъ, и вы разрушите общину, какъ сплоченную хозяйственную группу, а судамъ дадите задачу непосильную.

Лишите земскаго начальника его незначительной карательной власти, и вы вынудите его пользоваться тою-же властью, но только за счетъ подчиненныхъ ему сельскихъ должностныхъ лицъ, что и *практиковали всегда, какъ извѣстно, упраздненные нынѣ члены крестьянскаго присутствія.*

Мы вполнѣ соглашаемся съ обозрѣвателемъ «Вѣстника Европы», что многіе изъ сообщенныхъ имъ фактовъ превышенія власти дѣйствительно возмутительны, но мы рѣшительно отвергаемъ предположеніе, будто гарантіей отъ повторенія такихъ злоупотребленій должно быть обращеніе земскаго начальника въ какого-то безсильнаго свидѣтеля. Не въ кастраціи власти надо искать спасенія отъ злоупотребленій, а въ измѣненіи условій ея примѣненія, въ смыслѣ болѣе точнаго опредѣленія ея свойства и предѣловъ. Пока же возможны самыя различныя толкованія этой пресловутой

61 статьи, до тѣхъ поръ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о ея закономѣрномъ примѣненіи.

Примѣненіе 61 статьи должно быть признано вполнѣ закономѣрнымъ и удовлетворяющимъ потребностямъ деревенской жизни въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ случаѣ неподчиненія требованіямъ земскаго начальника, когда послѣднія относятся къ лицу виновному въ совершеніи такихъ дѣйствій, которыя и сами по себѣ наказуемы. 2) въ случаѣ неподчиненія при выполненіи тѣхъ обязанностей, которыя возложены на сельскій сходъ прямымъ закономъ, хотя бы это неподчиненіе выразилось и въ формѣ подлежащаго уничтоженію общественнаго приговора, 3) въ случаѣ неподчиненія со стороны отдѣльныхъ членовъ схода тѣмъ постановленіямъ послѣдняго, которыя въ силу закона предоставлены самостоятельному распоряженію сельскаго самоуправленія и, наконецъ, 4) въ случаѣ неподчиненія требованіямъ земскаго начальника, вытекающимъ изъ обязательныхъ постановленій, законнымъ порядкомъ утвержденныхъ.

Послѣднее условіе особо важно при массовыхъ уклоненіяхъ отъ исполненія какихъ-либо обязательныхъ постановленій. По мнѣнію обозрѣвателя „Вѣстника Европы", пришлось бы, напримѣръ, тащить въ судъ тысячи и даже десятки тысячъ домохозяевъ, уклоняющихся, положимъ, отъ безспорнаго требованія обсадить каждую хату осокринами,—требованія, основаннаго на обязательномъ постановленіе губернскаго земства. На сколько удобенъ этотъ порядокъ привлеченія къ суду значительной части населенія, можно судить уже потому, что это постановленіе губернскаго земства существуетъ очень давно, а хаты стали обсаживаться деревьями лишь со введеніемъ земскихъ начальниковъ.

Переходя къ вопросу о гарантіяхъ закономѣрнаго примѣненія 61 статьи, несомнѣнно, что лучшею гарантіей, конечно, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ употребленія власти, служитъ личная отвѣтственность должностнаго лица.

Если же эта гарантія оказывается недостаточною, то это

говоритъ о неудовлетворительности личнаго состава примѣняющихъ эту власть должностныхъ лицъ.

Весьма возможно, что мы коснулись здѣсь самаго больнаго мѣста новаго института; но, въ такомъ случаѣ, всѣ усилія должны быть направлены къ улучшенію личнаго состава. Здѣсь неумѣстно перечислять необходимыя для этого мѣропріятія; потому ограничимся лишь указаніемъ на одно средство, какъ самое надежное,—это улучшеніе служебнаго положенія земскаго начальника, положенія крайне приниженнаго, безъ всякой надобности.

Любопытно, что печать, энергично отстаивающая независимость судебныхъ дѣятелей, въ то-же время позволяетъ себѣ утверждать, что надъ земскимъ начальникомъ начальства недостаточно. Это явное непониманіе того, что при существующихъ формахъ народной жизни власть полусудебная, полуадминистративная только и можетъ удовлетворять потребностямъ сельскихъ обывателей. Отберите у земскаго начальника его, такъ называемыя, судебныя функціи, и онъ все-таки будетъ рѣшать значительную часть судебныхъ споровъ въ Россіи. Отберите и эту послѣднюю власть у земскаго начальника, заключающуюся въ правѣ разсматриванія всѣхъ приговоровъ, и онъ, въ качествѣ члена съѣзда, будетъ вершить тѣ же дѣла, какъ это и дѣлало всегда крестьянское присутствіе.

Упорнымъ непониманіемъ столь простыхъ вещей вопросъ запутывается до безконечности. Не ломать надо прекрасно задуманное учрежденіе, лишая его представителей послѣдней власти, а надо исправить его отдѣльные, хотя бы даже и многочисленные недостатки.

Вопросъ о 61 статьѣ возможно было бы считать вполнѣ исчерпаннымъ, если бы не одно маленькое обстоятельство, хотя и не высказываемое открыто, но всегда подразумѣваемое противниками административно-карательной власти земскаго начальника. Дѣло въ томъ, что статья 61, какъ извѣстно, распространяется лишъ на лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію. Ограниченіе это,

вызванное не совсѣмъ извѣстными намъ соображеніями, едва-ли можетъ быть въ достаточной степени оправдано. Значительная масса лицъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія крестьянскаго общественнаго управленія, какъ по образу своей жизни, такъ и по развитію, нисколько не отличается отъ заурядныхъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, чувство законности и необходимость подчиненія законнымъ требованіямъ крайне слабо развиты даже и въ нашемъ, такъ-называемомъ, образованномъ обществѣ. Посмотрите на эти тщетныя воззванія, которыми испещрены всѣ наши общественныя гулянья: «просятъ почтеннѣйшую публику не рвать цвѣтовъ, не водить съ собою собакъ» и т. д. Или посмотрите на столь же безплодную борьбу съ куреніемъ за общими столами въ желѣзнодорожныхъ буфетахъ 1-го и 2-го класса и т. п. Не приходитъ-ли вамъ въ голову, что къ нарушителямъ этихъ постановленій весьма цѣлосообразно было бы примѣнять взысканія?

Повторяю еще разъ, что при нашихъ разстояніяхъ, при нашемъ климатѣ и бездорожьи вся эта судебная волокита по маловажнымъ дѣламъ весьма часто не достигаетъ своей цѣли, поглощая вмѣстѣ съ тѣмъ значительное количество труда.

Возьмемъ хотя бы ежегодныя и безплодныя требованія полиціи къ тѣмъ владѣльцамъ, черезъ поля которыхъ проходятъ проселочныя дороги, о постановкѣ предостерегательныхъ въ зимнее время знаковъ. Пока полиція соберется предъявить свое требованіе и дастъ срокъ на добровольное исполненіе, пока привлечетъ къ судебной отвѣтсвенности, пока дѣло обойдетъ всѣ судебныя инстанціи, — надобность въ такихъ предостерегательныхъ знакахъ давно уже минуетъ.

Результатомъ же этого безсилія полиціи является то, что на владѣльческихъ земляхъ вы дѣйствительно рискуете детятки разъ заблудиться въ то время, какъ дѣло о спасительныхъ знакахъ преспокойно путешествуетъ по различнымъ судебнымъ инстанціямъ. А между тѣмъ дайте земскому начальнику право подвергать такихъ упрямыхъ владѣльцевъ

административному взысканію по 61 статьѣ, и порядокъ возстановится немедленно. Но этого мало.

Одно распространеніе этой статьи на всѣхъ обывателей земскаго участка невольно повлечетъ за собою болѣе обдуманное и закономѣрное примѣненіе карательной власти земскаго начальника. Нынѣ же самая исключительность этой власти невольно даетъ поводъ къ ея расширительному толкованію, и въ этомъ, пожалуй, и заключается вся суть дѣла

Неполнота и неопредѣленность Положенія о земскихъ начальникахъ.

Значительная часть административныхъ дѣлъ земскаго начальника заключается въ области тѣхъ правоотношеній, которыя хотя и изъяты изъ вѣдѣнія судебныхъ мѣстъ но тѣмъ не менѣе, обнимая собою различные виды имущественныхъ правъ, по существу своему сводятся къ спорамъ о правахъ гражданскихъ.

Между тѣмъ, въ Положеніи о земскихъ начальникахъ какихъ-либо процессуальныхъ правилъ для административной дѣятельности вовсе не существуетъ. По крайней мѣрѣ, ни одна статья этого положенія не указываетъ на тотъ порядокъ разбирательства, который былъ бы обязателенъ при разрѣшеніи дѣлъ.

Всюду говорится весьма кратко: если земскій начальникъ удостовѣрится (31 ст. Полож.) или «что земскому начальнику принадлежитъ надзоръ за тѣмъ то, и разрѣшеніе жалобъ такихъ то» и т. д.

Все сводится здѣсь къ краткому перечисленію обязанностей и правъ земскаго начальника, внѣ всякого указанія на тотъ путь, по которому онъ долженъ слѣдовать для того, чтобѣ удостовѣриться въ томъ-то обстоятельствѣ, или разрѣшить ту или другую жалобу.

Слѣдствіемъ этого на практикѣ является отсутствіе всякого единообразія въ выборѣ пріемовъ для отысканія истины.

Въ то время, какъ одинъ земскій начальникъ считаетъ своей прямой обязанностью живое общеніе съ заинтересо-

ванными лицами, и потому ѣздитъ на сельскій сходъ, производитъ опросы свидѣтелей и осмотры мѣстностей, другой предпочитаетъ кабинетную работу и всю повѣрку доказательствъ возлагаетъ на сельское и волостное начальство, оставляя за собой лишь бумажную повѣрку собраннаго ими матеріала.

Это разнообразіе пріемовъ едва-ли можетъ быть оправдано какъ серіозностью интересовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію земскаго начальника, такъ и значительностью врученной ему власти.

Возьмемъ для примѣра хотя бы жалобы на семейные раздѣлы, гдѣ постановленія земскаго начальника окончательны и не подлежатъ дальнѣйшему обжалованію.

Въ этихъ дѣлахъ правовыя явленія самымъ тѣснымъ образомъ переплетаются съ экономическими, психологическими и другими факторами, характера далеко не юридическаго.

При дѣлежѣ имущества очень часто принимается въ разсчетъ и лишній трудъ одного изъ членовъ семьи, или его жены и сыновей, умѣнье старшаго вести хозяйство и на оборотъ: «глупость и несмысленность» младшаго, который «не дюжъ работать» и т. п.

Поэтому правильное разрѣшеніе этихъ дѣлъ возможно лишь путемъ подробнаго ознакомленія на мѣстѣ, чрезъ опрость на сельскомъ сходѣ стариковъ сосѣдей, а это, въ свою очередь, опредѣляетъ и порядокъ разрѣшенія такихъ жалобъ.

Правда, что въ этомъ случаѣ власть земскаго начальника выражена слишкомъ рѣзко, въ большинствѣ же случаевъ ему принадлежитъ лишь право надзора и перенесенія дѣла въ уѣздный съѣздъ, отъ котораго уже и зависитъ окончательное распоряженіе.

Но и порядокъ дѣйствія уѣзднаго съѣзда не регламентированъ.

Всѣхъ относящихся сюда—семь статей, изъ которыхъ, одна опредѣляетъ сроки и мѣсто засѣданій; двѣ представ-

лаютъ собою простое извлеченіе изъ свода Губернскихъ учрежденій о движеніи дѣлъ, одна касается порядка обжалованія, двѣ опредѣляютъ объемъ власти уѣзднаго съѣзда. Слѣдовательно, на долю собственно процессуальныхъ правилъ приходится всего одна статья. или, лучше даже сказать, всего одинъ пунктъ. который я и приведу здѣсь цѣликомъ: «повѣрку имѣющихся въ дѣлѣ указаній и данныхъ и собраніе дополнительныхъ свѣдѣній, если бы сіе оказалось необходимымъ, съѣздъ возлагаетъ на одного изъ своихъ членовъ и, по исполненіи имъ всего порученія, разрѣшаетъ дѣло, если возможно, въ томъ же собраніи».

Неполнота этихъ постановленій столь очевидна. что возможно непосредственно перейдти къ описанію тѣхъ порядковъ, которые въ силу необходимости установились въ большинствѣ административныхъ отдѣленій уѣздныхъ съѣздовъ.

Засѣданія обыкновенно назначаются разъ въ мѣсяцъ, пріурочиваясь къ днямъ судебныхъ присутствій съ такимъ разсчетомъ, чтобы они приходились въ промежуточные праздничные дни. если-же таковыхъ нѣтъ, то имъ посвящаются особыя вечернія засѣданія. Какъ ни тяжелы для утомленныхъ дневными присутствіями членовъ эти вечернія засѣданія, тѣмъ не менѣе. они по весьма понятной причинѣ предпочитаются назначенію особыхъ дней.

Есть-ли надобность говорить о томъ, что рѣдкій предводитель, отчасти за обремененіемъ его массой другихъ обязанностей, отчасти за неподготовленностью къ тому, самъ докладываетъ дѣла, подлежащія къ разсмотрѣнію уѣздныхъ съѣздовъ; а такъ какъ непремѣннаго члена на этотъ предметъ въ уѣздномъ съѣздѣ вовсе не имѣется, то каждый земскій начальникъ является самъ докладчикомъ для всѣхъ дѣлъ своего участка, не исключая и жалобъ, поданныхъ на его постановленія, на что прямаго воспрещенія, какъ извѣстно, въ правилахъ и не содержится.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ вовсе не имѣетъ свободныхъ органовъ для повѣрки доказательствъ и собранія дополнительныхъ свѣдѣній.

Какъ бы упуская это послѣднее обстоятельство изъ вида, та-же 15 ст., своимъ требованіемъ о безотлагательномъ разборѣ всѣхъ административныхъ дѣлъ съ обязательствомъ доводить до свѣдѣнія губернскаго присутствія о всякомъ отложенномъ дѣлѣ, еще болѣе подвергаетъ искушенію къ поспѣшному, хотя бы и формальному и вполнѣ бумажному разрѣшенію дѣлъ.

Между тѣмъ, значительная часть этихъ дѣлъ, опредѣляя рядъ имущественныхъ и личныхъ правъ, по серьезности своей требуетъ, съ одной стороны, крайней осмотрительности, а съ другой, вовсе не нуждается въ какой бы то нибыло поспѣшности.

Какая надобность, напримѣръ, въ томъ, чтобы вопросъ о земельномъ передѣлѣ разрѣшился немедленнымъ постановленіемъ уѣзднаго съѣзда, когда приговоръ о передѣлѣ постановленъ, положимъ, зимой, а передѣлъ предполагается съ весны, или что еще чаще бываетъ—съ осени?

Не будь этого суроваго и непонятнаго требованія о спѣхѣ, другой земскій начальникъ, можетъ быть, и взялся бы при первой возможности провѣрить какое либо обстоятельство, возбудившее сомнѣніе на съѣздѣ, но при вышеуказанномъ условіи едва-ли кто рѣшится попасть «къ свѣдѣнію» губернскаго присутствія.

Поэтому-то административная дѣятельность съѣзда сводится обыкновенно къ поспѣшному разсмотрѣнію того бумажнаго матеріала, который поступаетъ на съѣздъ отъ земскаго начальника.

А такъ какъ и земскіе начальники практикуютъ крайне разнообразные пріемы для выясненія истины, ограничиваясь, въ свою очередь, иногда бумажной повѣркой представленнаго имъ матеріала, то получается слѣдующее, по истинѣ печальное, положеніе: *значительная часть имущественныхъ и личныхъ правъ устанавливается заглазно и заочно для заинтересованныхъ лицъ, и при этомъ съ крайней поспѣшностью, вынуждаемой самимъ закономъ.* Это совершенно равносильно тому, если бы судебныя мѣста разрѣ-

шали дѣла, не видя ни разу въ глаза ни истца, ни отвѣтчика, ни третьихъ лицъ.

Между тѣмъ, подсудныя земскому начальнику дѣла съ ихъ серьезнымъ юридическимъ характеромъ, какъ мы видѣли, осложняются еще и чисто мѣстными бытовыми условіями помимо всякихъ процессуальныхъ соображеній, требующихъ живого общенія съ тяжущимися и заинтересованными лицами.

Допустимъ, для примѣра, что общество выразило желаніе отобрать и передѣлить извѣстныя части усадебныхъ мѣстъ. Желаніе это настолько законопротивно (110 ст. Вол. полож.), что ни земскій начальникъ, ни уѣздный съѣздъ не затруднятся отмѣнить этотъ приговоръ, помимо всякой жалобы заинтересованныхъ лицъ.

И вотъ, основываясь лишь на буквальномъ смыслѣ этого приговора, съѣздъ отмѣняетъ его, не прибѣгая къ мѣстному дознанію и даже не вызывая никого изъ представителей отъ мѣстнаго общества.

Тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, оказывается, что отбираемыя части усадьбъ, прирѣзки къ огородамъ изъ полевыхъ надѣловъ, право распоряженія которыми всегда остается за обществомъ.

Всѣ въ обществѣ это знаютъ, никто не жаловался и потому писарь не надоумился точнѣе обозначить это обстоятельство.

А такихъ замаскированныхъ приговоровъ, сущность которыхъ возможно постигнуть лишь на мѣстѣ, постановляется ежегодно тысячи.

Насколько серьезенъ юридическій характеръ всѣхъ этихъ, такъ называемыхъ, административныхъ дѣлъ, можно видѣть также и изъ слѣдующаго примѣра: на основаніи 13 ст. Полож. о Земск. Нач., послѣднимъ принадлежитъ право разрѣшенія крестьянскихъ построекъ на выгонной землѣ, общей съ помѣщикомъ, а слѣдовательно и разрѣшеніе возникающихъ отсюда жалобъ.

Вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ чисто судебному

спору о правѣ собственности общемъ, что какъ извѣстно, превышаетъ собою даже компетенцію уѣзднаго члена окружнаго суда.

Отсутствіе всякихъ правилъ для разбора административныхъ дѣлъ новая реформа явно унаслѣдовала отъ старыхъ крестьянскихъ присутствій, но тамъ это опущеніе не было такъ опасно.

Во-первыхъ, власть крестьянскаго присутствія была далеко не такъ обширна, она была скорѣе кассаціонная, чѣмъ апелляціонная, во-вторыхъ, въ то время не было такихъ ограничительныхъ для власти сельскаго общества законовъ, какимъ, напримѣръ, является законъ о передѣлахъ общинной земли. Можно смѣло сказать, что ни одинъ сельскій писарь не потрафитъ по своему безграмотству написать соотвѣтствующій всѣмъ многочисленнымъ требованіямъ этого закона приговоръ, хотя бы онъ по существу своему и вполнѣ ему удовлетворялъ.

Что касается объема власти новаго института и порядка обжалованія его постановленій, то въ этомъ отношеніи Полож. о зем. начальникахъ требуетъ также несомнѣнныхъ исправленій.

Буду по возможности кратокъ: такъ 31 ст. полож. не опредѣляетъ точно тѣхъ правъ сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ его членовъ, которыхъ новыя учрежденія не должны были бы касаться; отсюда на практикѣ возможны ограниченія личныхъ правъ крестьянъ на участіе въ дѣлахъ общественныхъ, вопреки прямого требованія 30 ст. Общ. Полож. о Крест., предоставляющей такое ограниченіе суду и самостоятельному распоряженію самаго общества. Недостаточно опредѣленъ также объемъ власти уѣзднаго съѣзда при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ жалобъ на постановленія земскихъ начальниковъ.

А именно: по жалобамъ на опекуновъ, по представленію земскихъ начальниковъ, съѣздъ ограниченъ правомъ отмѣны или утвержденія постановленій земскаго начальника. Между тѣмъ, на практикѣ весьма возможно, что постановленіе это

подлежитъ лишь видоизмѣненію, отмѣнѣ въ какой-либо части его и т. д. На эти случаи законъ не даетъ вовсе отвѣта. Равно какъ, не выяснена вовсе роль съѣзда въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не согласится съ земскимъ начальникомъ по дѣлу, возникшему изъ жалобы на сельскихъ должностныхъ лицъ. Неизвѣстно, имѣеть-ли право съѣздъ и въ этомъ случаѣ только отмѣнить постановленіе и предписать вновь разобрать эту жалобу, или-же съѣздъ вправѣ самъ наложить взысканіе на виновное, по его мнѣнію, должностное лицо сельскаго самоуправленія.

Эта неопредѣленность вызываетъ на практикѣ весьма тягостныя недоразумѣнія для всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

Нужно-ли говорить, что всѣмъ этимъ неопредѣленностямъ неизбѣжно соотвѣтствуетъ и крайняя запутанность въ порядкѣ обжалованія!

Возьмемъ первый попавшійся намъ примѣръ: постановленіе уѣзднаго съѣзда въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 36 ст. Общ. полож. о Крест. (отказъ въ выдѣлѣ участка) неокончательно, если послѣдуетъ по жалобѣ заинтересованнаго лица, если-же по представленію земскаго начальника (31 ст.), то окончательно и дальнѣйшему обжалованію не подлежитъ. Такимъ образомъ, порядокъ обжалованія поставленъ въ зависимость не отъ существа дѣла, а отъ его направленія по служебнымъ инстанціямъ. Ненормальность такого порядка слишкомъ очевидна.

Подводя итоги сказанному, выясняется, что значительная часть крестьянскихъ правоотношеній не получала вовсе, или, по крайней мѣрѣ, достаточной охраны до введенія новой реформы, задачи которой такимъ образомъ крайне сложны. Закономѣрному же и безпрепятственному выполненію этой цѣли первостепенной государственной важности главными помѣхами являются неполнота и неопредѣленность самаго Положенія и служебное положеніе земскаго начальника, къ которому мы обратимся въ слѣдующей статьѣ.

———

Къ вопросу о служебномъ положенiи земскаго начальника.

Въ предъидущей статьѣ было уже указано на то, что тѣ дѣла земскихъ начальниковъ, которыя офицiально называются административными, по существу своему далеко не всегда таковы: это дѣла только разбираемыя въ административномъ порядкѣ. Сюда принадлежатъ приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ по раздѣламъ, по опекамъ надъ малолѣтними, дѣла по надзору за волостными судами и т. д. О чисто судебномъ характерѣ этихъ дѣлъ многими принято почему то забывать, равно, какъ и о томъ, что общинное пользованiе по существу своему есть одинъ изъ видовъ правъ на недвижимое имущество и потому должно считаться такимъ же институтомъ гражданскаго права, какъ и другiя формы собственности.

Если же принять во вниманiе, что на общинномъ началѣ владѣетъ чуть не половина населенiя, то отбросивъ даже чисто судебныя дѣла Земскихъ Начальниковъ, приходится признать, что эти послѣднiе гораздо больше судьи, чѣмъ администраторы и что *въ этомъ, такъ называемомъ, административномъ порядкѣ разбирается значительная часть возникающихъ въ Россiи судебныхъ споровъ.*

Слѣдовательно, къ вопросу о служебномъ положенiи Земскаго Начальника, хотя отчасти, должна быть примѣнена таже точка зрѣнiя, которая уже усвоена какъ обществомъ, такъ и правительствомъ, на должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Наиболѣе полнымъ выраженiемъ этой точки зрѣ-

нія и до сихъ поръ могутъ служить соображенія составителей судебныхъ уставовъ, а именно: извѣстная доля независимости составляетъ одно изъ первыхъ и главнѣйшихъ условій всякаго судьи. •

Для мировыхъ же судей она въ особенности необходима, потому: 1) что участковымъ судьямъ опредѣляется назначить оклады содержанія гораздо менѣе, чѣмъ коронным и 2) что при единоличномъ характерѣ своей должности, при множествѣ самыхъ разнообразныхъ занятій, при множествѣ лицъ, съ которыми мировой судья долженъ будетъ входить въ непрестанныя сношенія, ему чрезвычайно будетъ трудно устоять противъ разныхъ вліяній и даже искушеній и т. д. (Объясн. записка 1863 года, изд. Гос. Канц. ч. 3 стр. 38).

Извѣстно, что всѣ эти соображенія нашли свое осуществленіе въ томъ, что мировымъ судьямъ были присвоены, заурядъ по званію судьи, всѣ права и преимущества членовъ окружн. судовъ, а надзоръ надъ ними и руководительство сосредоточены въ лицѣ Правительств. Сената, отъ котораго также зависѣло и назначеніе ревизіи этихъ судебныхъ мѣстъ.

Насколько серьезно было то значеніе, которое придавали ревизіямъ составители судебныхъ уставовъ, можно видѣть изъ тѣхъ же положенныхъ въ ихъ основу соображеній.

«Ревизія судебнаго мѣста есть мѣра *чрезвычайная*, всегда болѣе или менѣе для него *предосудительная*, поэтому необходимо *устранить* изъ обряда ревизіи все, что не соотвѣтствуетъ настоящей цѣли, или же можетъ оскорбить достоинство суда».

Прибавьте теперь, что мировые судьи не могли быть увольняемы иначе, какъ по суду и переводимы изъ одной мѣстности въ другую иначе, какъ съ ихъ согласія, и вы поймете насколько самостоятельна и почетна была эта упраздненная нынѣ должность.

И, однако, не смотря на эту самостоятельность, не смотря на удаленность Правительствующаго Сената, невольно предполагающую нѣкоторую слабость надзора, мировые судьи въ

предѣлахъ предоставленной имъ власти дѣйствовали болѣе чѣмъ удовлетворительно, какъ это и удостовѣрилъ въ свое время Правит. Вѣстникъ, напечатавшій заключительный отчетъ о дѣятельности этого института.

Извѣстно, что впослѣдствіи значительную часть крестьянской неурядицы хотѣли свалить на этотъ ни въ чемъ неповинный институтъ. Насколько справедливо это обвиненіе можно судить уже изъ того, что значительная часть этой неурядицы произошла въ области тѣхъ правоотношеній, которыя цѣликомъ были изъяты изъ вѣдѣнія мирового суда, какъ-то: крестьянское землевладѣніе, опеки, податное дѣло и т. д.

Но если судьи дѣйствовали вообще удовлетворительно, то, слѣдовательно, и начала, положенныя въ основу мирового института, нельзя не признать соотвѣтствующими судебной дѣятельности.

Посмотримъ же теперь, насколько выдержаны тѣ же начала по отношенію служебнаго положенія земскаго начальника, не упуская вмѣстѣ съ тѣмъ изъ вида, что послѣдній въ матеріальномъ отношеніи также обезпеченъ хуже коронного судьи, что власть его столь же единоличнаго характера, а разнообразіе занятій и тѣхъ лицъ, съ которыми ему приходится входить въ сношенія, во много разъ превышаетъ тѣ же условія дѣятельности мирового судьи. Нетрудно видѣть, что сравненіе это тотчасъ же окажется не въ пользу новаго института.

Прежде всего, земскій начальникъ пониженъ въ классѣ должности и поставленъ «зауряд» уже не съ членами окружныхъ судовъ, а со всѣми остальными уѣздными чиновниками. Мало того, надъ земскимъ начальникомъ въ сущности создана гораздо большая инспекція, чѣмъ надъ другими уѣздными должностями того же класса.

На самомъ дѣлѣ, подчиненный Губернатору и Губернскому Присутствію, съ его разнороднымъ составомъ изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, земскій начальникъ вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ въ весьма недвусмысленное подчиненіе

и уѣздному предводителю дворянства, которому предоставляется ревизовать земскаго начальника, когда онъ «это признаетъ нужнымъ» *). Представьте себѣ теперь, что каждое изъ перечисленныхъ начальствъ пожелаетъ воспользоваться своимъ правомъ ревизіи только однажды въ годъ, а кто же мѣшаетъ больше, и то выйдетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ три ревизіи. Вызываясь вмѣстѣ съ тѣмъ не точно опредѣленной цѣлью, какъ того желали составители судебныхъ уставовъ, а личнымъ и вполнѣ произвольнымъ «усмотрѣніемъ» эти ревизіи не только тягостны для подвергающагося имъ должностнаго лица, но и по существу своему совершенно безполезны, а можетъ быть даже и вредны.

Объ устраненіи же изъ обряда ревизіи всего того, что не соотвѣтствуетъ ея цѣли и можетъ быть «оскорбительно для достоинства суда» не можетъ быть и рѣчи. Извѣстно, что ревизующія лица почти никогда не утруждаютъ себя производствомъ ревизій на мѣстахъ службы, а вызываютъ сразу всѣхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздный городъ со всѣми ихъ дѣлами и нарядами. Эти вороха дѣлъ, отправленные за десятки верстъ на простыхъ подводахъ, даютъ прекрасное понятіе о существующихъ обрядахъ, не останавливающихся даже передъ тѣмъ, казалось бы, весьма естественнымъ соображеніемъ, что сколько лишняго и непріятнаго труда сопряжено съ этой укладкой и разборкой дѣлъ и насколько, вообще, удобно и безопасно подвергать находящіеся въ дѣлахъ документы всѣмъ случайностямъ перемѣнчивой погоды.

Любопытно, что составители судебныхъ уставовъ признавали возможнымъ поручать ревизію судебнаго мѣста члену не той судебной палаты, въ которомъ состоитъ это мѣсто лишь въ «крайнихъ случаяхъ», губернаторы же, какъ это не разъ оповѣщалось въ печати, находили иногда возможнымъ производить дознаніе о земскомъ начальникѣ черезъ

*) 101 ст. Полож. о земск. нач.

мѣстнаго уѣзднаго исправника. Идти дальше въ нарушеніи обрядовъ ревизіи едва-ли возможно!

Но хуже всего то, что не вызываясь, какъ мы уже это видѣли, никакими опредѣленными задачами, эти ревизіи почти всегда касаются лишь одной внѣшней стороны дѣлопроизводства: на болѣе серьезное отношеніе при ихъ огульномъ характерѣ у ревизующаго лица не хватило бы и времени.

Отсюда, у подверженныхъ такимъ ревизіямъ должностныхъ лицъ, по необходимости вырабатывается то бумажное отношеніе къ дѣламъ, которое, на чиновничьемъ языкѣ, называется „дать движеніе бумагѣ". Любопытно, что по числу такихъ двинутыхъ на спѣхъ номеровъ, всегда можно безошибочно судить о близости ревизіи извѣстныхъ мѣстъ.

Находясь подъ постояннымъ страхомъ подобныхъ ревизій, земскій начальникъ постепенно спускается до степени аккуратнаго чистописателя всевозможныхъ номеровъ, все равно какихъ, но чѣмъ больше, тѣмъ обыкновенно въ глазахъ начальства лучше.

Неужели же къ этому идеалу должна свестись живая и полная инціативы дѣятельность земскаго начальника, болѣе всего чуждая излишнему канцеляризму?

Какъ бы то ни было, но соотвѣтственно съ этимъ незавиднымъ служебнымъ положеніемъ, опредѣляется и форма служебныхъ сношеній земскаго начальника, обязаннаго съ одной стороны къ представленіямъ, а съ другой къ полученію предложеній отъ всѣхъ губернскихъ установленій. Въ число же губернскихъ установленій входитъ, между прочимъ, и старшій нотаріусъ окружнаго суда и даже, если хотите, почтово-телеграфная контора, которая, такимъ образомъ, можетъ потребовать отъ земскаго начальника почтительной формы отношеній. Примѣры обидчивости уже были!

Пожалуй, скажутъ, что все это мелочная внѣшность, на которой не стоитъ останавливаться: пусть такъ, но эта внѣшность не всякому пріятна, совсѣмъ не нужна и можетъ быть лишила новый институтъ многихъ полезныхъ дѣятелей, привыкшихъ къ иной служебной обстановкѣ.

Приниженному безъ всякой надобности служебному положенію земскаго начальника въ отношеніи къ губернскимъ властямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и то шаткое и неопредѣленное положеніе, которое онъ занимаетъ въ уѣздѣ. Самое назначеніе его, какъ извѣстно, не обходится безъ предварительныхъ справокъ у мѣстнаго исправника, что невольно ставитъ впослѣдствіи этихъ должностныхъ лицъ въ довольно таки щекотливое положеніе. Независимо отъ этого, весь укладъ провинціальнаго управленія нисколько не приспособленъ къ Новому Положенію, которое, какъ извѣстно, втиснуто совершенно механически въ существовавшій до толѣ строй уѣздной жизни. Такъ напримѣръ, всесильный когда-то, какъ одинъ изъ самыхъ властныхъ членовъ крестьянскаго присутствія, исправникъ, подавленный численностью земскихъ начальниковъ, вынужденъ къ самой скромной роли въ уѣздномъ съѣздѣ, что не мѣшаетъ ему по старому сохранять за собою значеніе какъ бы начальника уѣзда и сопряженную съ этимъ званіемъ отвѣтственность за общее состояніе тѣхъ дѣлъ, большая часть которыхъ изъята изъ его вѣдѣнія.

Столь ненормальное положеніе невольно вынуждаетъ это должностное лицо къ различнымъ донесеніямъ по адресу земскихъ начальниковъ, дабы предупредить всегда возможныя для него непріятности отъ губернатора.

Если же такія донесенія получатъ, паче чаянія, поощреніе со стороны губернской власти, то исправникъ тѣмъ самымъ становится уже какъ бы органомъ, надзирающимъ за дѣятельностью земскихъ начальниковъ, чего, какъ извѣстно, въ законахъ вовсе не предположено. Крайне шаткому и неопредѣленному положенію земскаго начальника способствуетъ въ высшей степени и явно неудачная редакція ст. 21 Полож. о зем. нач. Содержаніе этой статьи, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что во время отсутствія на мѣстѣ уѣзднаго исправника или становаго пристава, на земскаго начальника возлагается надзоръ за дѣйствіями волостныхъ старшинъ, старостъ и другихъ низшихъ чиновъ полиціи по охраненію

благочинія, безопасности и т. д., впредь до прибытія вышеозначенныхъ полицейскихъ чиновниковъ.

Не трудно видѣть, что исправникъ здѣсь помѣщенъ для красоты слога, такъ какъ, проживая постоянно въ уѣздномъ городѣ, онъ для земскаго начальника почти всегда отсутствуетъ. Что же касается становаго, то едва-ли удобно ставить на одну доску этихъ должностныхъ лицъ и даже, если хотите, земскій начальникъ поставленъ ниже, потому что внезапно прибывшій становой, по смыслу этой статьи, можетъ тутъ же отмѣнить или измѣнить всѣ распоряженія земскаго начальника, которому очевидно остается въ свою очередь сдѣлаться отсутствующимъ и по возможности безмолвно и поспѣшно. Въ противномъ же случаѣ ему, пожалуй, еще придется дать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ прибывшему на мѣсто становому.

Было бы положительно невозможно исчерпать въ небольшой статьѣ всѣ помѣхи, встрѣчаемыя земскимъ начальникомъ по службѣ, но и сказаннаго достаточно, чтобы представить себѣ то невысокое и зависимое служебное положеніе, въ которое поставлено это должностное лицо, внѣ всякаго соотвѣтствія съ серьезностью врученныхъ его завѣдыванію интересовъ. Извѣстная самостоятельность и сопряженный съ нею почетъ внѣ всякаго сомнѣнія оказали самое благотворное вліяніе на личный составъ мирового института, всегда привлекавшаго въ свои ряды лучшіе элементы изъ мѣстныхъ силъ. Но вѣдь вопросъ о личномъ составѣ земскихъ начальниковъ пріобрѣтаетъ едва ли не большее значеніе: задачи новаго института гораздо шире и во много разъ труднѣе уже потому, что для значительной части подлежащихъ его разбору правоотношеній совсѣмъ не существуетъ твердо установленныхъ закономъ нормъ. Законъ во многихъ случаяхъ здѣсь молчитъ и уступаетъ свое мѣсто обычно-правовымъ воззрѣніямъ мѣстнаго крестьянства, таковы дѣла по опекамъ, семейнымъ раздѣламъ, общинному пользованію землей и т. д.

Но это то послѣднее обстоятельство и требуетъ отъ зем-

скаго начальника громадной житейской опытности и крайней осмотрительности, значительно вмѣстѣ съ тѣмъ съуживая кругъ лицъ, способныхъ къ отправленію этой должности. Незнающій мѣстныхъ условій, незнакомый съ мѣстнымъ крестьянскимъ бытомъ не можетъ быть терпимъ на должности земскаго начальника. Но само собою разумѣется, что чѣмъ уже кругъ лицъ, изъ котораго то или другое учрежденіе должно черпать свои силы, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ условія службы, въ смыслѣ привлеченія къ ней лучшихъ элементовъ.

Если почему либо невозможно теперь достиженіе того идеала самостоятельности и почета, который былъ намѣченъ для мирового судьи, то во всякомъ случаѣ не надо забывать, что только то должностное лицо всегда осмотрительно и руководится въ своихъ дѣйствіяхъ закономъ, которое въ достаточной степени самостоятельно и не принуждено всегда оглядываться на начальство.

Справедливость, только что сказаннаго, подтверждается и на самихъ земскихъ начальникахъ, наиболѣе самостоятельныхъ въ своихъ судебныхъ функціяхъ, на дурное выполненіе которыхъ слышится однако гораздо меньше жалобъ, чѣмъ на ихъ дѣятельность административную, столь опутанную всякими надзорами.

У насъ слишкомъ много удѣляется вниманія размежеванію различныхъ вѣдомствъ и слишкомъ мало служебному положенію земскаго начальника, тогда какъ въ послѣднемъ то и кроются главные недостатки новой реформы.

Въ пылу горячихъ споровъ мы забываемъ почему то, что судья-администраторъ это нашъ національный и вполнѣ законный типъ. Наша сельская община прежде всего представляетъ изъ себя судебно-административную единицу; только судья-администраторъ всецѣло отвѣчаетъ потребностямъ этой основной ячейкѣ нашего государственнаго организма. Поэтому то хорошій судъ—это только капля въ морѣ для нашего благоустройства. Печальный опытъ мировыхъ учрежденій слишкомъ ясно показалъ, что хорошіе суды прекрасно мо-

гутъ уживаться у насъ съ общей неурядицей въ деревнѣ. Обезпеченіе отъ произвола надо искать вовсе не въ одномъ раздѣленіи властей, а въ возможно широкой гласности, точномъ порядкѣ обжалованія и возможно большей самостоятельности должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія. Порядокъ въ деревнѣ наступитъ лишь тогда, когда эти начала будутъ дѣйствительно проведены въ жизнь.

К. Туръ.

Конецъ.

